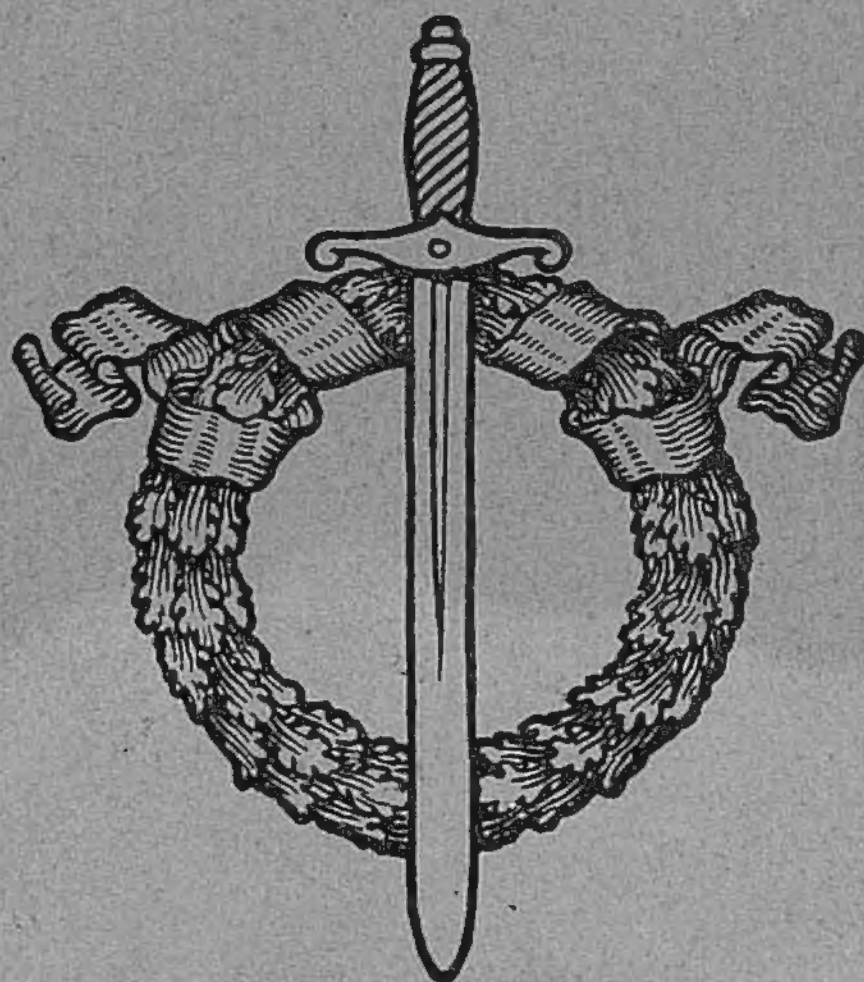
Борьба за Петроград 15 октября – 6 ноября 1919 года

Пг., 1920.

БОРЬБА ЗА ПЕТРОГРАД

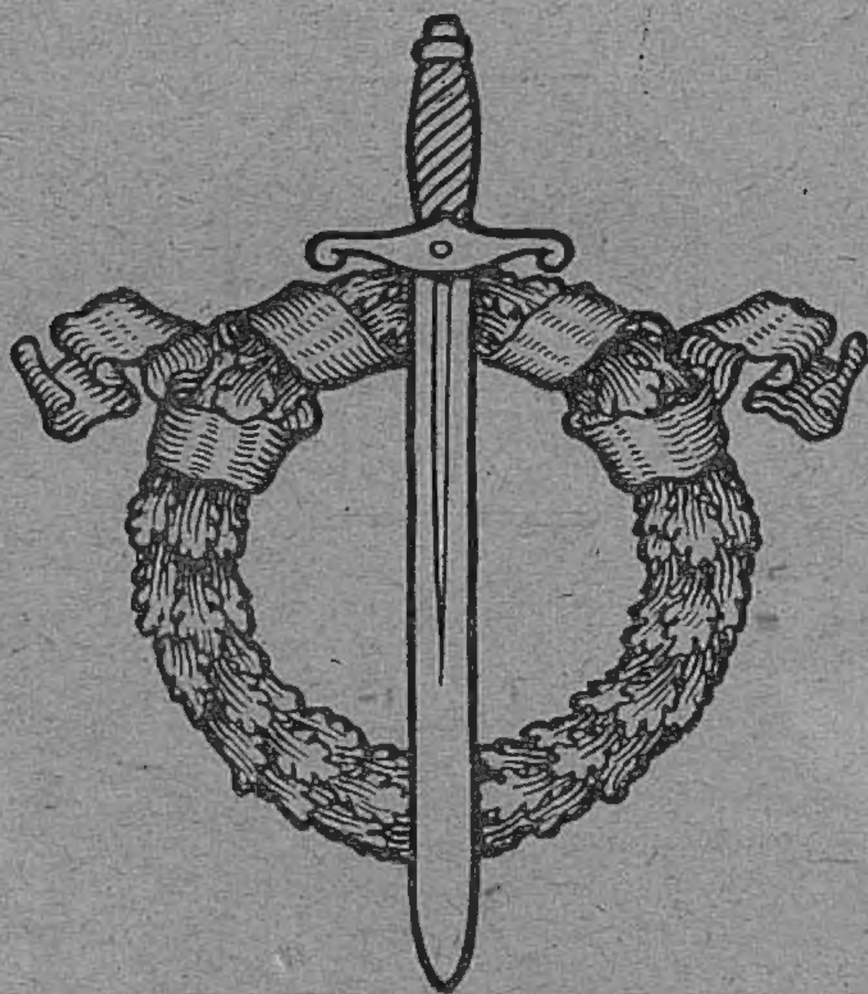
15 ОКТЯБРЯ — 6 НОЯБРЯ 1919 ГОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД
1920

БОРЬБА ЗА ПЕТРОГРАД

15 ОКТЯБРЯ — 6 НОЯБРЯ 1919 ГОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД
1—9—2—0

...НА БЫТЬ

ВТОРАЯ ТИПОГРАФИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Красный Петроград международному пролетариату.

Предлагаемый сборник освещает события октября—ноября 1919 г. в Петрограде. В предлагаемой книге собраны статьи, воспоминания, приказы и другие документы, рисующие переживания великого пролетарского центра в эти памятные дни.

Вы помните, не хуже нас, как в октябре 1919 г. все взгляды были обращены на Петроград. Империалисты стран Согласия тщательно подготовили план нападения на нашу северную столицу. Царскому генералу Юденичу была оказана обильная помощь. Внутри города на английское и французское золото был подготовлен разветвленный военный заговор, зашедший так далеко, что в числе заговорщиков находился начальник штаба 7-ой армии—той самой армии, которая должна была защитить Красный Петроград. Империалисты считали свою победу обеспеченной. Они полагали, что Петроград уже у них в кармане. Лондонские и парижские газеты аршинными буквами сообщали о том, что Петроград уже взят. В Гельсингфорсе, в этом новом Иерусалиме русской контр-революционной буржуазии, уже паковали чемоданы, чтобы ехать в Петроград, и разыгрывались жестокие ссоры по вопросу о том кто будет градоначальником Петрограда, какой из черносотенных попов будет назначен архиереем в белой столице и т. п.

Без всякого преувеличения можно сказать: это был самый трудный-самый ответственный момент для Советской власти, это был кульминационный пункт всех наших бед и опасностей. Каждый мускул натянулся, каждая пара глаз напряженно смотрела в будущее, ожидая решающих событий.

Тягчайшие испытания выпали на долю петроградских рабочих. Враг подошел близко к самому городу. Фронт настолько приблизился к стенам Петрограда, что в течение 10 минут на хорошем автомобиле можно было достигнуть фронта. Малейшее колебание, малейшая ошибка малейшее малодушие, и Петроград мог стать жертвой белых зверей.

Но именно в эти тяжкие часы великий пролетарский город развернул такие изумительные моральные силы, выказал такую стойкость и самопожертвование, какой не могли ожидать даже самые горячие поклонники пролетарского Петрограда. Если бы Красный Петроград до октября 1919 г. не имел ни одной заслуги перед мировым пролетариатом, то одних октябрьских дней 1919 года было бы достаточно для того, чтобы этот город навеки покрыл себя неувядаемой славой и стал образцом для рабочих всего мира.

Когда буржуазии приходится тяжело, когда этому деградирующему, нисходящему классу приходится туго, когда этот вырождающийся класс переживает тот или иной тяжелый кризис,—мы всякий раз видим: чем тяжелее приходится буржуазии, тем больше она теряется, тем чаще бросается из стороны в сторону, тем скорее теряет она голову, тем больше пакостей, злодеяний и глупостей совершает она. Другое дело пролетариат. Это—класс восходящий. Это—сила молодая, которой предстоит еще все будущее. Чем тяжелее приходится пролетариату, чем более тяжелый кризис доводится ему пережить, тем большее богатство духовных сил обнаруживает он перед всем миром, тем больше выказывает он стойкости, благородства, изумительной революционной энергии. Нагляднее всего показал это пролетариат Петрограда в те дни, когда судьба Петрограда, а вместе с ним и судьба Советской России висела на волоске.

Мы не будем в этом кратком введении описывать фактическую сторону дела. Читатель-друг в том материале, который мы предлагаем его вниманию, сам найдет достаточное количество фактов, которые громко будут говорить его уму и сердцу. Скажем только одно: если у петроградского пролетария в самые тяжелые дни и часы не дрогнул ни один мускул, если в самые опасные моменты он оставался торжественно спокоен и был воплощением революционной решимости и мужества, если истерзанный, голодный пролетарский город как бы по мановению волшебной палочки двинул новые и новые силы навстречу врагу,—то во всей этой трудной борьбе петроградского пролетария все время поддерживала только одна мысль. Эта мысль: международный пролетариат—с нами, сердца рабочих всех стран бьются в унисон с нашими сердцами, пролетарии всего мира с надеждою смотрят на нас и ждут нашей

победы; падение Петрограда будет ударом не только всему российскому, но и международному пролетариату: поэтому лучше тысячу раз погибнуть, чем дать пасть Петрограду. Так думал каждый средний петроградский рабочий и каждая петроградская работница. Мысль о судьбах международной пролетарской революции служила путеводной звездой для каждого участника героических боев в эти дни. Это не было парадной фразой, это не было формальной торжественностью, это была сама подлинная жизнь.

Вот почему петроградский рабочий победил своих врагов. Вот почему устояла первая крепость международной пролетарской революции.

И не было большей радости для петроградских пролетариев, как весть о том, что международный пролетариат внимательно следил за нашей борьбой. Каждое сообщение, каждое приветствие, прилетавшее к нам через границы и через океаны, каждый дружеский привет от рабочих других стран наполнял величайшей гордостью сердца петроградских пролетариев.

Вот почему предлагаемый скромный сборник мы посвящаем международному пролетариату. И мы глубоко уверены, что память о пережитых «петроградских» днях еще сильнее закрепит неразрывные узы нашего пролетарского братства.

Г. Зиновьев.

Часть первая

ОПЕРАТИВНЫЕ СВОДКИ

15 окт. 1919 г.

В Нарвском направлении наши войска под натиском противника отошли на новые позиции в 25 верстах юго-западнее Красной Горки.

В районе Балтийской жел. дороги наши части ведут бой у ст. Кикерино, в 35 вер. западнее Гатчины.

В Лужском районе наши войска ведут бой вдоль Петроградского шоссе у гор. Луги.

В Псковском районе упорные бои продолжаются в 15 вер. западнее Пскова и в 35 верстах западнее Острова.

16 окт. 1919 г.

Финский залив. 11 эскадренных миноносцев противника обстреливали артиллерийским огнем Красную Горку. В то же время самолеты противника сбрасывали бомбы. Огнем наших передовых батарей суда противника отогнаны.

В Нарвском направлении в районе Красносельского шоссе наши части занимают позиции в 30 верстах западнее Красного Села.

В Гатчинском направлении наши войска под натиском противника оставили станцию Кикерино и ведут бой в 10—15 вер. западнее Гатчины.

В Лужском районе нами оставлена линия Варшавской ж. д. на участке Луга—Низовская. Южнее реки Плюссы идут бои вдоль железнодорожной линии.

В Псковском районе на Печорском направлении наши части ведут наступление, которое успешно развивается.

17 окт. 1919 г.

В прибрежном направлении наши войска отошли на линию реки Коваши—Черная, в 10 вер. южнее Красной Горки.

В Ямбургском направлении идут бои западнее Красного Села и Гатчины.

В районе Луги бои продолжаются.

В Гдовском направлении наши части ведут бои в 40 вер. севернее Пскова.

В Печорском направлении, в районе жел. дороги наши войска с упорным боем взяли ряд селений, в 20 вер. западнее Пскова.

18 окт. 1919 г.

В Копорском заливе наблюдаются неприятельские транспорты и несколько боевых судов.

В районе побережья Финского залива упорные бои в 10 вер. западнее Красной Горки продолжаются.

В Ямбургском направлении под натиском противника наши части оставили Красное Село.

В районе Гатчины идут упорные бои.

19 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива спокойно.

Севернее Красного Села артиллерийская перестрелка.

В Ямбургском направлении наши войска после упорных боев оставили Гатчину.

В Лужском районе под давлением противника наши части отходят на линию Виндавской жел. дор.

20 окт. 1919 г.

На Карельском перешейке поиски разведчиков.

В районе побережья Финского залива спокойно.

В Ямбургском направлении идут бои несколько севернее Красного Села и в 8 верстах северо-восточнее Гатчины.

В Лужском направлении наши части под натиском противника отошли на новые позиции в 20 верстах восточнее Луги и в 15 верстах юго-восточнее ст. Плюсса и Струги-Белые.

21 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива наши войска ведут бой в 10 вер. севернее Красного Села и в 6 верстах южнее Детского Села.

Лужский район. Наши войска контр-наступлением западнее станции Батецкой оттеснили противника, причем захватили 2 пулемета, но затем

под натиском значительных сил его оставили ст. Батецкую и отошли на 2—5 верст к востоку от Виндавской ж. д. В районе Варшавской ж. д. нами занята ст. Владимирская, в 55 верстах северо-восточнее Пскова, причем захвачены пленные и пулеметы.

Псковский район. Наши части ведут упорный бой в 5 верстах западнее Пскова.

22 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива возобновился бой на всем фронте, причем в районе реки Коваш противник несколько оттеснил наши части. Южнее Петергофа наши части, перешедшие в контр-наступление, захватили пленных. Бой продолжается.

В Красносельском направлении артиллерийская перестрелка.

В районе Детского Села у Павловска идут ожесточенные бои. Противник ввел в бой 3 танка.

23 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива, в 7 верстах юго-восточнее Петергофа и в 4 верстах южнее Стрельны идут бои с переменным успехом.

В Красносельском направлении наши войска с боем заняли несколько селений в 3 верстах от Красного Села.

В районе Детского Села и Павловска наши войска перешли в наступление, которое успешно развивается, причем нами захвачено три пулемета.

В Лужском районе идут бои местного характера.

24 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива, Детского Села и Павловска наше наступление развивается. После ожесточенных боев на улице Детское Село занято доблестными красными войсками. Нами захвачена батарея, 5 пулеметов и много пленных.

25 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива поиски разведчиков.

В Гатчинском направлении наши войска стремительным ударом овладели Детским Селом и Павловском, причем нами захвачено много пленных, батарея, 5 пулеметов.

26 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива севернее Красного Села идут бои с переменным успехом. Нашими частями захвачены пленные и 1 пулемет.

В Гатчинском направлении нашими войсками взят Павловск.

27 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива наши войска заняли ряд селений в 15 верстах южнее Петергофа.

В Гатчинском направлении идут упорные бои.

28 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива наши войска стремительным ударом заняли Красное Село и ряд селений в 20 вер. юго-западнее его. Взято много пленных и другие трофеи.

Гатчинское направление. Наши части взяли несколько селений в 5 –15 вер. северо-восточнее Гатчины. Преследование противника продолжается.

29 окт. 1919 г.

В районе побережья Финского залива идут упорные бои в 20 в. юго-западнее Петергофа.

В Гатчинском направлении наши части заняли ряд селений в 6 в. северо-восточнее Гатчины. Противник оказывает упорное сопротивление.

30 окт. 1919 г.

На Карельском перешейке банды зеленых ликвидируются нашими частями и отбрасываются за финляндскую границу.

В районе побережья Финского залива боевые суда противника обстреливают наше расположение огнем тяжелых орудий калибра 8 и 9 дюйм.

Южнее Петергофа под натиском противника мы несколько отошли.

В Гатчинском направлении в районе Варшавской жел. дороги наше наступление успешно развивается.

В 10 вер. сев.-восточнее Гатчины наши части ведут упорный бой. Нами взяты 2 пулемета и пленные.

31 окт. 1919 г.

В Финском заливе наблюдается усиленное передвижение боевого флота противника.

В районе побережья Финского залива продолжаются упорные бои в 30 вер. юго-западнее Петергофа.

В Гатчинском направлении наши войска, сломив упорное сопротивление противника, заняли ряд селений в 8 вер. северо-восточнее Гатчины.

1 ноября 1919 г.

В районе побережья Финского залива боевые суда противника обстреляли огнем тяжелой артиллерии район Красной Горки. Ответным огнем наших батарей суда противника отогнаны в море. Нашим огнем сбит самолет противника, корректировавший стрельбу. Южнее Петергофа наши войска под натиском противника отошли на новую позицию

В Гатчинском направлении после упорных боев наши части вновь заняли ряд селений в 5 верстах севернее Гатчины, причем взяли несколько десятков пленных и 2 пулемета. Наступление продолжается.

2 ноября 1919 г.

В районе побережья Финского залива продолжаются упорные бои в 20—15 вер. юго-западнее и южнее Петергофа.

В Гатчинском направлении наши части ведут бой в 8 вер. северо-восточнее Гатчины.

4 ноября 1919 г.

На Карельском перешейке, в Петергофском и Красносельском районах без перемен.

В Гатчинском направлении наши части заняли Кубышки и Буйволово, что в 8 вер. сев.-восточнее Гатчины, причем захвачены пленные и трофеи. Наступление продолжается. В 8 верстах восточнее Гатчины наши части атакуют деревню Ралоли.

5 ноября 1919 г.

В районе побережья Финского залива в Гатчинском направлении наши войска, после многодневных тяжелых боев, сломили сопротивление

армии Юденича, которая поспешно отступает по всему фронту. Наши преследующие части вступили в Гатчину. Преследование противника продолжается.

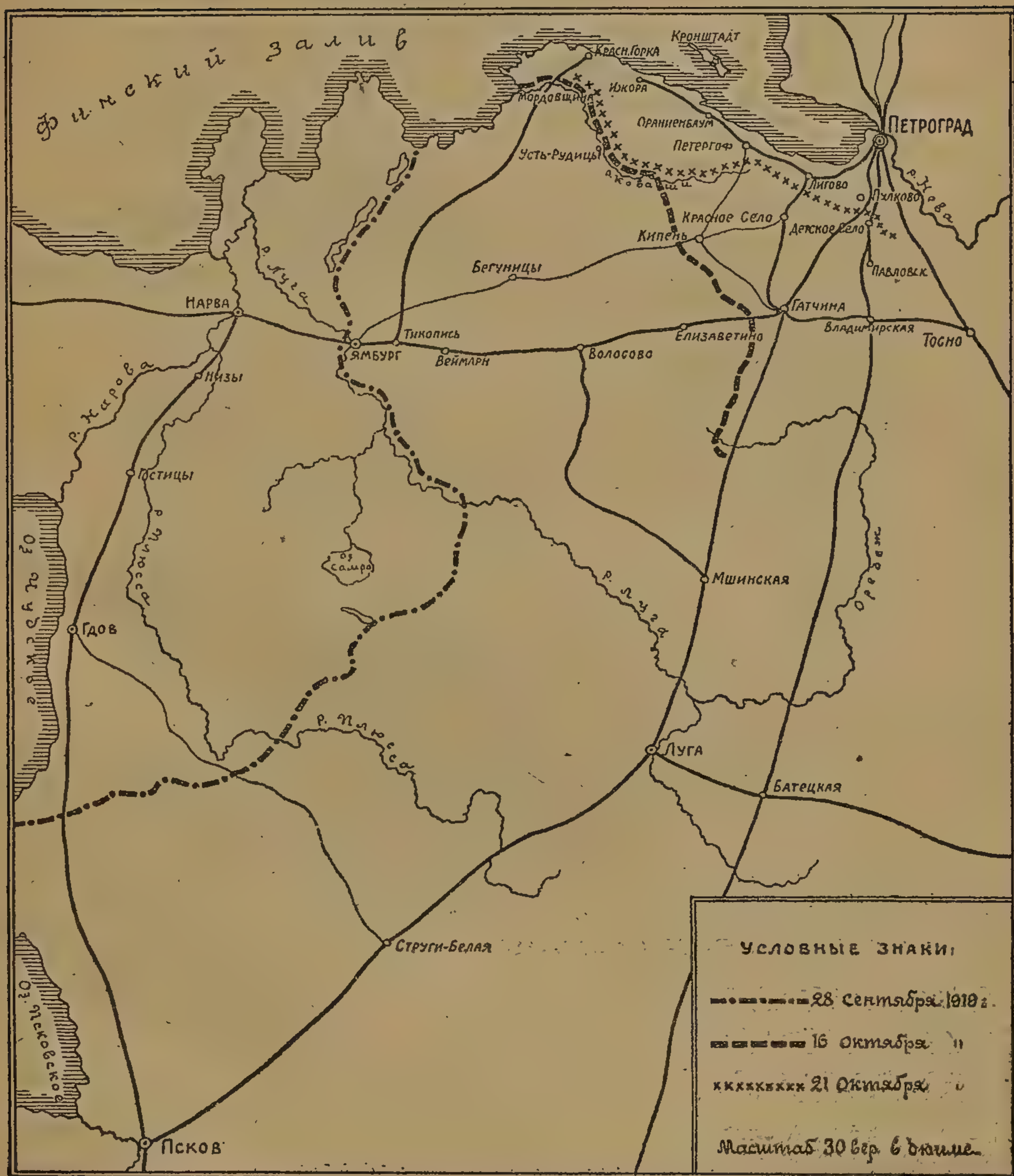
6 ноября 1919 г.

В районе побережья Финского залива наши войска заняли несколько селений в 20 вер. западнее Петергофа.

Ямбургское направление. Наши части достигли линии селений в 20 вер. западнее Красного Села и в 15 вер. западнее Гатчины.

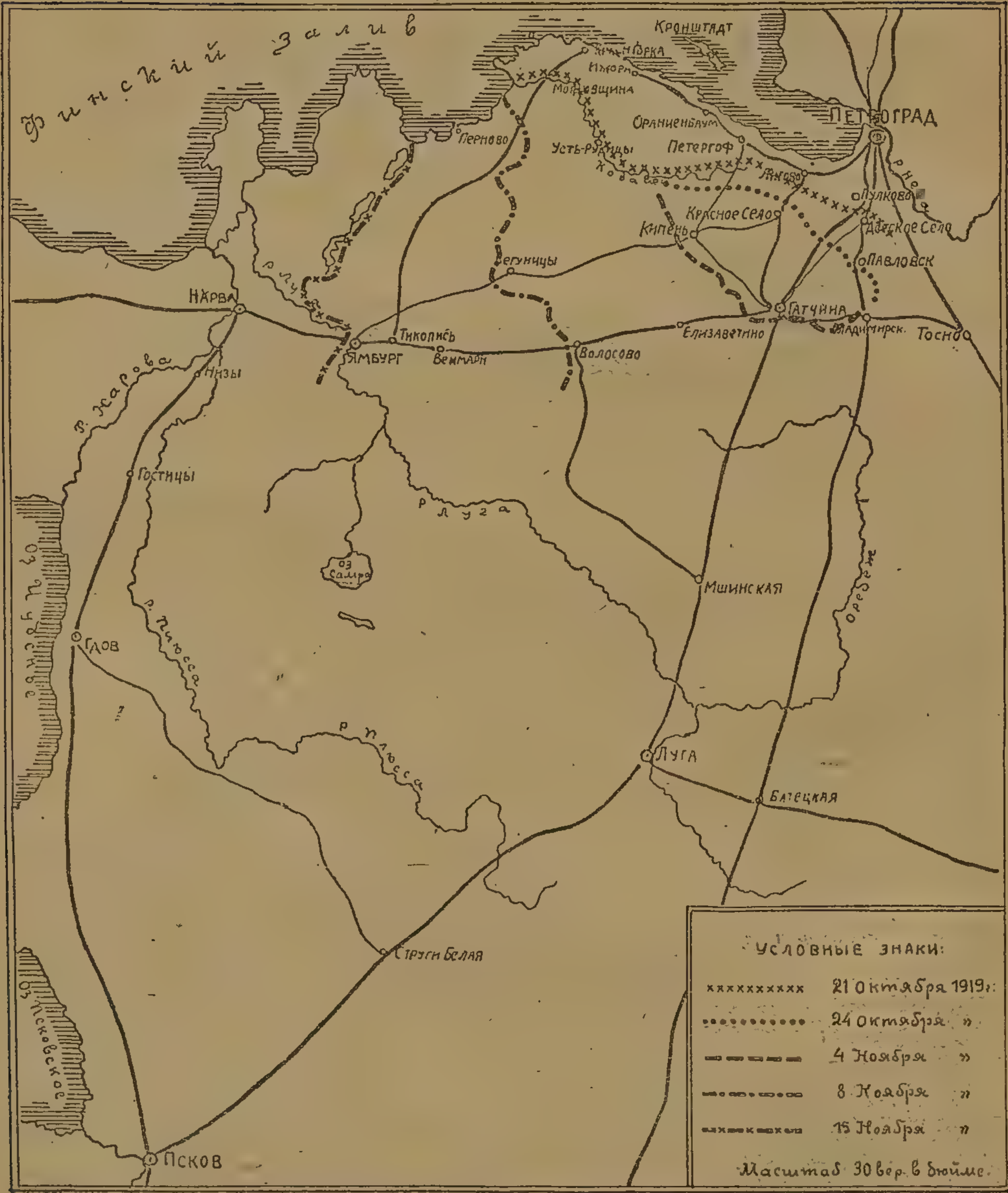
КАРТА

наступления белогвардейцев.

КАРТА

наступления советских войск.

Б. Чекалов.
Председатель Шлиссельбургского Совета,
павший в бою против банд Юденича.

Владимир Лихтенштадт (Мазин).
Секретарь издательства „Коммунистического Интернационала",
павший в бою против банд Юденича.

ВОЕННЫЕ ОБЗОРЫ

15 окт. 1919 г.

На Северном фронте ясно выразилась линия наступления белых к Петрограду вдоль Балтийской железной дороги. Насколько можно судить по показаниям сводки, известного успеха противник достиг здесь путем флангового движения с севера от полотна, и это обстоятельство заставило красную колонну отойти по железнодорожной линии до ст. Кикерино, уперев свой правый фланг в море, в расстоянии 25 верст на юго-запад от Красной Горки. Таким образом, она занимает позицию, идущую от полотна дороги на северо-запад, имея сзади себя сильные опорные точки: Красную Горку и передовую укрепленную линию Петроградского района.

Лужская Советская группа дерется с противником из-за обладания этим городом, расположенным при слиянии двух рек—Оредежа и Луги, что усиливает обороноспособность позиции.

На левом фланге у Пскова и Острова красные войска сохраняют свои позиции, и это указывает на слабость нажима белых, видимо тут демонстрирующих.

Главный удар противник наносит по прежнему направлению у Балтийской железной дороги и к северу от нее, где в силу еще не вполне выяснившихся обстоятельств ему удалось продвинуться от Ямбурга значительно к востоку.

Все это создает атмосферу тревожности, хотя прямой опасности для Петрограда еще нет. Город окружен целой сетью оборонительных сооружений, представляющих собою последнее слово фортификации, и ему нечего бояться «кавалерийского набега» белых, каким, по существу, и является затеянная ими операция. Сил у них и тут, да и вообще на всем фронте, немного, и они могут рассчитывать лишь на стремительность и неожиданность нападения, производимого ими с очень большой настойчивостью.

Во всяком случае, численное соотношение с противником здесь не изменилось в его пользу, поэтому и нет оснований допускать, что это наступление не закончится так же, как и весеннее.

17 окт. 1919 г.

Колонна ген. гр. Ливена за сутки еще несколько продвинулась вперед и в настоящее время ведет бои западнее Красного Села, Гатчины и на подступах к Красной Горке.

Этот видимый успех является остатком нажима у Ямбурга, умело и энергично использованным противником. Советские войска, задерживая с боем наседающие части, развертываются на заранее подготовленной оборонительной линии, где и будет дан отпор.

Петроградская операция белых значительно ослабила их силы на других участках Псковского фронта, что уже и сказалось значительным пространством, занятым красной колонной к северу от города по направлению к Гдову.

Никогда еще значение последнего не было так велико, как в настоящую минуту, почему этот успех следует особенно отметить. Если только ему будет суждено развиться, то обе неприятельские колонны, действующие на Петроградских подступах, попадут в тяжелое положение. Им будет не до наступления, так как угроза линиям сообщения поставит решительно вопрос о быстром и, по возможности, безболезненном отходе.

На четвертом участке фронта у Печоры Советские войска тоже заняли после упорного боя целый ряд селений, закрепляя за собою ту часть губернии, которая лежит к западу от Пскова и граничит с Эстляндией.

18 окт. 1919 г.

Войска ген. Юденича заняли Красное Село, но продвинуться дальше на восток им пока не удается вследствие сопротивления обороны.

С каждым шагом к Петрограду сила и цепкость ее будет возрастать, и не только потому, что в ряды гарнизона вливаются свежие силы, а в силу чисто геометрических условий: линия борьбы, по приближении к центру, становится короче и, следовательно, более упругой.

Достоверно известно, что противник на атакующем участке немногочислен, даже если присчитать его лужскую колонну, о которой пока

нет никаких сведений. Задержать его до прихода подкреплений не представляет большого труда и при менее значительных силах, чем в данную минуту располагает красное командование Петроградского района. Для этого надо только широко использовать инженерное искусство. Что наверное и сделано.

Нам уже приходилось говорить, что город сильно укреплен по внешней линии. Эта система укреплений не ограничивается одним фронтом, а идет и в глубину. Сейчас ее надо лишь пообновить и, конечно, дополнить средствами полевой фортификации.

В руках энергичного коменданта, при наличии кадра хороших работников в области полевого инженерного дела (военных инженеров и вообще б. офицеров инженерного корпуса), с тем контингентом просто рабочих, который может дать Петроград,—и небольшой добавки плотников и кузнецов можно в одни сутки прикрыть город новою сетью полевых укреплений, способных сдержать и не слабые атакующие части.

В тылу, и не близком, останется еще город, организованный для внутренней обороны. Она должна быть готова немедленно, хотя и нет вероятий, что дело дойдет до этого. Противник будет отброшен раньше теми живыми силами, которые стекаются на защиту города.

Многое зависит, конечно, и от того, как сложатся в ближайшие дни бои на остальных участках Северо-Западного фронта, в частности у Пскова или, вернее, к северу от него в Гдовском направлении. Если атака Советской колонны тут будет развиваться успешно, она автоматически отразится на положении противника у Петрограда. Тем более, что в скором времени ему неоткуда ожидать серьезной поддержки.

20 окт. 1919 г.

На Петроградском фронте за эти двое суток положение не изменилось, что уже само по себе следует рассматривать как благоприятный симптом, ибо всякая задержка в стремительности натиска белых играет в руку обороне, и в значительной степени.

Построив свой план захвата города на молниеносности нажима, противник, разумеется, не будет медлить с наступлением, не будь у

него на это уважительных причин. Вероятней всего он значительно поизрасходовал боевые рессурсы своей колонны, которая к тому же порядком утомилась и требует освежения и поддержки. Конечно, играет роль и повышение напряжения обороны.

В данное время белые ведут бои севернее Красного Села и несколько северо-восточнее Гатчины, желая, видимо, прорваться к югу от Лигова и к Детскому Селу. Но их наступление сдерживается и, оставаясь попрежнему изолированным, вероятно, и не разовьется настолько, чтобы занять новое исходное положение относительно востока и юга.

Фронт атаки противника достаточно узкий, что служит указанием сравнительной слабости его войск, в общем обе его колонны развернуты на участке протяжением верст 20—25.

Наступление белых попрежнему изолировано. Их лужской группе удалось продвинуться верст на 20 к северу от города по железной дороге. К тому же ею поставлена, повидимому, самостоятельная задача выйти на Петроградско-Витебскую железную дорогу. Последняя прикрывается красной армией на всем угрожаемом ей протяжении от района Луги до ст. Плюссы и далее до Струги-Белые.

Как раз на высоте Луги местность между обеими магистралями достаточно пересеченная, изрезанная речками в гористых берегах, каналами, озерами. В южной своей части возвышенная, а в северной болотистая, она по расположению линии холмов представляет большое удобство для обороны. Во всяком случае надо думать, что здесь будет оказана Советскими частями достаточная цепкость.

21 окт. 1919 г.

На Петроградских подступах обстановка остается неопределенной. Попрежнему, как видно из сводки, противник старается продвинуться к северу от Красного Села и по шоссе в направлении на Детское Село.

На других участках Северного фронта следует отметить выход неприятельской колонны к ст. Батецкой, по Витебской железнодорожной линии, примерно на одной высоте с Лугой и захват Советскими частями ст. Владимирская по Варшавской дороге, причем взяты пленные и пулеметы.

Под самым Псковом ведутся упорные бои с противником, который наступает с запада.

22 окт. 1919

На Петроградском фронте горизонт несколько проясняется. Прямой удар в городском направлении, нанесенный в ночь на 21 октября, противнику не удался. В результате ряда боев и местных контр-атак Советские войска выиграли известное пространство, что само по себе важно, когда борьба идет за ключ к Петрограду, и захватили пленных и пулеметы.

Еще существенней свидетельство народного комиссара по в. д. о признаках перелома, наблюдаемого в ... армии, служащего залогом, что теперь она сможет сама перейти в общее наступление. В том же приказе т. Л. Троцкий говорит о первых танках местного производства, принявших участие в боях на фронте. Факт важный сам по себе, ибо показывает, что и в отношении технического оборудования красная армия догоняет врага.

В настоящее время идут бои главным образом, в районе Петергофа и Детского Села. В первом Советские войска теснят противника к югу, тжимая его левое крыло и стараясь этим маневром заствить его части на участке Красного Села занять новое расположение. Между этими обеими точками около 25 верст расстояния по прямой линии, при наличии хорошего шоссе от Стрельны через Тайцы (позади Красного Села) до Гатчины. Словом, обстановка благоприятная для операции.

В Красносельском направлении артиллерийская перестрелка, что может служить указанием, что и здесь стороны перед началом решительных боев. Да оно и неизбежно, раз на флангах всей позиции у Петергофа и Детского Села ведется решительная борьба. Может быть два решения: или противник постарается себе вернуть положение новым ударом по Пулковским позициям, вразрез обеим группам, или, при сознании невозможности прорваться к городу, он ограничится здесь обороной, перенеся центр тяжести наступления в район Детского Села и Павловска.

В свою очередь и тут перед ним открывается два направления: на Петроград и к Колпину, где он может рассчитывать нанести вред государственной обороне разрушением заводов и ввести расстройство в транспорт, испортив более или менее значительный участок Николаевской железной дороги.

Но это последнее движение имеет очень мало шансов на успех, потому что противник, вследствие слабости сил, может возложить выполнение его на отдельную, изолированную колонну, которая потеряет тактическую связь с Детскосельской группой и рискует быть уничтоженной.

К тому же, приняв в исполнение известный план, ни один командующий более или менее значительным отрядом не станет его менять, так как в самой замене уже лежит зерно неуспеха. Конечно, здесь имеется в виду, так сказать, ответственное наступление, а не поиски отдельного небольшого отряда к полотну железной дороги с целью произвести известные разрушения.

Упорные бои у Детского Села и Павловска пока еще не дали результата. Но, очевидно, Советским командованием приняты все необходимые меры, чтобы локализировать их этим районом.

На остальных участках Северо-Западного фронта обстановка за последние сутки сложилась благоприятно для красной армии. Варшавская железная дорога ею перехвачена у ст. Струги-Белая и на значительном участке, а непосредственно под Псковом горизонт прояснился, ибо группа, обороняющая подступы к нему, продвинулась вперед и заняла ряд селений верстах в 5—8 к юго-западу от р. Великой. Непосредственную опасность для Пскова можно считать устраненной.

23 окт. 1919 г.

С Петроградского фронта поступают успокоительные сведения. Как и надо было ожидать, попытка противника выйти к Николаевской железной дороге потерпела неудачу. Да она и была обречена, ибо захват этой магистрали равносилен тесному обложению города и, конечно, не мог быть допущен Советским командованием, имеющим в своих руках большой перевес в силе.

С другой стороны, белые не могут бросить сюда большие силы, так как и на других участках фронта их положение становится уже менее устойчивым, что вытекало и из неудачи атаки пулковских позиций.

Поэтому наступление к Николаевской дороге, по шоссе от Детского Села до Колпино, было начато небольшими силами. Оно дало противнику в

руки деревню Ям-Ижоры, расположенную на р. Ижоре и на пересечении Московского шоссе с Детскосельским, вблизи Колпина. Но уже Советские войска перешли в контр-атаку, и этот временный успех был быстро ликвидирован. Штыковым ударом белые, откинутые из Ям-Ижоры, принуждены были затем уступить д. Войспорово и сейчас находятся в общем отступлении преследуемые красными войсками.

Обстановка боя свидетельствует о мужестве, проявленном Советскими частями, что указывает на перелом в настроении и на большую устойчивость свежевлитых полков.

Общая же картина операций под Петроградом такова, что можно уже говорить о переломе не на одном каком-либо участке, а на фронте всего района.

Так, сводка указывает на успешное продвижение с боем Советской колонны к Красному Селу, от которого ее отделяет расстояние в 3 версты. Под Детским Селом и Павловском мы тоже наступаем, ускоривая этим отлив назад колпинской колонны белых, о которой была выше речь. Таким образом две наиболее важные точки всего сектора находятся под ударами красных частей и, вероятно, в самом недалеком времени перейдут в их руки. И только в северной части сектора, у Петергофа и Стрельны, бои имеют переменный характер, но эти направления сейчас второстепенные.

Псков окончательно освободился от угрозы захвата, ибо оперирующие здесь Советские войска продвинулись на 15 верст к западу от города (Печорское направление), пройдя в 1 — 2 суток с боем около 10 верст.

Но этот нажим противника отчасти достиг цели, помешав развиться гдовскому наступлению, продолжающему, как и раньше, даже значительно больше, чем раньше, играть роль ахиллесовой пяты всего Северо-Западного фронта белых.

24 окт. 1919 г.

Мы уже указывали в прошлой статье, что наблюдаются признаки перелома под Петроградом. Теперь же можно говорить, что перелом наступил. Дальнейший ход военных событий будет зависеть не столько от операций под столицей, как от борьбы на другом конце фронта, у Пскова.

Падение Детского Села и Павловска было предрешено неудачной попыткой белых продвинуться к Колпину. Стало ясным, что наступательная энергия иссякла; вопрос сводился к тому, насколько красная армия успела вернуть себе боеспособность. Оказывается, что и в этом отношении дело обстоит благополучно. Ошеломленные неожиданным ударом и стремительным наступлением противника, красноармейские батальоны успели оправиться физически и освежиться морально как под влиянием агитации влитых в их ряды партийных работников, так и благодаря уверенности в поддержке ближайшего тыла и центра.

Захват в Детском Селе батареи противника и 5 пулеметов говорит о стремительности атаки и, вероятно, об охвате города. Перед наступающей колонной сейчас встает очередная задача продвижения к Гатчине и далее на Виндавскую дорогу, с целью освобождения ее головного участка из рук противника.

Движение это, видимо, будет развиваться успешно, потому что средняя часть позиции белых с ее тактическим ключом — Красным Селом--гнется под ударами и должна быть ими очищена в ближайшее же время. Упорная оборона Красного обусловливается тем, что противник, теряя его, ставит в очень трудные условия свою Детскосельско-Павловскую группу, у которой перехватывает сообщение с тылом по шоссе от Тярлево на Тайцы. Удар по Красному и в промежутке между ним и Детским Селом режет фронт белых на две половины, заставляя каждую часть отходить окружным путем под сильным давлением с фронта и с обоих флангов.

Под Псковом ожило Гдовское направление. Но противник, учитывая важность для него сохранения этой позиции, принимает все меры к тому, чтобы отсрочить развязку здесь. Поэтому он двинул в контрнаступление свежие силы, под давлением которых правое крыло наступающей колонны несколько отошло назад. Центр же занимает прежнюю позицию верстах в 40 к северу от Пскова по железной дороге на Гдов.

25 окт. 1919 г.

У Петрограда, после удачных ударов по Детскому Селу и Павловску, бои на время замерли. Но, конечно, это видимое бездействие прикры-

вает штабную и организационную работу частей, результаты которой мы увидим на других участках Западного фронта. Центральная красная колонна расширяет свой успех по Варшавской линии, захватив следующую за Стругами-Белой ст. Владимирский Лагерь.

27 окт. 1919 г.

Упорная оборона белыми Красносельского узла обусловливалась двумя соображениями. Во-первых, после очищения ими Детского Села и Павловска он являлся единственным пунктом, откуда, в случае изменения обстановки, они могли снова начать движение на Пулковскую позицию и к Петрограду, и затем удержание Красного Села гарантировало от катастрофы соседнюю группу, дерущуюся на путях к Детскому, потому что держало в руках ее наиболее удобные, кратчайшие линии сообщения с тылом. Противнику надо было выиграть время еще и для организации обороны Гатчины, последней его опорной точки на подступах к столице.

Все эти соображения, ясно учитываемые командованием белых, заставили их всеми силами стремиться не допустить Советские войска в Красное Село.

Однако, участь его была предрешена уже неделю тому назад, когда стало ясным, что дальнейшему наступлению белых положен предел. А затем первым этапом к победе вчерашнего дня явился успех красных на подступах к Колпино. Было очевидно, что противник выдыхается, и если еще и будет оказывать упорное сопротивление, то его следует рассматривать, как энергию отчаяния.

Огромный численный и материальный перевес Советских войск на этом фронте обеспечивал им конечный успех. Вопрос был лишь во времени, потому что приходилось многое наладить заново.

Красное Село взято после того, как наступающий, путем ряда систематических атак, отнял у противника ряд окружающих деревень, представляющих собою отдельные звенья общей позиции. Когда они пали, настала очередь и зерна оборонительного узла — Красного Села. Краткое сообщение с фронта говорит, что захвачено много трофеев, автомобили, пулеметы и пр. Видимо, штурм был стремительным и до

известной степени неожиданным. Да и, вероятно, город захвачен отчасти благодаря обходу.

Теперь очередь за Гатчиной, около которой идут упорные бои. Но ее положение, после падения Красного Села, представляется изолированным. Конечно, противник позаботился об организации обороны подступов, но по соседству нет уже сильного оборонительного барьера, который позволил бы комбинировать в борьбе живые силы с мертвыми преградами. Поэтому и ее падение есть вопрос времени, точнее ближайших дней.

На устойчивости врага не может также не отразиться успех красных войск в Лужском направлении, где ими занята станция Оредеж. У противника остается один путь отступления — Балтийская железная дорога, вытянувшаяся кишкой на запад от Гатчины. Значит, оборона последней рациональна до тех пор, пока отряд генерала гр. Ливена не успеет свернуться и вывезти в тыл все войсковые грузы. Но они невелики и на их отправку не потребуется много времени.

Удачное продвижение вперед правой Советской колонны, к югу от Петергофа, захват ею ряда селений подчеркивает, что противник уже свертывается и, отходя, дерется арриергардами.

С юга за эти два дня тоже поступили очень отрадные известия.

28 окт. 1919 г.

На подступах к Петрограду заканчивается первая часть операций ликвидацией наступления колонн армии ген. Юденича, после чего борьба должна вступить во второй фазис. Ее цель будет уничтожение всего Северо-Западного фронта, что особенно важно сделать теперь и сделать в спешном порядке, в виду неопределенности позиции, занятой Финляндией. Надо, чтобы к моменту ее вооруженного выступления, если таковое может состояться, у Советского командования были развязаны руки под Псковом и на эстляндской границе; ее возможно с помощью инженерного искусства сделать почти неприступной, использовав имеющиеся там водные преграды, холмистые берега озер, перемежающиеся с топкими болотами, и сильно пересеченную местность к западу и юго-западу от реки Луги.

Последняя сводка говорит об удачных для Советских войск боях в 5—15 верстах к северо-востоку от Гатчины: взят ряд деревень. Следовательно, позицию белых атакуют в общем направлении вдоль Виндавской железной дор. Влияние Красносельской группы еще не успело сказаться в полной мере. Когда же оно выльется в определенную форму, противнику придется очистить Гатчину, потому что сильный нажим по Балтийской дороге от Мариенбурга грозит коммуникационной линии.

Советская колонна, наступая к югу от Красного Села, встретила сопротивление белых как раз в районе Мариенбурга, у небольшой речки Кухвы. Это именно один из тех арриергардных боев, которыми отступающая сторона прикрывается, чтобы иметь время наладить отход. В данном случае играет роль и только что указанное обстоятельство— выход красносельской колонны в тыл гатчинской неприятельской группе на ее сообщения.

29 окт. 1919 г.

Под Петроградом развивается положение, созданное предыдущими боями. Как и надо было ожидать, противник оказывает упорное сопротивление у Гатчины и на своем левом фланге, где, повидимому, брошены в дело резервы. Участок этот для него имеет очень большое значение, почему и понятно, что он изыскивает все средства зацепиться здесь.

30 окт. 1919 г.

В Петроградском районе, как нами уже не раз указывалось, противник всеми силами старается удержаться на своих флангах, т.-е. в Красносельском направлении и у Гатчины, особенно в первом, которое угрожает ему большими неприятностями. Здесь даже принял участие неприятельский флот, обстреляв расположение Советских войск тяжелой артиллерией. По калибру снарядов (8 и 9-дюймовые, как говорят) можно думать, что это дело английских бронированных крейсеров, вооруженных такой артиллерией. Цель морской атаки пока не ясна. Если бы у белых был значительный десант, то тогда она могла указывать на желание произвести высадку. Может быть так оно и есть, потому что недавно в сводке промелькнуло известие о замеченных в Копорском заливе неприятельских транспортных судах. В противном случае это

просто фланговая демонстрация, в связи с контр-атакой белых в Красн сельском направлении. Последняя имела для них известный успех, заставив Советские части занять другую позицию к югу от Петергофа. Другая Советская группа успешно наступает на Гатчину, несколько окружив ее с запада.

Между Варшавской и Виндавской железными дорогами, на высоте Луги, красная колонна ведет удачные бои. Ею очищена от противника ст. Батецкая на Виндавской линии и к югу от города взят ряд селений. Таким образом, Витебская магистраль, за исключением района Гатчинского узла, снова перешла в руки красных, что существенно важно в виду исключительно тяжелого экономического положения столицы. Вероятно, скоро она будет совершенно очищена и откроет движение.

31 окт. 1919 г.

Сводка отмечает усиленное передвижение боевого флота противника в Финском заливе.

Значение такого маневра может быть двоякое: или командование белых решило произвести высадку, или имеется в виду морская атака Красной Горки и других передовых фортов Кронштадтской крепости.

Против последнего предположения говорит то, что у неприятеля в Балтийском море нет судов с крупными калибрами пушек—12-ти-дюймовыми, иначе говоря, броненосцев, хотя бы и до дредноутного типа. Только такая и более мощная артиллерия могла бы взять на себя задачу состязания с береговыми батареями, всегда находящимися в лучших условиях борьбы (неподвижное основание, более легкий и точный ренераж, меньшая цель). Опыт последней войны должен был убедить англо-французский морской штаб, что даже очень технически отсталый противник на берегу в состоянии оказать неодолимое сопротивление флоту противника, при условии рациональности использования своих, хотя бы и устарелых, пушек. Лучшим доказательством этому служит попытка форсировать Дарданеллы, предпринятая после того, как турецкие форты были сильно бомбардированы союзным флотом и между прочим с тыла 15-ти-дюймовыми орудиями английского сверх-дредноута «Квин Елизавета». Как известно, форсирование закончилось очень печально: англо-французский флот потерял более полудюжины броненосцев от

до сих пор не вполне выясненной причины. Думают, что тут сыграли роль особые самодвижущиеся мины. Но огромное значение имело и то обстоятельство, что береговая артиллерия не была окончательно подавлена.

Остается другое предположение—десант. Он, конечно, возможен вне зоны досягаемости тяжелых пушек кронштадтских батарей. Однако, вряд ли будет численно велик. Штаб ген. Юденича может рассчитывать на несколько тысяч человек, сколоченных из русских военнопленных в Германии, да на небольшой контингент военнообязанных из Финляндии.

Во всяком случае силы эти не настолько значительны, чтобы вызвать резкое изменение в положении сторон в Петроградском Укрепленном Районе. Однако, они могут затянуть борьбу, протекающую хотя и медленно, но в благоприятных рамках.

У Гатчины красная атакующая колонна сломила сопротивление белых на первой оборонительной линии и заняла ее. К юго-западу от Петергофа хотя и продолжаются упорные бои, но уже идут на другом, более дальнем рубеже.

По мере того как противник сбрасывался с своих позиций, он был вынужден занять более сосредоточенное расположение, отчего увеличилась плотность занятия участков. И это обстоятельство теперь и сказывается в повышении цепкости обороны.

В Лужском районе Советские войска приближаются к городу с востока и юга, пройдя за сутки с боем расстояние верст 5. Положение здесь напряженное, и оно должно разрешиться в ближайшее время.

Наконец, снова начала наступление гдовская колонна. От него надо ждать больших результатов, потому что противник не мог оставить здесь более или менее значительного отряда. Вероятно, оборона этого важного пункта основана, главным образом, на сочетании силы мертвых фортификационных преград и артиллерийского огня.

1 ноября 1919 г.

Вчерашние бои на Северо-Западном фронте надо рассматривать как большой тактический и стратегический успех красной армии.

Речь идет о занятии Луги. Она была взята стремительной атакой отходящих войск противника; Советская колонна ворвалась в город, и бои велись на улицах.

В этой стремительности натиска виден большой подъем наступающих частей, служащий показателем перелома. В нем залог дальнейших успехов, ибо падение Луги не разрешает еще вопроса ликвидации ближайшего к Петрограду фронта, хотя и создает для этого благоприятную обстановку.

Луга находится в 73 верстах к югу от Гатчины по Варшавской железной дороге. Верстах в 25—30 по направлению сюда, у ст. Мшинская, идет соединительная ветка к ст. Вруда Балтийской дороги.

Таким образом, занятие красной армией Мшинской,— а это должно случиться в ближайшем времени,—создает почти критическое положение группе противника, оперирующей на Петроградском секторе, в частности, гатчинской колонне. Все зависит от того, насколько успешно и быстро разовьется наступление к Мшинской и Вруде.

Уже одна угроза движения к последнему пункту заставит белых на Петроградских подступах спешно уходить, если они не будут в состоянии выставить сильного заслона на соединительной ветке. Это вряд ли, потому что свободных войск у них нет, а ослаблять себя на Гдовском или Петроградском секторах значит играть в руку красного командования.

С этой точки зрения и надо оценивать лужскую победу как стратегический успех.

Бои у Гатчины складываются удачно. Последняя сводка говорит, что Советские войска подошли с севера к городу на расстоянии 5 верст. Взяты пленные и пулеметы. Гатчина обойдена и с юга, а с переходом в руки красных Луги взоры ее гарнизона невольно обращаются в сторону Балтийской дороги, пока единственной еще свободной для отхода.

Левое крыло белых несколько продвинулось вперед, Советская колонна заняла новую позицию у Ропши. Видимо, противник хочет обеспечить за собою шоссе, идущее на запад от Красного Села, через Кипень на Капель. Быть может здесь есть расчет и на помощь десанта, чтобы удержать для него свободный путь. А может быть просто забота о лучшем обеспечении сообщения с тылом.

Обстрел батарей Красной Горки как будто бы говорит за то, что неприятельский флот производит рекогносцировку, нащупывает побережье Копорского залива для высадки. В таком случае упорство левофланговой его группы имеет достаточное объяснение.

Конечно, если у штаба белых есть хоть какая-нибудь надежда на реальную помощь с моря, то им надо во что бы ни стало уцепиться под Петроградом.

В Гдовском секторе наступление красных ведется по двум направлениям: на север от Пскова и со стороны железной дороги, по шоссе. Как то, так и другое еще не успело вылиться в достаточно решительную форму, на что, впрочем, и не было еще времени.

3 ноября 1919 г.

Под Петроградом положение остается по прежнему. Операции противника не ликвидированы, хотя существенно изменили свой характер.

Держась за Гатчинский узел, вероятно, наскоро ими приведенный в оборонительное состояние, белые стараются упрочить свое положение продвижением не на восток к городу, а на север к побережью Финского залива, видимо, желая обеспечить за собою шоссе, идущее к Копорью.

Это привело к упорным боям в Петергофском направлении, давшим противнику некоторый выигрыш пространства. Что, вероятно, надо объяснить случайными причинами, потому что в центре линии сторон Советская колонна с боем заняла в окрестности Ропши два селения, тараня среднюю часть позиции белых.

С другой стороны, наступлению их в Красносельском направлении, видимо, не суждено будет развиться. Борьба идет в 20 верстах к юго-западу и югу от этого пункта. Таким образом здесь расположение белых имеет сильно вогнутое в свою сторону очертание, с подавшимися вперед крайними точками у Гатчины и Ропши.

Подобное начертание грозило разрыву между обоими флангами и, в частности, создавало неблагоприятные условия для обороны Гатчинского узла. Поэтому противник и старается продвинуться здесь, чтобы выпрямить свою линию.

Под Лугой продолжается успешное наступление красных войск. Сводка не говорит, в каком направлении, но, очевидно, на север к ст. Мшинской.

Этому движению следует придать исключительно важное значение для исхода боев собственно в Петроградском районе.

Однако, многое зависит от темпа его развития. Дело в том, что белые, очевидно, захотят сыграть ва-банк, если только у них будет для этого время. Вот почему можно ожидать нового энергичнейшего нажима по Петроградскому направлению, раз лужское движение встретит какое-нибудь неожиданное препятствие. Противник, фигурально, может все бросить на карту, рискнув неожиданностью и смелостью натиска.

Но это возможно до тех пор, пока угроза его тыловым сообщениям из области возможности не станет реальным фактом, ибо тогда ему придется думать только о том, как бы отойти без больших потерь.

Значение Луги сейчас совершенно аналогично с ролью Гдова. Только рамки победы у первой уже, чем были бы при захвате второго пункта.

Здесь дело идет о ликвидации Петроградской операции, там она означала бы последний шаг к аннулированию всего Северо-Западного фронта.

Впрочем, результат Гдовского наступления, до известной степени, будет обусловливаться еще тем, насколько основательны были предположения о десанте противника и какое дальнейшее положение займет эстонское правительство по отношению к Советской Республике.

Если оно любезно предоставит свою территорию для отброшенной армии генерала Юденича и не только не потребует ее разоружения, но еще и даст ей возможность оправиться для новой кампании, то вопрос о ликвидации фронта придется решать уже в другой плоскости.

Впрочем, тогда он станет больше заботой политики, чем стратегии.

Задача Советского командования прижать противника к границе, заставить его ее перейти и затем создать на ней такой оборонительный барьер, который бы позволил удерживать здесь дальнейшие попытки белых к движению на восток, сравнительно небольшим силами.

В данный момент красные войска, выполняя это задание, продвигаются к Гдову в двух направлениях. Передовые части южной колонны дошли к реке Жолча и находятся в расстоянии верст 25—30 от цели своего наступления.

5 ноября 1919 г.

На Петроградском фронте горизонт окончательно прояснился после овладения Гатчиной. Правое крыло противника, сильно выдвинутое по

От'езд красноармейцев на фронт. На эстраде т. т. Зиновьев и Троцкий.

Передача красного знамени полкам, уезжающим на фронт.

Отряд Красного Креста на площади Урицкого, перед отправкой на фронт.

Женский отряд, отправившийся на Ямбургский фронт.

отношению к остальной линии, сбито. Гатчинская позиция представляла собою естественную опору всему расположению, не имеющему других узловых точек. Без нее она теряет прежнюю оформленность, становясь более аморфной, не такой упругой.

Теперь и левому неприятельскому флангу, лишенному оси, надо думать о спешном отходе, тем более, что с потерей Гатчины у штаба генерала Юденича не может остаться никаких иллюзий относительно дальнейшей перспективы борьбы на подступах к столице. Отход уже и начался.

Надежда на изменение политики нашего соседа по ту сторону Сестры-реки, видимо, питавшая неприятельские командные круги, с каждым днем становится все более и более иллюзорной. Поддержки, все, какие имелись в запасе, уже получены и пущены в дело. По имеющимся сведениям, они заключались в двух полках, подошедших к Гатчине. Но так как полки у противника встречаются часто очень слабого состава, то можно думать, что и вся их боевая сила не превосходит 700—800 штыков, что, конечно, совсем немного. Во всяком случае достаточно лишь для того, чтобы несколько продлить агонию.

Между тем, в тылу у колонны генерала Родзянко обстановка складывается очень неблагоприятно. Части N армии, захватив ст. Преображенскую, следующую по направлению к Петрограду от Луги, находится в наступлении к Мшинской, с захватом которой противник попадает в капкан, так как отсюда всего 30-верстная ветка ведет на Балтийскую железную дорогу—единственную артерию белых.

И пока еще есть время, пользуясь тем, что их отряды наступали налегке, не отягощенные большими обозами, белые начинают спешно отходить. Этим и объясняется сдача ими остальных участков позиции у Ропши и Высоцкого в Красносельском направлении.

Чреватые результатами бои N армии в Лужском районе оказали существенные услуги ее соседке, дерущейся на Петроградском фронте. Можно даже сказать, что без ее помощи окончание дальнейшей борьбы отодвигалось на неопределенный срок, ибо, как показал опыт, противник обнаружил исключительное упорство в обороне, затягивая ее всеми имеющимися под руками средствами все в том же расчете на интервенцию Финляндии. А кто знает, чем бы это могло кончиться.

Известно установившееся убеждение, что «заряженные пушки сами начинают стрелять».

В настоящее время N-ская армия, захватив Гатчину, выдвинулась своими передовыми частями верст на 10—12 к западу, заняв здесь ряд деревень. Ее южная колонна выбила противника из деревни Горки-Белые, верстах в 3—4 к востоку от Виндавской дороги. Здесь сбито крайнее правое крыло белых, зацепившихся за Вырицу. Им остается для отхода кружный путь через Сиверскую и далее проселочными дорогами примерно к ст. Кикерино или Волосово Балтийской дороги.

Очевидно, с целью помочь Петроградской группе и отвести удар от Гдова, противник снова начал наступление против Пскова с запада, со стороны Печоры. Но оно запоздало по времени и не может отразиться на ходе операции ни на подступах к столице, ни у Гдова, потому что, как-никак, а разбита большая часть лучших сил армии генерала Юденича.

6 ноября 1919 г.

Под Петроградом продолжается преследование частей разбитого корпуса ген. Родзянко в Ямбургском направлении. Не давая противнику задержаться, части нашей армии энергично наседают на его арриергарды, сбивая их и внося этим дезорганизацию во все движение.

Ее центр продвинулся до ст. Елизаветино, Балтийской жел. дороги, и сейчас, вероятно, уже подходит к ст. Волосово—головной ветке, соединяющей эту дорогу с Варшавской магистралью. Тем более, что, как указывает перечень занятых деревень, видимо, N армия успела значительно продвинуть сюда одну из своих колонн. Задерживаться белым у Елизаветина и вообще к востоку от района Вруды—Волосово значит идти на самоубийство.

Первая колонна той же армии несколько опередила в своем наступлении центр, захватив ряд селений по грунтовой дороге примерно на середине расстояния между ст. Лужки Копорской железной дороги и д. Кипень на Петергофско-Гатчинском шоссе. В ее распоряжении находится ряд дорог, которые облегчают задачу выхода к северу и северо-востоку от Ямбурга.

Последний расположен на правом (нашем) берегу Луги, лежит открыто, ничем не прикрытый, легко подверженный ударам нашей армии, наступающей по Балтийской железной дороге и к северу от нее.

Часть вторая

Петроград

Ко второй годовщине октябрьской революции Петроград снова стоит в центре напряженного внимания всей страны. И опять, как два года тому назад, Петроград оказался под опасностью с юго-запада и совершенно так же, как тогда, в конце октября 1917 г. (ст. ст.), судьба Петрограда решалась под Пулковскими высотами.

Тогдашние военные операции, как с противной, так и с нашей стороны, были окутаны атмосферой полнейшей неопределенности. Никто не мог, хотя бы приблизительно, сказать нам, какие силы на нас наступают. Одни говорили—тысяча казаков, другие—три, пять, десять тысяч и т. д. Буржуазная печать и буржуазная молва (тогда обе еще были очень многоречивы) чудовищно преувеличивали силы Краснова. Помню, первые достоверные сведения о количестве прибывших казаков я получил от тов. Воскова, который наблюдал их эшелоны в Сестрорецке и категорически настаивал на том, что казаков никак не более тысячи сабель. Но все же оставалось возможным, что пришли еще какие-либо части походным порядком — Восков говорил лишь о железнодорожных эшелонах.

Столь же неопределенны были те силы, какие мы могли противопоставить казакам. В нашем непосредственном распоряжении был весьма значительный по численности петроградский гарнизон. Но он состоял из полков, которые в первых сотрясениях революции утеряли боеспособность. Старая дисциплина разрушалась вместе со старым командным составом. Революция требовала разрушения старого военного аппарата. Новой военной дисциплины еще не было. Создавались наспех рабочие красноармейские отряды. Какова была их ударная сила? Этого никто не мог еще сказать. Мы не знали толком, где находилось необходимое снабжение. Старые военные власти отнюдь не спешили предоставить его в наше распоряжение. Новые власти не знали к нему пути. Все это создавало обстановку чрезвычайной неопределенности, в которой легко возникали и разрастались панические слухи.

В Смольном, при участии тов. Ленина и моем (не помню точно, какого числа), созвано было гарнизонное совещание с участием командного состава. Часть офицерства уже скрылась в этот период. Но значительная часть оставалась при своих полках, не зная, что предпринять, и по традиции считая недопустимым покидать свою часть. Ни один из офицеров, принимавших участие в этом совещании, не позволил себе хотя бы заикнуться относительно неприемлемости «гражданской войны» и нежелательности отпора Керенскому и Краснову. Объяснялось это, главным образом, полной растерянностью офицерства, у которого не было причин дорожить режимом Керенского, но не было также оснований радоваться пришествию Советского режима. Организованного лагеря контр-революции еще не было. Агентура Антанты еще не расстелила своих сетей. При таких условиях наиболее простым решением для командного состава было держаться за свой полк и выполнять его решения. К этому нужно прибавить, что командный состав был уже выборным. Наиболее злостные элементы были отброшены.

Однакоже никто из командиров не хотел взять на себя ответственность за руководство всей операцией—отчасти потому, что среди участников совещания, насколько помню, не было лиц с серьезным боевым стажем, а главным образом, потому, что никто не хотел слишком просовывать свою голову вперед, не зная, что из этого выйдет. После нескольких неудачных попыток привлечения командиров полков, выбор пал на полковника Муравьева, сыгравшего потом немалую роль в военных операциях Советской России.

Муравьев был прирожденным авантюристом. В этот период он считал себя левым эс-эром (левое эс-эрство было тогда прикрытием для многих пролаз, желавших примазаться к Советскому режиму, но не решавшихся наложить на себя тяжелое бремя большевистской дисциплины). По военному своему прошлому, Муравьев был, кажется, преподавателем тактики в юнкерском училище. Хлестаков и фанфарон, Муравьев не лишен был, однако, военных дарований, быстроты соображения, дерзости, умения подойти к солдату и ободрить его. В эпоху Керенского авантюристские качества Муравьева сделали его организатором ударных боевых отрядов, которые направлялись, как известно, не столько против немцев, сколько против большевиков. Теперь, с при

ближением Краснова к Петрограду, Муравьев сам, и притом довольно настойчиво, выдвинул свою кандидатуру на пост командующего Советскими войсками. После понятных колебаний, кандидатура его была принята. При Муравьеве была учреждена выбранная гарнизонным совещанием пятерка из солдат и матросов, которым внушено было иметь за Муравьевым неослабное наблюдение и в случае малейшей попытки измены убрать его прочь.

Муравьев, однако, не собирался изменять. Наоборот, с величайшей жизнерадостностью и верой в успех он принялся за дело. В отличие от других военных работников того периода, особенно партийных, он не жаловался на недочеты, прорехи, на саботаж, а, наоборот, все недочеты заделывал жизнерадостным многословием, заражая постепенно и других верою в успех.

Главная организаторская работа легла, однако, на рабочие районы. Там разыскивали необходимые ружейные патроны, снаряды, орудия, лошадей и упряжку и выкатывали импровизированные батареи на позиции, которые тем временем все ближе и ближе подходили к Петрограду. Решающий бой произошел на Пулковских позициях.

Полки петроградского гарнизона выступили на позиции довольно вяло. Тогда, на заре октябрьской революции, у рабочих масс еще не было сознания неизбежности суровой борьбы для закрепления переворота. Захваченным идейной силой революции массам казалось, что вопрос решится до конца мерами агитации, силою слова. Вооруженные столкновения с казаками казались им прискорбным недоразумением, случайно нарушившим победоносный ход октябрьской революции. Предстоявших боев они не брали в серьез, предпочитая отправлять навстречу противнику агитаторов и парламентеров.

Петроградские пролетарии относились к делу серьезнее, чем солдаты гарнизона, но они могли выставить лишь наспех созданные отряды так-называемой Красной Гвардии...

Исход боя решила артиллерия, которая с Пулковских высот внесла значительные опустошения в ряды Красновской конницы. Называли 300 — 500 убитых и раненых. Число несомненно преувеличенное. Казаки сражались без всякой охоты. Их уверили, что петроградское население встретит их, как избавителей, и достаточно было небольшого

артиллерийского удара, чтобы остановить их движение. Остановившись, они зароптали против своих командиров, замитинговали, вступили в переговоры с представителями красногвардейцев. Раз дело перешло на почву переговоров,—тут уже мы были безусловно сильнее. Казаки отступили к Гатчине, где находился Красновский штаб. Керенский бежал, обманув Краснова, который, повидимому, собирался обмануть его. Адъютанты Керенского и состоявший при нем Войтинский были покинуты им на произвол судьбы и взяты нами в плен, как и весь штаб Краснова.

Натиск был отбит, октябрьская революция закреплена. Вместе с тем открылась эпоха непрерывной, напряженной гражданской войны.

Два года спустя нам опять приходится обеспечивать Октябрьскую революцию на тех же Пулковских высотах. Неосмотрительно отпущенный на волю в 1917 г. Краснов сражается ныне в войсках Юденича и под той самой Гатчиной, где он был взят нами в плен. За этими чертами сходства—какое, однако, огромное различие: тогда Петроград еще кишел буржуазными и интеллигентскими элементами, группами, кружками, партиями, газетами, и вся эта пестрая братия считала, что мир держится на ней, что Советская власть—недолговечная случайность. Пролетариат вошел в свою революцию с большим энтузиазмом, с великой верой, подъемом, но и с большим запасом благодушия. За эти два года метла революции сурово прошлась по петроградской буржуазии. С другой стороны, рабочие Петрограда прошли через огромные испытания. Энтузиазм не горит таким внешне ярким пламенем, как два года назад, но зато прибавилось опыта, твердости, уверенности, душевного закала. Враг организовался и стал сильнее. Уже не тысяча казаков наступает на Петроград, а много сотен тысяч бойцов, вооруженных средствами мирового империализма, наступают на Октябрьскую Россию. Петрограду угрожают десятки тысяч белых солдат, прекрасно вооруженных. Английские корабли выбрасывают на наше побережье пятнадцати-дюймовые снаряды. Но и мы стали сильнее. Старых полков нет. Импровизированные отряды вооруженных рабочих также отжили свой век. Их место заняла правильно организованная Красная армия, которая—нельзя отрицать—знает моменты упадка, неудач и даже малодушия, но которая в конце-концов в минуту опасности всегда умеет сосредоточить необходимую энергию и дать отпор врагу.

Два года назад Петроград выступал, как великий зачинщик. Теперь на Петрограде международный империализм хочет показать свою силу в деле удушения революции. Борьба из за Петрограда получает характер мирового поединка между пролетарской революцией и капиталистической реакцией. Если бы этот поединок закончился неблагоприятно для нас, то-есть если бы даже мы временно сдали Петроград,—этот тяжелый удар еще вовсе не означал бы крушения Советской Республики. За нашей спиной еще необъятный плацдарм, который позволит нам маневрировать до полной победы пролетарской революции в Европе. Но зато наша победа в петроградском поединке означает сокрушительный удар англо-французскому империализму, который слишком многое поставил на карту Юденича. Борясь за Петроград, мы отстаиваем не только колыбель пролетарского восстания, но боремся самым непосредственным образом за его мировое распространение. Это сознание удесятеряет наши силы. Петрограда мы не отдадим. Петроград мы отстоим.

Л. Троцкий.

30 окт. 1919 г.

Красный Петроград

Петроград первый поднял знамя восстания и в 1905, и в феврале и в октябре 1917 г.г. В трех революциях первое место принадлежало Петрограду.

Нигде в России не чувствуется так живо биение пульса пролетарской борьбы, как в Петрограде. Я помню первые свои впечатления после 8 лет эмиграции, при возвращении весной 1917 года в Петроград. Ощущение такое, как будто сразу попадаешь в бурлящий котел, в самое «пекло» классовой борьбы. Кругом бушует пролетарское море, клокочут страсти, и чувствуешь, что надвигается пора, когда классовая борьба примет ее самую острую форму—форму гражданской войны...

Петроград все время шел впереди всей России, он каждый раз опережал ее на несколько месяцев. И случалось так, что пролетарскому Петрограду приходилось прямо умерять свой шаг для того, чтобы дать время подоспеть тяжелым резервам. Так шло дело и до октябрьского переворота, и после его.

Пусть назовут нам другой город в России, да и во всем мире, который столько претерпел бы, столько перенес бы, как Красный Петроград за годы 1917—1919. Голод, три эвакуации, троекратное наступление белых, убийства рабочих вождей (Володарский, Урицкий), заговоры правых и левых эсэров, холера, измена на Красной Горке—всех бед и не счесть!

Тем не менее Петроград устоял и в настоящий момент, ко второй годовщине пролетарской революции, стоит крепче на ногах, чем когда бы то ни было. Лишения, беды, страдания, голод—все это служило только к тому, чтобы еще больше закалить дух героического пролетария Петрограда.

У Петрограда была своя десница и шуйца. В Петрограде в течение 25 лет накоплялись массы рабочих. Они переваривались в фабрично-заводском котле, они шлифовались в этом громадном городе, они закаляли свой дух и являли собой авангард всей рабочей России.

Но на другом полюсе в Петрограде в течение многих и многих

десятилетий скоплялось чиновничество, скоплялись целые пласты буржуазии и ее лакеев. Нигде не было такого моря старого чиновничества, как в Петрограде. Нигде не было такого количества «верхов» буржуазии, помещиков и плутократов, как в Петрограде. От этих буржуазно-чиновничьих наслоений в Петрограде кое-что осталось и после двух лет пролетарской революции. Но железная метла революции поработала на славу. В основном победил пролетарский Петроград, и пролетарское начало реет сейчас над этим исстрадавшимся, но величавым и в своем страдании городом.

Пролетарский гений одержал величайшую моральную победу в этом городе. Чем более трудное, чем более глухое время приходилось Петрограду пережить, тем большее богатство моральных сил обнаруживал петроградский пролетарий. Как из-под земли в самое трудное время являлись новые силы, и опять и опять петроградский рабочий выходил победителем из всех обступавших его бед. Петроград—изумительный город. Петроград и в правду—город, на горе стоящий. Петроград, как маяк, светит мыслящим рабочим и крестьянам всей России.

Пройдитесь по улицам и площадям Петрограда. Тут, можно сказать, каждый камень есть кусок истории русской революции.

Вот площадь Зимнего дворца, где разыгрались события 9 января 1905 года. Вот самый Зимний дворец, который штурмовали десятки тысяч благороднейших пролетариев Петрограда 25 октября 1917 г. Вот Таврический дворец (ныне дворец Урицкого), где заседала черносотенная Государственная Дума, где впоследствии была разогнана пресловутая Учредилка, где 3-го июля 1917 г. впервые составилось большевистское большинство рабочей секции Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. Вот за Нарвской заставой здание, где в августе 1917 г. полулегально заседал 6-ой съезд Российской Коммунистической Партии. Вот юнкерские училища, из которых засевшие в них барчуки-юнкера пытались расстрелять рабочую революцию. Вот, наконец, Смольный, главный штаб величайшей в мире пролетарской революции. И в его главном зале (в Актовом зале) как будто еще сейчас слышатся отзвуки произнесенных там исторической важности речей...

Сколько раз уже наши враги «брали» Красный Петроград! Десятки раз английское и французское радио оповещало весь мир о том, что

финские белогвардейцы уже заняли Питер. Десятки раз военные гении всемирной буржуазии вырабатывали великолепнейшие планы взятия Петрограда. Два раза враждебные полчища подходили уже к Петрограду на расстояние 30 верст. И каждый раз из трудной титанической борьбы с целым сонмом врагов победителем выходил голодный, напрягающий свой последний мускул, но все-таки не гнущийся гордый сын Красного Петрограда, революционный питерский пролетарий.

280.000 рабочих выбыло из Петрограда за полтора года, начиная с октябрьского переворота.

Куда ушли эти рабочие?

Громадное большинство их ушло на многочисленные фронты. Тысячи и тысячи борцов, питерских пролетариев, сложили свои буйные головушки на различных фронтах гражданской войны в борьбе за коммунизм. Другие десятки тысяч питерских пролетариев ушли в деревню. Они ведут там великую, культурную, организаторскую работу. Среди председателей уездных советов, среди вожаков волостных исполкомов вы чаще всего встретите питерского рабочего. Это *он* понес в деревню свет, это *он* стал настоящим вождем возрождающейся к новой жизни, далекой, занесенной сугробами русской деревни.

И за это Петроград и пользуется горячей любовью всей Советской России. Без преувеличения можно сказать: Петроград это—любовь рабоче-крестьянской России. В продолжение двух лет не ослабевает приток отдельных вагонов хлеба в Петроград, собираемого по фунту, а то и по четвертушке в далекой Сибири, на Волге и в центре России. Детям петроградских рабочих из самых различных углов России шлют подарки, часто отрывая последний кусок у себя. Слова «питерский рабочий» действуют, как искра. Появление передового петроградского пролетария в любом месте—на фронте, в деревне, на железной дороге, всюду, где приходится решить какую-либо трудную, но важную для Советской России задачу—сразу двигает дело вперед.

Окруженный врагами со всех сторон, голодный, разоренный, Петроград одной рукой отбивается от всех напастей, а другой все-таки продолжает строить новую жизнь. Петроград первый наладил грандиозный аппарат общественного питания, обслуживающий уже сейчас 1.100.000 человек. Выдаваемые обеды очень скудны и крайне голодны, но не всегда

это будет продолжаться. А аппарат, созданный для выдачи 1.100.000 общественных обедов каждый день, является, несомненно, уже куском социализма. Петроград первый привлек в массовом масштабе женщин-работниц к государственной работе. Самые широкие слои женского пролетариата всколыхнуты героической борьбой петроградских рабочих. Десятки тысяч пролетарок сознательно борются в наших рядах. Десятки и сотни выдающихся деятельниц уже вышли из среды рядовых работниц Петрограда. Нет той отрасли государственной работы, где не работала бы сейчас петроградская работница. Петроград первый вооружил около тысячи работниц, поставив их в качестве милиционерок на охрану великого города. Петроград первый привлек сотни и сотни выдающихся работниц к делу обслуживания больниц, ухода за ранеными красноармейцами, контроля за важнейшими учреждениями социального обеспечения и т. д. и т. д.

Зато и вся ненависть наших врагов сконцентрировалась на этом городе-бунтовщике. Корнилов вел свои войска *на Петроград*. Керенский собирал военные силы для того, чтобы *взять Петроград*. Социал-предатели устами своего вождя, пресловутого А. Потресова, еще в сентябре 1917 года писали бешеные статьи, требуя «*покончить с Петроградом*».

Революционные рабочие Петрограда расстроили все эти адские замыслы врагов.

В одной английской газете нам недавно довелось читать статью, в которой говорилось: Петроград есть для большевиков «своего рода фетиш». Взять Петроград означает обезглавить большевиков.

Английский буржуа был не совсем не прав. Конечно, Петроград для нас не фетиш; конечно, у революционных пролетариев нет и не может быть идолов. Но Красный Петроград, великий бунтовщик, первый город пролетарской революции, колыбель III Интернационала, Петроград, для нас, действительно, является самым драгоценным городом.

И Петроград для нас отнюдь не «реликвия», как писал не так давно один из не самых дальновидных сторонников Советской власти. Мы защищаем и должны защищать Петроград не только, как исторический революционный памятник, как город, которому мы так много обязаны в прошлом. Нет, Петроград и сейчас—горячее сердце Советской

России, Петроград и сейчас неиссякаемый источник квалифицированнейших представителей пролетарской гвардии, Петроград и сейчас важнейший центр пролетарской борьбы, Петроград и сейчас снабжает всю Советскую Россию лучшими вожаками, выходящими из гущи рабочей массы. Петроград, даже и при оскудении его промышленности, и сейчас является одним из важнейших центров снабжения всей Красной армии.

Вторую годовщину пролетарской революции наш красный Петроград встречает при очень трудной обстановке. И все-таки ни на минуту петроградский пролетарий не потерял и не потеряет бодрости.

Не доняли нас ветры буйные, не дорежет нас и осень черная— так говорят себе петроградский рабочий и петроградская работница.

На Южном фронте опасное положение. Что же? Первые бросимся туда, где самое опасное место. Первые бросимся вперед и грудью своей отстоим диктатуру пролетариата, и расшевелим рабочих других городов, и поднимем всю рабоче-крестьянскую Россию, и вместе с нею завершим тяжелую борьбу славной победой...

Нет лучше пролетариев, чем питерские рабочие! Нет славнее города, чем Красный Петроград. Я знаю десятки пожилых питерских пролетариев, которые буквально влюблены в свой город и для которых расстаться с Петроградом было бы так же тяжело, как расстаться с самым любимым человеком. У этих стариков-пролетариев и у их более молодых соратников есть одна затаенная мечта: когда мы кончим победоносно гражданскую войну — вновь перенести столицу Советской России в Красный Петроград.

Пожелаем, чтобы к третьей годовщине пролетарской революции эта мечта сбылась. Пожелаем, чтобы к этой же третьей годовщине Коммунистический Интернационал одержал победу во всем мире.

Г. Зиновьев.

Отбитая атака

Обстановка, при которой началось второе наступление армии Юденича на Петроград, в сентябре—октябре 1919 г., была для нас чрезвычайно невыгодной.

Хотя на Восточном фронте Колчак к этому времени был уже основательно разгромлен и никакой угрозы для Советской России не представлял, Деникин на Юге, несмотря на наши победы над восточными белыми войсками, начал крупную и, на первых порах, успешную для него операцию.

Захватив Воронеж и Орел, Деникин непосредственно угрожал Туле и отчасти Брянску. Все внимание Советской России и главного командования было обращено на Юг. К этому времени генерал Юденич приурочивает наступление Северо-Западной армии для захвата Петрограда.

7-я армия, стоявшая непосредственно на подступах к Петрограду, и соседняя 15-я армия были значительно ослаблены крупными перебросками частей для усиления южных армий, действовавших против Деникина.

В штабе 7-й армии было неблагополучно по части измены, шпионажа и предательства. Как потом выяснилось, план наступления на Петроград был разработан для Юденича никем иным, как начальником штаба армии—Люндеквистом.

По должности начальника штаба, Люндеквист, конечно, был прекрасно осведомлен о планах командующего армией и великолепно знал состояние красных войск и их расположение.

К этому времени командующий армией разрабатывал удар на Гдов с целью захвата этого пункта.

Для этого он намеревался ослабить свой правый фланг и часть войск перебросить на Гдовское направление.

Люндеквист усердно помогал ему ослаблять Петроградское направление, готовя для Юденича план удара, как раз по ослабленному месту.

К чему сводился план Юденича?

Коротко,—к следующему:

Зная, что наше командование предполагает нанести удар по Гдову, Юденич сосредоточил небольшую ударную группу южнее Гдова и начал демонстративное наступление на Струги-Красные, что между Лугой и Псковом, для того, чтобы отвлечь наши силы туда.

Главную же массу своих войск он собрал западнее Ямбурга для непосредственного удара на Петроград, пользуясь хорошим шоссе и железной дорогой Петроград—Нарва.

К началу операции, в первых числах октября, наши силы и силы противника были приблизительно равны; у нас было небольшое преимущество в пехоте и в количестве пулеметов, у белых были танки.

Начав наступление 28-го сентября, белые до 9-го октября вели бои преимущественно в районе Струги-Красные—г. Луга.

В результате кровопролитнейших боев противнику удалось сбить наши части. Продолжая теснить красные войска, белым удалось переправиться через Плюссу и одновременно приблизиться к линии Варшавской железной дороги у Струги-Красные и ст. Владимирский лагерь.

10-го октября белые наносят нам сильный удар южнее Ямбурга у с. Муравейкино, и наши части, не выдержав натиска, начинают отходить к вечеру за р. Лугу.

Переправившись через Лугу, противник одной колонной спешит к Ямбургу, а другой, по шоссе, направляется на ст. Молосковицы, что в 30 верстах восточнее Ямбурга, по железной дороге Ямбург—Гатчина.

На рассвете 11-го октября белые, под прикрытием ураганного огня и при поддержке 3 танков, начинают наступление на Ново-Пятницкое и д. Луцк—Юркино; в результате упорного боя прорывают наше расположение и к вечеру овладевают гор. Ямбургом.

Этим и начинается активная операция против Петрограда. Отвлекши своими действиями под Лугой наше внимание и часть сил, Юденич рассчитывал своими главными силами идти быстрым маршем на Петроград и овладеть им.

Первые шаги белых были для них очень удачны. Красные войска не выдерживали удара и быстро отступали.

Пали Луга и Гатчина.

16-го октября нашими войсками оставлено было Красное Село.

Противник продолжал нажимать на Детскосельском направлении, и 20-го октября наши части очистили Детское Село.

Положение становилось угрожающим.

Противник подходит к Пулковским высотам и своим правым флангом пытается выйти на Николаевскую железную дорогу в районе Колпина.

Захватом Гатчинского узла наша армия была разрезана на две части и с левофланговыми частями связь была потеряна.

Генерал Родзянко отказывался рассматривать Петроград с высот Красного Села, гордо заявляя, что завтра он будет «гулять на Невском»

Но это было, как и вся авантюристская затея, бахвальством.

Детское Село и Красное были последними пунктами нашего отхода.

К 20-му октября нашим командованием были закончены все подготовительные шаги для контр-удара.

Усиленные резервами из центра и подкрепленные смелыми отрядами коммунистов, наши войска начинают оказывать упорное сопротивление дальнейшему продвижению белых.

Наш план удара со стороны Колпина по правому крылу Юденича для выхода во фланг и тыл ему удался блестяще.

Не выдержав у Ям-Ижоры удара славных восточных полков и латышских стрелков, противник, упорно защищаясь, начинает откатываться.

23-го октября лихой атакой курсантов мы захватываем Детское Село.

24-го октября мы выбиваем белых из Красного.

Наши части по всему фронту переходят в наступление, и за очень малыми исключениями везде противник уступает нашему натиску.

Одновременно с нами переходит в наступление соседняя армия.

Противник, увлеченный Петроградом, до чрезвычайности ослабил свои силы в районе Луги.

Воспользовавшись этим, наши соседи, преодолевая пространство и болота, почти без дорог, одним ударом захватывают Лугу и начинают движение по Варшавской жел. дор. на север.

Овладев ст. Мшинской, Красная армия по Мшинской ветке стремится возможно скорее выйти к ст. Волосово, что на линии ж. д. Гатчино—Ямбург.

Одновременно мы усиливаем натиск на Гатчину.

Сжатый с двух сторон и боясь за свой тыл, противник яростными контр-атаками пытается остановить наше наступление.

Но уже все чувствуют, что игра проиграна, и в первую голову это начинает понимать белое командование.

3-го ноября белогвардейцы без боя очищают Гатчину.

Они поспешно отступают, стараясь вывести свои войска из-под удара и сохранить свой тыл и материальную часть.

После Гатчины отступление противника идет безостановочно.

Вместе с нашими соседями мы ведем концентрическое наступление на Ямбург и 13-го ноября, после упорного боя под городом и на улицах, мы овладеваем Ямбургом.

Операции можно считать законченными. По мере отхода противника он оставляет нам все более и более трофеев.

Начинается развал в белых частях.

Масса пленных красноармейцев, насильно поставленных в строй, пользуется всяким удобным случаем, чтобы перебежать к нам.

Оттесненные за р. Лугу, белогвардейцы находят опору в эстонских частях и укреплениях.

Кой-где они даже пытаются переходить в наступление, но это уже агония, начало конца.

Наши части стремятся покончить с Юденичем и захватить Нарву.

Несмотря на укрепления долговременного характера, построенные эстонцами, и густую проволочную сеть, наши части во многих местах, ценою тяжелых потерь, прорывают позиции.

Нарва в конце концов была бы взята, если бы не начавшиеся мирные переговоры.

С началом переговоров Северо-Западная армия приходит в окончательное расстройство.

Начинается массовая сдача целых частей, на нашу сторону переходят не только солдаты, но и отдельные офицеры.

За короткий период у нас собралось тысяч пятнадцать перебежчиков. Остатки Северо-Западной армии, голодные, полураздетые и деморализованные, начинают погибать от тифа.

Так позорно кончилась авантюра, имевшая целью захватить Красную столицу.

Но чем же объяснить хотя бы кратковременный успех Юденича?

Внимательно всматриваясь во все подробности боев под Петроградом, изучая психологию Красной армии и учитывая всю обстановку ко времени наступления, можно наметить основные причины; это— переброски целых крупных единиц на юг, выдергивание самых лучших коммунистов и наиболее опытных командиров для усиления наших южных армий и измена в штабах и в штабе армии в особенности.

Все внимание Советской России, и Петрограда в том числе, было направлено на Тулу—Орел. Там решалась судьба нашей страны.

Петроград ослабил себя небывалой мобилизацией партийных сил.

Из армии тоже были сняты самые ответственные люди, которых знала вся армия.

Армия была ослаблена количественно и, что еще хуже,—качественно. Отсутствовал надзор за командным составом и работой штабов.

Армия ничего не делала, а пассивность всегда ведет к расхлябанности.

Снабжение было поставлено отвратительно.

Был, конечно, еще ряд причин, но перечисленные выше несомненно играли главную роль.

Все это вместе взятое и послужило причиной развала, и этим объясняется, что армия вначале не выдерживала сколько-нибудь серьезного удара.

Белые маневрировали и в большинстве случаев боя не принимали, щадя свои немногочисленные силы.

У нас управление отсутствовало почти совершенно, с низу до самых верхушек, вплоть до штаба армии, а потому сколько-нибудь сносного маневра вначале не было абсолютно.

В отступающих частях вообще преобладает паническое настроение.

Всюду мерещатся обходы и охваты, каждый глядит не вперед, а назад.

Необходимо было напрячь все силы и найти сильнодействующие средства, чтобы остановить отступающую лавину.

Советская Россия и Петроград нашли в критический момент достаточно сил и средств, чтобы превратить отступающую армию—разбитую,

с плохим управлением—в армию, способную не только защищаться, но и побеждать.

Из центра и целого ряда городов и деревень потекли сотни коммунистов, полных энтузиазма и самопожертвования, готовых умереть за революцию и ее столицу.

Нет, кажется, ни одного города Советской России, который не имел бы своих представителей, участвовавших в защите Петрограда.

Москва, Тверь, Вологда, Череповец, Петрозаводск, Новгород, Самара, Саратов, Казань и целый ряд других двинули лучших своих работников в бой.

Они внесли в армию свой энтузиазм и глубокую веру в победу пролетарской России. Они служили живым примером, как нужно бороться и умирать.

Петроград поставил под ружье все население. Центральный Совет и районные Советы объявили себя мобилизованными.

Все здоровые пошли на фронт, слабые неустанно работали над укреплениями вокруг и внутри Петрограда. Всюду кипела работа, рылись окопы, устраивались блиндажи, вбивались колья и плелись проволочные сети.

Весь город покрылся баррикадами.

Из мешков, наполненных землей, устраивались бруствера на главных направлениях, откуда можно было ждать врага (Нарвские и Московские ворота); были поставлены железные башни с пулеметными гнездами, сносились дома, которые могли бы мешать нашему обстрелу. На улицах стояли готовые к бою орудия. Укреплялись выгодные для обстрела дома.

Женщины конкурировали в работе с мужчинами.

Чувствовалась непреклонная воля—не сдавать Петрограда.

Тыл делал свое дело.

И это не могло не сказаться на фронте, ибо фронт отражает все тыловые переживания.

Уходя на позицию, красноармейцы видели полный порядок и спокойствие.

У близкого тыла не было страха, испарялся страх даже у самых трусливых в армии.

Петроград в эти дни доказал, что он достоин той любви, которую к нему питает вся Советская, рабочая Россия.

Неприятель находился в 20—25 верстах от города. Явственно доносился гул орудий. По всем улицам возводились укрепления.

Близка была и весьма вероятна вооруженная борьба на улицах.

Казалось бы, налицо все основания для паники. А в Питере— абсолютное спокойствие, трамваи ходят, все находятся на своих местах. Учреждения работают с удесятеренною энергией. В эти дни чувствовалась какая-то особая, деловая струя.

Найдите еще такой город в мире, который сумел бы так достойно, с таким спокойствием встречать врагов.

Найдите таких рабочих, как петроградские рабочие, которые в эти дни доказали всю глубину и мощь своего класса.

Заводы и фабрики лихорадочно чинили бронепоезда, броневики, пушки, пулеметы и автомобили.

Все это выбрасывалось на фронт без задержки. Сотни работниц добровольно ушли на фронт сестрами и бесстрашно под огнем выносили и перевязывали раненых; многие из них дрались с винтовками в руках вместе с красноармейцами.

Наряду с присылкой пополнений и целых, испытанных в боях на других фронтах, полков в самый критический момент прибыл тов. Троцкий и с ним целый ряд лиц высшего командного состава.

И как прибытие свежих частей сразу же сказалось на наших военных успехах, точно также присутствие т. Троцкого сказалось в области установления должной дисциплины и поднятия аппарата боевого и административного управления на должную высоту.

Полетели с своих мест все неспособные. Началась смена высшего и среднего командного состава.

Приказы тов. Троцкого, ясные и четкие, никого не щадившие, требовавшие от каждого напряжения всех сил и точного, быстрого исполнения боевых приказов, сразу показали, что есть рука, которая беспощадно поразит всякого труса, шкурника и предателя.

Началось подтягивание изнутри.

Работа штабов начала налаживаться.

Связь, хромавшая до этого времени, заработала удовлетворительно.

Органы снабжения начинают выполнять задания без задержек.

Дезертирство и бегство с фронта сокращается до чрезвычайности.

По всем частям действуют полевые трибуналы, без пощады расправляющиеся с изменниками и трусами.

Все начинают понимать, что есть только один путь—идти вперед. Назад все пути отрезаны.

Тов. Троцкий вникал во всякую мелочь и вносил свою кипучую, неугомонную энергию и удивительную настойчивость во всякое дело.

Не менее велика заслуга по защите Петрограда и т. Зиновьева.

Все в самом Петрограде вертелось вокруг него. Трудно, чтобы не сказать невозможно, нам, участникам борьбы, учесть все сделанное им. Этот учет сделает спокойный историк. Но ясно одно: если отдельные личности сыграли какую-нибудь роль во время боев под Петроградом, то на первое и самое почетное место надо поставить т.т. Зиновьева и Троцкого.

Их можно было видеть везде. С раннего утра до поздней ночи, то здесь, то там, на отдельных участках фронта, а в особенности в опасных пунктах, можно было встретить их.

Появление Троцкого и Зиновьева производило на рядовую красноармейскую массу удивительно глубокое впечатление.

Вожди, и самые любимые вожди,—были с солдатами. Они не прятались. Они делом подтверждали свои слова. И с новой энергией, с новой верой в окончательную победу, шли наши полки в бой.

То, чем была больна армия Юденича—оторванность верхушек от солдатских масс, пропасть между командным составом и рядовою массою,—у нас отсутствовало.

Командный состав и коммунисты были всегда впереди; они являлись действительными вождями. А во главе всех—крупнейшие фигуры Зиновьева и Троцкого служили живым примером полного понимания, полного единения между всеми защитниками Петрограда.

Стоящим далеко от практической, повседневной работы в армии поразительный перелом, происшедший в 7 армии, мог показаться чудом.

В течение каких-нибудь трех недель части—измотанные беспрерывным отходом, изверившиеся в своих силах, панически настроенные—превращаются в героическую армию, рядом блестящих маневров и небывалых по напряжению боев уничтожившую победоносную Северо-Западную армию до основания.

Чем это объяснить?

Если значительная часть нашего победоносного шествия вперед и разгром зарвавшихся частей Юденича объясняется стойкостью и умением драться вновь переброшенных частей, то все же львиную долю заслуг приходится отнести за счет тыла.

Много славных страниц вписали в историю Красной армии наши части в боях под Ям-Ижорами, Детским, Красным, Павловском и Новыми Буграми.

Бесстрашие, с которым наши части бросались в бой под Ямбургом и натиск их на укрепленные позиции эстонцев в районе Дубровки, Сала, Луцка и во многих других пунктах, где наши красноармейцы грудью рвали колючую проволоку, будут долго еще служить примером мужества и отваги всем слабым и трусливым.

Имена и номера славных восточных полков записаны потоками крови.

Никогда не забудет вся честная Советская Россия подвигов 188 и 189 стрелковых полков, латышских стрелков 5 полка, славных северных орлов и многих других, спасших Петроград.

Но особо почетное место надо отвести цвету и надежде нашей боевой мощи—красным курсантам и морякам. Где только было плохо, где назревала неустойчивость, туда бросались эти лучшие из лучших— и везде они выполняли свой долг до конца.

Без страха, без ропота, усталые, измученные, но в полном сознании необходимости подвига, шла юная красная молодежь в бой.

Велики жертвы, понесенные курсантами и моряками-балтийцами в последних боях под Петроградом, но велики и их заслуги.

Неувядаемой славой покрыли свои боевые знамена Петроградские, Московские, Новгородские и Черкасские курсанты.

Не сломили силы и величия духа балтийцев, защитников ключа к Петрограду—Красной Горки, 15-ти-дюймовые снаряды английского флота.

Перед волею и мощью красных бойцов, перед их непреклонной энергией, пала и рассыпалась последняя надежда контр-революции— армия Юденича.

Но если удалось собрать и спаять воедино разрозненные группы и части, если удалось влить живой дух в измученные сердца сражавшихся, то в этом бессмертная заслуга Петрограда.

Если бы в критические дни боев под Пулковскими высотами и под Лиговом Петроград дрогнул—все было бы кончено: над Петропавловской крепостью взвился бы белый флаг Юденича.

Волею Петрограда, его переживаниями жили и дышали мы на фронте.

Во имя величия и славы столицы революции бились и гибли лучшие сыны коммунизма.

Много жертв поглотила авантюра Юденича.

Тяжелы наши потери. Многих не досчитываемся мы... Священны для нас имена сложивших свои головы на подступах к Петрограду. Но не напрасны были величайшие жертвы рабочего класса.

Отбитый штурм Юденича укрепил и еще больше спаял нас.

Защита Петрограда, за которой с затаенным вниманием следил весь мир, и наша победа усилили нас во сто крат.

Советская Россия и в первую голову Петроград еще и еще раз доказали, что пролетариат, сбросивший с себя цепи, больше рабом не станет.

Позорный крах белой армии Юденича пусть послужит предостережением всем помышляющим удушить великий город революции.

Из борьбы Петроград вышел обновленным. В огне борьбы еще больше закалился он.

Петроград жив, и гордо реет над ним политое кровью борцов—
— Красное знамя труда.

Михаил Лашевич.

Военная записка.

Первое наступление армии генерала Юденича весною 1919 года, в связи с угрожающей позицией Финляндии, поставили на очередь вопрос о необходимости принятия мер защиты Петрограда от непосредственной угрожающей ему военной опасности, в случае, если бы обороняющей Петроградский фронт полевой армии не удалось сдержать натиск превосходящих сил наступающего. 8 мая был сформирован Штаб Внутренней Обороны Петрограда, причем Начальником Внутренней Обороны был назначен т. Петерс.

Огромное значение Петрограда в ходе пролетарской революции не позволило ограничиться узкими рамками Внутренней Обороны, тем более, что и в стратегическом отношении ощущалась необходимость создать достаточно мощный плацдарм в ближайшем тылу полевой армии и тем обеспечить успешность хода новых формирований и отправления их на фронт действующей армии. В виду этого, 18 июля, Внутренняя Оборона Петрограда была переформирована в Петроградский Укрепленный Район с особым гарнизоном и комендантом Района во главе. Комендантом Укрепленного Района был назначен т. Авров, а Управление Укрепленным Районом было возложено на Военный Совет (Комитет Обороны), под председательством т. Зиновьева.

В весьма широкие границы Района вошел весь Карельский перешеек до Финляндской границы, Кронштадт с Балтийским флотом, Ораниенбаум, Гатчина, Тосно, Шлиссельбург и Званка. Для удобства боевого управления и военной подготовки Района вся его территория была разделена на 4 сектора: Карельский, Ладожский, Гатчинский и Кронштадтский. Впрочем, последний сектор, вместе с Балтфлотом, вскоре вышел из Петроградского Укрепленного Района, чем в значительной мере нарушилось единство обороны Петрограда. В несколько еще более уменьшенных границах Район существует до сего времени, причем на короткое время, с 17 октября по 17 ноября, Укрепленный Район был вновь переформирован во Внутреннюю Оборону. Само собою разумеется, подобные

переформирования, производимые в самое горячее время, сильно тормозили работу Района.

Усиленная работа Петроградского Укрепленного Района по обороне Петрограда началась, примерно, с 1 сентября 1919 года. К этому моменту стратегическая обстановка под Петроградом складывалась следующим образом: позиция Финляндии не давала возможности б ть спокойными за этот фронт, так как из страны все время получались сведения об усилении военной партии, во главе коей стоял генерал Манергейм, и о допускаемых финским правительством добровольческих формированиях на нашей границе. На Нарвском фронте все было спокойно: малая мощность армии Северо-Западного правительства и слабость Эстонской армии, равно как и удаленность фронта от Петрограда до 150 верст, не давали повода к беспокойству, хотя разведка и доносила о новых формированиях в тылу белых армий. Кроме вышеназванных двух главных операционных направлений, было еще одно направление, допускавшее возможность действий белых, а именно — со стороны Междуозерного пространства, но это направление имело второстепенное значение, как по характеру местности, так и по удаленности его от Петрограда.

В основу плана обороны Петрограда в этот момент и была положена необходимость обеспечения города от нападения по трем указанным направлениям, соответственно с чем Карельский сектор предназначался для противодействия наступлению со стороны Финляндии, Гатчинский сектор — со стороны Ямбурга и Луги и Ладожский — со стороны Ладожского озера и Междуозерного пространства. Кроме того, на Петроградский Укрепленный Район была возложена задача подготовки плацдарма для принятия частей Полевой армии, в случае прохождения их через территорию Района при отходе, и для оказания ей помощи средствами инженерной и артиллерийской обороны, материального снабжения и усилением ее боевого состава, путем выделения в ее распоряжение частей Петроградского Укрепленного Района.

При первоначальном создании Петроградского Укрепленного Района Штабом такового было приступлено к формированию и укомплектованию частей, как состоявших в числе войск Внутренней Оборены гор. Петрограда, так и тех, которые поступили из разных мест в распоряжение

Петроградского Укрепленного Района лишь со времени создания таковового.

Доформировывались и укомплектовывались 16 различных частей и приступлено было к формированию еще 5 частей и штабов секторов. Были приложены все усилия к успешному проведению в жизнь всех этих формирований, а также приведение в воинский вид как переданных частей, так и вновь прибывающих, кои были почти без комсостава, полураздеты, без снаряжения, вооружения; а 1 Тульский стрелковый полк оказался даже совершенно дезорганизованным.

Пополнения всех частей комсоставом, красноармейцами и лошадьми были удовлетворены отчасти, так как укомплектовать полностью не представилось возможным за отсутствием просимых пополнений и распоряжений Всероглавштаба.

Тем не менее, к моменту наступления белогвардейцев на Петроград, удалось выделить и отправить на фронт 16 различных частей вполне боеспособных, и закончено было формирование штабов секторов.

К этому времени на Карельском секторе было расположено 20 легких батарей (102 ор.), 7 гаубичных батарей (26 гаубиц) и 7 тяжелых батарей (16 оруд.); артиллерия эта была сорганизована. Произведенными рекогносцировками выяснилась необходимость перемещения некоторых батарей с целью наилучшей защиты подступов и для усиления 1-й линии. Кроме того, была установлена связь с артиллерией Кронштадта для совместной обороны г. Сестрорецка и ст. Белоостров.

В кр. Шлиссельбург были сосредоточены 3 легких батарей (12 ор.), 1 гаубичная батарея (4 гауб.), 2 тяжелых батареи (6 ор.) и 1 зенитная батарея (4 ор.). Артиллерия эта была подготовлена к защите верховья р. Невы со стороны Ладозера.

На Ладожском и Гатчинском секторах артиллерии не было.

Предполагалось, что в случае надобности эти сектора будут заняты артиллерией частей армии, отходящих на Петроград.

Для них были обрекогносцированы позиции: для Гатчинского сектора в направлениях на: Гостилицы — Петроград, Ропша — Стрельна и Ропша—Кипень—Красное Село.

На этих направлениях были выбраны позиции для артиллерии дивизии.

Кроме того, для переброски на Гатчинский сектор были подготовлены 1 легкий и 1 гаубичный артдивизионы Карельского сектора.

На Ладожском секторе были обрекогносцированы позиции по южному побережью Ладожского озера у Новой Ладоги и ст. Званка на случай прорыва противника через Междуозерный участок на Северную жел. дор.

В Гатчинском и Ладожском секторах были назначены начальники артиллерии секторов, которые были ознакомлены со своими секторами и разработали планы установки соответствующей связи, как с артчастями, имеющими занять позиции в районах секторов, так и с Управлением начальника артиллерии Петрукрайона.

Таким образом, в обоих секторах были произведены все подготовительные работы как по установке имеющей поступить к ним артиллерии, так и по управлению ею.

Для организации Внутренней Обороны гор. Петрограда в распоряжении Петрукрайона было: 45 легких орудий, 4 гаубицы и 2 тяжелых орудия.

В дальнейшем эти артчасти, пополненные лошадьми и недостающими орудиями и материальной частью артиллерии и приведенные в полную боевую готовность, были переданы в распоряжение 7-ой армии.

16 октября началось наступление Северо-Западной армии генерала Юденича. Стратегическая обстановка под Петроградом к этому времени складывалась весьма неблагоприятно. Финляндия продолжала бряцать оружием, производила перегруппировки белогвардейских частей на Карельской границе и формировала добровольческую армию на Олонецком участке. Нельзя было ни одной минуты быть уверенным в истинных ее намерениях, что, при близости Финляндской границы к Петрограду, заставляло быть постоянно готовым ко всяким случайностям. На Нарвском фронте армия генерала Юденича, прорвав расположение 2-й дивизии, наступала вдоль Балтийской жел. дороги, преследуя красные части.

Между тем, за краткостью времени, всего 1—1½ месяца, доставшегося Петрукрайону для проведения в жизнь возложенных на него обширных задач, в связи с невозможностью получения надлежащего количества рабочих рук, лошадей и подвод для инженерных строительств и некомплекта людей в воинских частях, Район не был, да и не мог быть, приведен в полную боевую готовность к моменту начала насту-

пления Юденича. В особенно неблагоприятных условиях находилось дело снабжения.

В инженерном отношении надо было усилить позиции на Карельском перешейке, чтобы удерживать Финляндию от выступления угрозой сильной обороны и в то же время иметь возможность перебросить оттуда часть войск для задержания наступающего противника, усилить и частью создать вновь позиции на подступах к Петрограду с юга и запада и, наконец, построить противодесантные укрепления на берегу Ладожского озера и позиции для задержания противника в случае прорыва на Междуозерном перешейке.

С мая производились усиленные работы по укреплению целого ряда позиций на Карельском перешейке и на подступах к Петрограду, Красному Селу и Гатчине, а в июле начались работы и на новых запасных линиях на случай прорыва передовых позиций. Для производства этих работ в Петроградском Укрепленном Районе были сосредоточены все военные строительства, имевшиеся в распоряжении армии, и привлекалось все свободное население тех местностей, через которые пролегали позиции. К моменту подхода противника передние линии были уже вполне обороноспособны, на второочередных же позициях работы производились в наиболее важных для обороны местах.

С прорывом передовой укрепленной полосы у Гатчины и Красного Села под натиском противника главное внимание было обращено на укрепление второлинейной позиции против этого участка, где тактическим ключом являлись укрепления Пулковских высот и строительства заканчивали укрепление этой позиции уже с войсками, занявшими позицию для обороны.

Благодаря содействию технических средств и организации тыла противнику не удалось захватить Пулковские высоты, и они явились для него поворотным пунктом.

Одновременно производились работы в небольшом масштабе на Ладожском секторе по обороне побережья Ладожского озера и путей с Междуозерного перешейка, но, благодаря затишью военных действий в этом направлении, работы там не получали большого развития и имели второстепенный характер.

Петроградский Укрепленный Район принял самое деятельное участие

в подготовке средств для отражения наступления белых, причем Гатчинскому сектору пришлось принять и активное участие в самом отражении в охране побережья Финского залива. В то же время, по требованиям высшего командования, Штаб Петроградского Укрепленного Района сформировал из состава гарнизона до 35 воинских частей, общей численностью около 18.000 человек, при 59 орудиях, а когда белые прорвались к последним, преграждавшим путь на Петроград, Пулковским позициям, Штаб Петроградского Укрепленного Района бросил на фронт последние рессурсы: конную и пешую Башкирские дивизии, курсантов, заводские, коммунистические и матросские отряды. Армейская группа т. Харламова, преградившая путь армии Юденича в направлении на Колпино, в значительной своей части состояла из частей Петроградского Укрепленного Района; причем на пополнение ее командного состава была направлена часть сотрудников Штаба Района, а в момент наибольшей опасности на фронт отправились наиболее ответственные работники Штаба, во главе с комендантом Петроградского Укрепленного Района, т. Авровым. Столь дружные усилия Петроградского Укрепленного Района оказали свое влияние на исход операции и, остановленная почти у окраин Петрограда, армия Юденича была отброшена от Пулковских высот.

В то же время переформированный Штаб Внутренней Обороны, Штаб Района, интенсивно работал над подготовкой Петрограда и его ближайших окрестностей к упорной обороне внутри города, имея целью уличными боями дезорганизовать, разбить по частям и отбросить ворвавшиеся в город части армии Юденича, или, в крайнем случае, приковать к Петрограду все его силы до подхода подкреплений, достаточных для обратного овладения городом.

С этою целью город с ближайшими окрестностями был разделен на районы внутренней обороны, имевшие свои штабы, ведавшие укреплением своих районов по общему плану и формированием рабочих отрядов для гарнизона районов. Кроме того, на всех фабриках и заводах были организованы отдельные отряды из рабочих для партизанских действий. Одновременно, начальниками обороны районов была выполнена большая работа по выяснению наличности и учету имеющегося в районах вооружения, авто-мото-вело-технических средств, горючих и

смазочных веществ. Особое внимание было уделено мероприятиям по санитарной части, спроектированным начальником санитарной части на началах децентрализации, с обращением особого внимания на санитарные летучки. Им же был разработан план эвакуации больных и раненых по Неве, по Северной и Ириновской жел. дорогам. Для эвакуации и транспорта воинских грузов были мобилизованы средства Мариинской водной системы и Балтийского флота. Городские телефоны и телеграф были объявлены полевыми и приняты особенные меры для обеспечения непрерывности связи между районами и Штабом Внутренней Обороны во время боя.

С переформированием Укрепленного Района во Внутреннюю Оборону города Петрограда перед Штабом Внутренней Обороны возникла задача организовать упорную борьбу внутри города, чтобы втянуть противника в длительную в требующую больших жертв борьбу за обладание различных городских рубежей, где здания, изгороди и пр. постройки представляют хорошее закрытие для знакомых с их расположением лиц и на каждом шагу могут служить ловушкой для наступающего противника.

Для внутренней артобороны городских районов были использованы материальная часть из запасных легкой и гаубичной и тяжелой батарей округа, из 1-х и 2-х Советарткурсов, заводов и полигонов, и красноармейцы и часть комсостава из запасных батарей и остальная часть комсостава из артакадемии.

За несколько дней была произведена громадная работа и создана артоборона районов.

Кроме батарей воздухообороны, на позициях внутри города на важнейших площадях и перекрестках улиц стояли вполне готовые к открытию огня 57 орудий. Из них 5 горных орудий были поставлены на трамвайные платформы, могли передвигаться и в разных местах, и с заранее выбранных позиций открывать огонь.

Две 48-лин. гаубицы для перевозки были поставлены на железнодорожные платформы, на которых передвигались по соединительной линии жел. дороги, снимались и ставились на платформы при помощи кранов.

В районах были начальники артиллерии, которые непосредственно руководили артобороной своих районов. Для орудий и прислуги были устроены прикрытия, или установлены броневые башни. Были выбраны

и оборудованы наблюдательные пункты и установлена связь начальников артиллерии районов со своей артиллерией и с начартом Петрукрайона.

Орудия были снабжены достаточным количеством снарядов, кроме того на всех вокзалах в вагонах-подвижных базах был сосредоточен запас снарядов.

Артоборона гор. Петрограда была готова дать надлежащий отпор противнику, если бы ему удалось ворваться в город.

Разработанный Штабом Внутренней Обороны план внутренней обороны Петрограда имел два варианта—на случай наступления с запада и юго-запада и на случай наступления со стороны Финляндии. По этому плану были созданы три оборонительные позиции: по внешнему городскому обводу, по внутренним водным преградам, в несколько линий и по берегу Невы. Позиции состояли из приведенных в оборонительное состояние городских зданий с устроенными в окнах посредством земляных мешков бойницами, мостовых укреплений из обсыпанных наносной землей поленниц, пулеметных и ружейных канониров, а равно и полевых окопов, где устройство их диктовалось местностью, т.-е., главным образом, по внешнему обводу и по берегу Невы. Для продольного обстреливания главных улиц были установлены в нескольких местах легкие орудия, прикрытые бронзовыми щитами. Многие пулеметы были установлены в верхних этажах и на чердаках домов. На набережной Невы и в некоторых других местах были воздвигнуты баррикады из сломанных барок и других подручных материалов.

Для руководства работами были назначены при военных строительствах и в каждом районном штабе внутренней обороны инженерные руководители. Для исполнения работ привлечено все городское население.

Согласно общему ходу военных событий первоначально начались работы по обороне города с юга и запада, и все намеченные для этого постройки были выполнены, благодаря чему вся южная часть города представляла из себя сплошную укрепленную зону, где противник на каждой улице попадал под перекрестный ружейный и пулеметный, а на главных путях наступления и под артиллерийский огонь.

Все водные преграды были использованы, как естественные препятствия, а мосты взяты под пулеметный огонь из домов.

Укрепление города с севера началось значительно позднее, только в ноябре, когда наступление с юга уже было остановлено и усилилась опасность наступления противника со стороны Финляндии. Рано наступившая зима сильно тормозила выполнение этих работ, а последовавшее вскоре значительное успокоение в военной обстановке позволило прекратить работы внутри города и продолжать их только на окраине. Благодаря этому вторая часть оборонительной программы инженерной обороны была выполнена только частично и не получила такого широкого развития, как в южной части города.

В общем, можно сказать, что организация и энергичное выполнение работ по укреплению города, равно как и ход формирования и обучения рабочих отрядов, вполне обеспечивали успех внутренней обороны, в случае, если бы дело дошло до уличных боев с ворвавшимися в город белыми.

Авров.

Революционная оборона.

В 15-х числах октября банды Юденича, тесня наши красные части, вступили в зону Петроградского Укрепленного Района. Несмотря на то, что Питер в лице своего военного командования, Управления Петроградского Укрепленного Района, в этих операциях непосредственного участия не принимал, хотя, по заданиям армейского командования, укрепленные позиции района были предназначены для занятия полевыми армейскими частями, питерский пролетариат и вообще Питер, через Военный Совет (Комитет Обороны) Петроградского Укрепленного Района, безусловно оказали неоценимую услугу армии в эти тяжелые для нее дни. Питерский пролетариат дал в армию лучших своих работников. Управление Укрепленного Района выделило в армию значительное число красноармейских частей. Фабрики и заводы Питера выбросили колоссальное военное имущество для ее снабжения. Внимание Питера было приковано к Питерскому фронту. Все дышало и жило жизнью фронта. Все колебания фронтовой жизни остро переживались питерским пролетариатом. Пала Гатчина, взято было Красное Село. Этот момент совпадает с приездом нашего революционного вождя тов. Троцкого. В воздухе повисла непосредственная угроза Красному Питеру: банды Юденича угрожали Стрельне, Лигову, захватили Детское (Царское) Село. Наши части, отходя к стенам Петрограда, закрепились на рубеже Пулковских высот. Зорким взглядом революционного вождя рабочих и крестьян тов. Троцкий проник в душу питерского пролетария и открыл ее затаенную мысль: *или за Питер умереть, или в Питере жить... Питера не отдавать.*

Учитывая создавшуюся обстановку непосредственной угрозы Петрограду, на заседании Военного Совета (Комитета Обороны) Петроградского Укрепленного Района с представителями П. К. и Губисполкома в ночь с 17-го на 18-ое октября, состоявшемся под председательством тов. Зиновьева и с участием тов. Иоффе, по инициативе тов. Троцкого и при его санкции было решено защищаться и внутри Петрограда, превратив Петроград в крепость, гарнизоном которой должен стать весь питер-

ский пролетариат. Разрешен был вопрос о вооружении и спабжении этого гарнизона. Для выполнения этой задачи было постановлено создать Штаб Внутренней Обороны Петрограда с его районными штабами. Таким образом затаенная мысль питерского пролетариата, что Питер нельзя отдать, получила конкретную, реальную форму.

Брошенный лозунг—«защищаться и внутри Петрограда на каждой улице, у каждого дома»—с энтузиазмом был подхвачен рабочими массами. Оборона Питера была отдана в руки хозяина этого города—питерского пролетариата. Он построил этот город, он восстал,—разрушивши преграды, питерский пролетариат творил революцию. Поэтому ему одному могло принадлежать право защиты своего города—колыбели, в которой он вскормил революцию. Создавшаяся обстановка требовала необычайного героического напряжения всех сил. Время исчислялось не днями и не часами, а минутами.

Дело внутренней обороны Петрограда было поручено Совету Внутренней Обороны. Непосредственное же ведение обороны было возложено на Начальника Внутренней Обороны, каковые были назначены и в районах. Районных начальников обороны было предоставлено выбрать районным комитетам партии. Предстояло произвести грандиознейшую работу по обороне Красного Питера: обстоятельства требовали укрепить город и в течение десятка, другого часов превратить Питер в крепость. Для обороны Питера нужно было создать своеобразный гарнизон. Необходимо было установить режим внутренней жизни соответственно с положением Питера, как осажденной крепости, чтобы везде чувствовалась железная рука пролетарской диктатуры, так как контр-революция, ютящаяся в Питере, чуя приближение своих соратников по грязному делу удушения дела революции, могла поднять свою хищную голову. Это было учтено, и поэтому все работы по обороне были переданы на места, в районные штабы. Было понятно, что только при инициативе из низов, когда каждый рабочий ясно усвоит, что он должен защищать свой дом, свой станок, свою фабрику, свой завод, может быть проделана эта колоссальнейшая работа в течение нескольких десятков часов. За центром осталось лишь общее руководство, инструктирование и контролирование работ по обороне.

18-го же октября Штаб Укрепленного Района был переформиро-

ван в Штаб Внутренней Обороны. В течение 12—18 часов были созданы районные штабы. В этот же день после рекогносцировки местности Штабом Внутренней Обороны был выработан план укрепления Питера и 19-го передан на исполнение в районные штабы. Штаб Внутренней Обороны Петрограда, оставивший за собой контроль и общее руководство в отношении координации всех работ, в силу необходимости должен был перенести выполнение всех этих указаний, инструкций и вообще всю созидательную работу в районные штабы. Если приходится говорить о творчестве в создании внутренней обороны Красного Питера, то безусловно таким творцом и таким создателем был и останется питерский пролетариат. С организацией Штаба Внутренней Обороны и районных штабов работа закипела. Районные штабы оказались центрами, куда перенеслась не только боевая, но и вся текущая жизнь районов. Они управляли всеми советскими учреждениями, организациями, предприятиями, фабриками и заводами районов, направляя их деятельность к одной цели: превратить Питер в крепость со своим гарнизоном.

И действительно они укрепили Питер: устроили окопы, установили пушки и пулеметы в гнездах и капонирах, приспособили для обороны дома, фабрики, заводы и целые улицы, сделали необходимые сооружения для защиты важнейших Советских учреждений и предприятий, наметили удобные дома и квартиры для борьбы ручными гранатами и создали баррикады и искусственные преграды в виде проволочных заграждений и рогаток. Штаб Внутренней Обороны Петрограда при содействии районных штабов в течение 30—40 часов установил мощную техническую связь со всеми военными учреждениями, имевшими то или иное отношение к обороне. Здесь была использована городская телефонная сеть, которая была изъята из сети общего пользования, а районные штабы между собою и со Штабом Внутренней Обороны Петрограда, а также с районными комитетами партии и районными Советами были связаны полевыми телефонами. Для усиления технической связи между районными штабами и Штабом Внутренней Обороны Петрограда работал телеграф, налажена была техническая связь с наблюдательными артиллерийскими пунктами, а также пехотными пунктами для наблюдения и командования. И вся эта работа, требующая по меньшей мере месяцев,

была проведена в течение каких-нибудь 48 часов Связь вполне была налажена, а укрепления имели вид скелета.

Укрепляя Питер, районные штабы обороны создавали одновременно и гарнизон для этой крепости. И в этой области они проделали громаднейшую работу с неимоверной быстротой. Они создали в каждом районе отдельные отряды пехоты из рабочих, положивши в основу их коммунистические отряды. Выросли незаметно боевые отряды коммунистической молодежи. Появились партизанские женские отряды.

В отдельную боевую единицу Штабом Внутренней Обороны Петрограда были сведены городские милиционеры; к ним присоединились и товарищи из Союза Водотранспортников. Во всех районах быстро были сформированы специальные команды пулеметчиков, гранатчиков, команды живой связи, а также санитарные отряды. Часть этих отрядов предназначалась и должна была быть использована специально для внутренней обороны; некоторые из них были отправлены на фронт, как непосредственная помощь полевым частям армии.

Наличие в Питере каналов и отдельных рукавов Невы выдвинуло необходимость создания речных партизанских отрядов, что и было сделано Штабом Внутренней Обороны Петрограда.

Районные штабы покрыли все районы сетью санитарных учреждений. пунктов скорой помощи, летучек, лазаретов—приемников и осадочников.

В каждом районе открыты были военные питательные пункты, где сформированные боевые отряды получали продовольствие, а прибывающие с фронта отдельные команды и одиночные красноармейцы могли получить питание. В течение нескольких часов выросла мощная артиллерия, насчитывавшая обслуживающие ее команды безусловно сотнями. Численность этих отрядов выражалась несомненно в тысячах. В основание их были положены районные коммунистические отряды, а массовое добровольчество из рабочих, работниц и Союза Коммунистической Молодежи в значительной степени усилили их; комплектование же их закончилось посредством мобилизации рабочих. Мобилизация прошла успешно.

Клич: «Все на оборону Красного Питера» призвал к его стенам шлиссельбуржских рабочих, которые выделили мощный тысячный

отряд. Череповецкая городская и Тихвинская уездная коммунистические организации прислали лучших своих товарищей с винтовками в руках, снявши их с ответственных постов. Укомплектовавши отряды живой силой, районные штабы сумели напитать, одеть, обуть и вооружить их, получая из Штаба Внутренней Обороны Петрограда лишь незначительную часть всех видов довольствия. Благодаря своей энергии, инициативе и предприимчивости районные штабы сумели изыскать все это на местах. Снабдив отряды всем необходимым и вооруживши их, районные штабы, не теряя ни одной минуты времени, приступили к обучению их военному строю; взявши инструкторов и командиров из среды самих рабочих, они придали отрядам вид боевых единиц.

Большую работу районные штабы проделали и в области административно-политической. Укрепляя Питер и создавая для него гарнизон, районные штабы сумели все Советские учреждения, предприятия, фабрики и заводы поставить на такие рельсы, что работа их давала максимум продуктивности. Уничтожая все тормозы и препятствия на пути, они создали среди них такую обстановку, что все творилось и создавалось не только за страх, но и за совесть. Все, что шло навстречу обороне, они сплотили и объединили. Всем, кому дорога была защита Рабоче-Крестьянской России, они дали возможность проявить инициативу и предприимчивость. Все же контр-революционное, препятствующее этой обороне они поставили в рамки пролетарской диктатуры. Железная рука, насаждающая революционную дисциплину, указывала путь:— иди и работай, иначе рука пролетариата сотрет тебя с лица земли. Для борьбы со шкурничеством, мародерством и бандитизмом, для водворения революционной дисциплины, районными штабами были организованы революционные трибуналы. Для более быстрого и точного проведения в жизнь всех распоряжений и приказаний, исходящих из центра, на фабриках и заводах были организованы революционные тройки, а во многие Советские учреждения были посланы комиссары. Для того, чтобы работа во всех организациях, предприятиях и учреждениях шла безостановочно, в них было установлено постоянное дежурство.

На Нарвско-Петергофский, Московский и Невский районные штабы, являющиеся ближайшим тылом полевых армейских частей, была возложена задача по борьбе с дезертирством, для чего они выставляли в районы

частей армии, по указанию Штаба Внутренней Обороны г. Петрограда, полевые заставы.

Охрана внутреннего порядка в городе, на фабриках, заводах, в предприятиях, а также в важнейших Советских учреждениях, неслась через районные штабы обороны посредством высылки дозоров, патрулей и караулов.

Для переброски отрядов внутренней обороны и снабжения их всеми видами довольствия, а также для нужд армии, перевозки и эвакуации больных и раненых, требовались колоссальные транспортные средства. И с этой задачей районные штабы посредством революционных мероприятий, мобилизуя и концентрируя при себе авто-гужевой транспорт, справились более чем удовлетворительно. Для бóльшей интенсивности инженерных работ пришлось прибегнуть к привлечению на работу населения Петрограда. Организация этого дела потребовала большой затраты энергии, опыта и умения. Но и с этой задачей районные штабы справились вполне успешно. Быстро были организованы и поставлены на работы тысячные партии мобилизованных обывателей. Хотя, конечно, большая доля инженерных работ была выполнена самими рабочими и работницами.

Районные штабы, стоя на страже революционной обороны, оберегали Красный Питер от различных контр-революционных выступлений; ими были взяты на учет буржуазные дома; посредством обысков они изъяли из домов и квартир буржуазии много вооружения и снабдили им наших красных бойцов.

Настроение питерского пролетариата было серьезное, внимательное и деловое. Это, конечно, объясняется уяснением рабочими массами создавшегося положения. Каждый пролетарий знал, ктó идет в лице Юденича, чтó он несет рабочим массам. Каждый рабочий ясно сознавал, чтó он должен делать, чтобы оберечь весь пролетарский класс от нашествия этих хищников-грабителей. Это понимание момента безусловно было достигнуто, благодаря интенсивной политической работе, которую районные штабы через своих политических ответственных работников вели на фабриках и заводах, предприятиях и организациях, на окопных работах и в отрядах. Целый ряд ответственных политических работников и работниц, выделенных районными комитетами партии, посылались для

устройства митингов и собраний. Благодаря энергии районных штабов устраивались краткосрочные курсы и лекции по санитарии, на которых коммунистки и вообще работницы-доброволицы могли получить необходимые знания для оказания скорой помощи раненым и больным красноармейцам.

Одной из причин такой продуктивности и интенсивности работ по обороне является метод самого конструирования районных штабов: начальники внутренней обороны района выбирались райкомами. Состоя членами райкомов и одновременно являясь членами исполкомов или по меньшей мере районных Советов, они обладали полнотой власти в районах. Это—с одной стороны. С другой стороны, как рабочие с фабрик, работающие в своих же районах, или во всяком случае петроградцы, районные начальники пользовались доверием и уважением рабочих масс, вследствие чего все распоряжения районных штабов исполнялись без всякого промедления. Кроме того, районные начальники, прибывшие в свои штабы из Советских учреждений и организаций, с фабрик и заводов сумели объединить в работе для отражения банд Юденича лучшие силы.

Нужно отметить и то горячее участие, которое приняли все указанные аппараты в общем деле обороны. Даже обывательские массы, инертные по своему психологическому укладу и, возможно, в части своей контрреволюционно настроенные, и те вышли из состояния равнодушия и благодаря тактике районных штабов были вовлечены в общую работу; это заметно было на работах учреждений и на окопных работах. В лучшем случае работали за совесть, а в худшем за страх, так как для многих из промежуточного слоя в лице Юденича и его соратников шли не спасители и избавители, а определенные авантюристы, несущие в Питер царскую корону. Нельзя пройти мимо, не отметивши роли райкомов партии и районных Советов в деле обороны. Районные комитеты партии породили штабы, выделив туда лучших ответственных работников и дав часть таковых и на фронт; они руководили общей политической работой их и в районе, одним словом были душой обороны. Благодаря им создалась такая политическая обстановка, ради которой оборона—как будто чудо—творилась. Советы, передав всю власть районным штабам, отдали в их распоряжение все силы и средства.

Неоценимо в деле обороны значение фабрик, заводов и предприятий. Это были базы, откуда почерпался революционный экстаз, питавший и вдохновлявший творчество рабочей массы. Фабрики и заводы дали живую силу и отряды на окопные работы и на фронт. Фабрики и заводы, благодаря своей повышенной производительности, обули, одели и вооружили всю эту живую массу. Они давали строительные материалы для укреплений, они давали инструменты, они давали орудия, пулеметы. Как на факт можно указать, что заводы по своей собственной инициативе устраивали батареи, приспосабливая для них железнодорожные площадки и трамвайные платформы. С фабрик и заводов взяты были технические средства связи.

Назначенные на заводы революционные тройки, со всем жаром преданности Революции, охраняли имущество их от различных контрреволюционных выступлений. Они следили за настроением рабочих масс и политически направляли эти массы; они вдохновляли рабочих; при самых тяжелых условиях рабочие работали не 8, а может быть 15—18 часов, чтобы дать все необходимое для обороны.

История должна отметить в эти тяжелые дни работу на оборону заводов — Путиловского, Обуховского и других. Нельзя пройти мимо работы Совета Профессиональных Союзов, который пополнил ответственными работниками все штабы, а главным образом—Штаб Внутренней Обороны Петрограда. При его содействии был сформирован отряд Водотранспортников. Совет Профессиональных Союзов дал работников народной связи, которые проделали колоссальную работу по установке технической связи обороны и ее обслуживанию.

С юношеским жаром откликнулся Союз Коммунистической Молодежи, выделивший отряд на фронт, создавший боевые отряды для внутренней обороны, давший пополнения во все районы; команды живой связи во всех районах были укомплектованы главным образом молодежью; многие из них пали смертью героев.

Рука об руку с рабочими шли и красные работницы-пролетарки Питера. Только благодаря энергичному участию секции работниц были созданы многочисленные санитарные отряды-летучки, покрывшие Питер целой сетью. Работницы несли службу живой связи для всей обороны Петрограда, но их энтузиазм пошел еще дальше: во многих районах из

работниц были сформированы женские партизанские отряды, нашедшие применение себе при разведке.

Финская коммунистическая организация живо откликнулась на беду своего брата русского рабочего: она выделила из своей среды отряд коммунистов; часть его была отправлена на фронт, а часть обслуживала оборону самого Питера.

Серьезностью и ответственностью момента прониклись и Советские учреждения; надо отметить успешную работу Компрода, который, несмотря на продовольственный кризис и на отсутствие транспорта, в связи с мобилизацией лошадей в армию, с честью выполнил дело снабжения продовольствием боевых отрядов обороны. При его непосредственном участии районным штабам удалось с революционной быстротой создать по несколько военно-питательных пунктов в каждом районе, где могли питаться и прибывающие с фронта отдельные красноармейские части и где получали продовольствие все боевые отряды.

Блестяще было поставлено санитарное дело обороны — многочисленные санитарные отряды-летучки и лечебные учреждения в виде приемников, осадочников. Пункты скорой помощи, все хорошо снабженные медикаментами и перевязочным материалом, выросли в несколько часов. Эту работу проделала санитарная коллегия при начальнике санитарной обороны, опираясь на Комздрав. Организуя отряды и учреждения, коллегия позаботилась о подготовке среди коммунисток и вообще работниц красных сестер милосердия и других медицинских сотрудников, открывая в каждом районе краткосрочные курсы и организуя лекции. Даже санитарный транспорт, при всеобщей разрухе транспорта, был на должной высоте, и был практически разработан план на случай эвакуации больных и раненых.

В общем сотрудничестве по обороне на своем месте была Городская Милиция; из городских милиционеров был создан отряд милиционеров, часть которого была отправлена на фронт, а часть осталась для внутренней обороны. Отделом Управления Петросовета были сформированы резервные конные и пешие отряды, которые находились в полной боевой готовности и в каждую минуту могли выступить по первому требованию начальника внутренней обороны Петрограда. Служба, дозорная и патрульная, которую несла гормилиция, выполня-

лась с особой бдительностью; и в трудную минуту, когда пришлось мобилизовать и свести в боевой отряд милиционеров, их заменили и с честью несли свои обязанности наши красные милиционерки.

Речное Портовое Управление также внесло лепту в общее дело создания обороны—оно дало очень полезный, по условиям положения Петрограда, речной партизанский отряд из моряков.

На страже революционной обороны стоял пожарный отдел. Товарищи пожарные не позволили контр-революции воспользоваться тревожным моментом, чтобы пустить в ход испытанное средство—поджоги; пожарные части быстро локализировали всякий пожар. Кроме того, Пожарным отделом в распоряжение Штаба Внутренней Обороны Петрограда были переданы в полной боевой готовности пожарные команды. Делая заключение о работе фабрик, заводов и Советских учреждений на оборону, получаем картину общего сотрудничества, объединенного одним порывом: не допустить Юденича до Петрограда, а в случае, если бы ему удалось проникнуть в стены его, то здесь его уничтожить.

Если дать характеристику состояния Питера в эти тревожные дни и обрисовать работу всех органов обороны, надо сказать, что Питер в это время превратился в крепость, где фактически проводилось в жизнь осадное положение. С наступлением темноты улицы были безлюдны; все театры, кинематографы и увеселительные учреждения были закрыты; вся частная торговля в кафе, фруктовках, квасных и т. д., где развивалась спекуляция и не исключалась возможность наличия притаившейся контр-революции, была убита. Производилась самая усиленная проверка документов, а также всех автомобилей, экипажей, мотоциклетов и т. д. По особому плану было произведено выключение абонентов из телефонной сети. Районные штабы превратились в живые цитадели крепости, где фактически концентрировалась работа по обороне. Фабрики и заводы представляли из себя живые форты, где непосредственно творилось и созидалось все для обороны. Районные штабы были революционными штабами пролетарской обороны. Вся работа здесь была поставлена на военную ногу. Характер работ был боевой, и всякое приказание и распоряжение исполнялось, как оперативное задание. Тут не было бумаги, некогда было скрипеть перьями. Во всю работали телефоны и все приказания и распоряжения, передаваемые по телефону, точно исполнялись и без

малейшего промедления осуществлялись. На лице каждого пролетария можно было прочесть серьезность переживаемого момента. Деловитостью и внимательностью запечатлен был весь ход работ. Не было никакой суетливости и паники. Последнее служит уже доказательством того, что каждый пролетарий в душе носил уверенность, что Юденичу не быть в Петрограде, что пролетариат питерский силен, средств и мощи у него достаточно, чтобы защитить свои фабрики и заводы, свои родные станки и дома от налета хищника.

Работа в районных штабах и учреждениях и на фабриках и заводах шла всю ночь, и не было разницы в интенсивности работы, ни дневной, ни ночной: и день и ночь пролетариат ковал свою оборону, устраивая, укрепляя, сколачивая живую силу, и готовил все необходимые средства для обороны. Жажда победы, преданность делу революционной защиты свидетельствуется и тем фактом, что в отряды и на окопные работы шли массами добровольцы, как рабочие, так и работницы. Мобилизация дала тысячи бойцов. В эти дни испытаний питерский пролетариат не отшатнулся от своей коммунистической властвующей партии, но всеми силами и средствами оказал ей свою поддержку, выражая ей свое доверие и оправдывая ее тактику. В районных партийных комитетах замечался приток новых сил, желавших поступить в партию.

Все было переведено на военное положение. Как в отрядах, так и в учреждениях, на фабриках и на заводах царила железная революционная дисциплина, спаянная одним желанием: как можно больше сделать.

И только героическим напряжением всех сил, сознанием важности развертывающихся событий, убеждением в правоте создаваемого, можно объяснить, что работы по обороне, которые при обычной обстановке потребовали бы для своего выполнения длительного срока, в это время были исполнены по требованию момента. Ответственность возложенных на районные штабы задач по обороне Красного Питера, объединение в лице начальника внутренней обороны власти райкома, партии и районного Совета, выбор на этот пост лучшего испытанного партийного товарища и рабочего с тех же фабрик и заводов района, военная постановка всего дела, когда разрешается вопрос: жить или умереть, самоотверженная стойкость, неутомимость, полная внутреннего огня и любви к

делу обороны, с какими районные штабы провели свою работу, не зная, когда начнется день и когда кончится ночь—создали им тот авторитет, который сохранился за ними и доныне и который был им необходим, чтобы с честью выполнить сложное и трудное дело внутренней обороны Красного Питера.

И если питерский пролетариат сумел защитить свой город, то этим самым он лишний раз доказал, что он может быть хозяином своего города и сумеет им управлять.

И не было допущено ошибки, что оборона города отдана была непосредственно на места. И действительно, творцом внутренней обороны был питерский пролетариат, концертрируя свое творчество в районных штабах, а последние вынесли на себе всю тяжесть организационной работы. И если Штаб Внутренней Обороны Петрограда оставил за собою общее руководство в смысле инструктирования и контроля хода дела, то и здесь все время ощущались толчки с низов, подстегивающие центральный орган, несмотря на мощь и силу пролетарской энергии.

Так велик был порыв питерского пролетария, так грозна и необъятна его мощь в деле защиты своих прав. Непобедим он.

Бывший начальник внутренней обороны г. Петрограда,
Комендант Петроградского Укрепленного Района *Авров.*

9 дек. 1919 г.

Профессиональные союзы.

Великий Город подвергался опасности несколько раз со времени февральской революции: прорыв Рижского фронта, наступление Керенского и Краснова в октябрьские дни, угроза германского наступления в начале марта 1918 г., наступление белогвардейцев в июне 1919 г. и, наконец, набег Юденича и Родзянки спустя три месяца, в октябре, сменяли друг друга, как волны, бьющиеся об утес.

Необходимость быть постоянно настороже, напряженное состояние непрерывной самозащиты наложили на Петроград своеобразный отпечаток военной дисциплины, боевой подтянутости, мало понятный другим городам, не испытавшим близкого соприкосновения с фронтом. Это же обстоятельство привело к тому, что и рабочие организации в Красном Питере усвоили многие черты, на первый взгляд как будто совершенно не вяжущиеся с их основными задачами.

Так именно случилось с питерскими профсоюзами и их Советом, особенно с июня 1919 года.

И до этой даты профсоюзы, руководимые идейно коммунистической партией, оказывали ей полное содействие в обороне Петрограда. Всем, напр., хорошо памятна огромная роль, сыгранная союзом железнодорожников, работников телеграфа, союзом металлистов в борьбе с керенско-красновским наступлением. Но эта роль была случайной, она не была оформлена, организационно профсоюзы в то время еще не были связаны с государственными органами, взявшими на себя оборону Красной столицы.

Эта связь начинает налаживаться лишь с июньского белогвардейского наступления, когда отношения международного империализма к Советской России уже приняли совершенно отчетливые очертания, когда для всех стало ясно, что борьба за Питер есть борьба за красное знамя пролетарской революции, когда поэтому слова: «Питера мы не сдадим!» стали лозунгом рабочих и работниц, отвергнувших какую бы то ни было возможность сдать свой город без боя, если бы даже стратегически такая сдача была неизбежна.

Именно с этого времени и начинается процесс органического сращивания профессиональных союзов с партией, врастания их в различные органы государственной власти не только путем усиленного представительства, но и путем непосредственного участия в организационной работе.

Никогда не забыть, как в июньские дни в Совете Профсоюзов решался вопрос об участии в организации Штаба Внутренней Обороны. Оборона требовала основательного пересмотра его штатов и привлечения новых работников с известной политической гарантией. С обычной профессионалистской точки зрения даже одна постановка вопроса в такой плоскости является полным нарушением основных принципов профессионального строительства. А Совет Союзов нашел, что такая организационная помощь военной власти как раз и является одною из важнейших задач професс. движения в период борьбы за диктатуру рабочего класса. В результате—Штаб получил от Совета ряд ответственных работников с членом президиума во главе, а вместе с ними частицу аппарата и, что самое верное, связь с широкими слоями рабочего населения, без чего оборона Петрограда была немыслима.

Необходимость такой связи обнаружилась немедленно, как только военным властям пришлось обратить серьезное внимание на очистку Питера от белогвардейских гнезд и на обезоружение белогвардейских элементов. Штаб был бы бессилен выполнить такую славную операцию в течение нескольких дней, а время было дорого, потому что удара в спину можно было ожидать ежеминутно. Ему необходимо было прибегнуть к революционной импровизации, к массовому обыску буржуазных квартир с помощью массовых организаций, умеющих быстро наметить общий план и немедленно его исполнить. Партия и Союзы взялись за это дело и выполнили его так, что в первый раз трудящийся Питер почувствовал возможность защищаться от внешнего врага, не оглядываясь ежеминутно с тревогою назад. В массовых обысках участвовало до 20.000 рабочих и работниц. Огромная часть среди них прошла главным образом школу профессионально-производственной организации. В течение нескольких дней эта армия извлекла из буржуазных квартир массу оружия, патронов, гранат, заготовленных на всякий случай. И многие из тех, кто до этих пор держался «беспартийной нейтральности», под-

чиняясь только поверхностной союзной дисциплине, поняли во время обысков, какою живучестью отличается контр-революция, как она умеет приспособляться к обстоятельствам, как опасно оставлять ее жало невырванным с корнем.

В одном месте находили пулеметы, вполне приготовленные к стрельбе, с лентами, вставленными в зарядную часть. В другом оказывались бомбы на изготовке. В третьем обнаружены мастерские офицерских мундиров, погон в шитье. И везде,—кроме винтовок, патронов,—вполне достаточные, нередко обильные запасы продовольствия, в то время как рабочие стонали от голода. Обыски, повторенные несколько раз, дали не только те результаты, в которых нуждалась оборона, они не только обезвредили буржуазию, но они в то же время дали и рабочей массе наглядный урок, который впоследствии перевел в ряды коммунистической партии не малое число беспартийных членов професс. союзов.

Июньское наступление, докатившееся до Гатчины, потребовало вывода навстречу почти всех наличных военных сил из города. Невольно возник вопрос: чтó будет с городом, если белогвардейцам все-таки удастся прорваться. И решен он был в том смысле, что питерские рабочие дадут решительный бой на улицах, чтобы город отстоять во что бы то ни стало. Отсюда был прямой путь к решению, которое немедленно было принято Советом Профсоюзов и получило санкцию Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. При Совете Союзов был организован на скорую руку Штаб рабочих полков, который использовал районы союза металлистов для вербовки и обучения рабочих стрельбе, метанию бомб и уличной борьбе. Всего удалось привлечь к этой своеобразной организации до 6.000 рабочих, *продолжавших работу на фабриках и заводах* и в то же время отдававших час-другой времени подготовке к возможному бою. Штаб просуществовал недолго, и, как только непосредственная опасность миновала, он был распущен, а отдельные боевые единицы вошли во Всеобуч.

Гораздо более прочными оказались боевые отряды, организованные некоторыми профессиональными союзами и поставленные на вполне военную ногу. Отряд железнодорожников состоял из 600 человек, был вполне подготовлен к выполнению боевых задач и был не раз использован Штабом. Организатором этого отряда, вложившим в него всю

душу, был тов. Л. Зильберберг (Львов), старый партийный и профессиональный работник, много сделавший для организации железнодорожного района. В конце февраля 1920 г. тов. Зильберберг был убит осколком снаряда в Ростове. Отряд рабочих водного транспорта, помещавшийся в общежитии Дворца Труда, состоял из 410 хорошо подобранных, бравых моряков, вооруженных по всем правилам военного искусства. Он находился в полном распоряжении Штаба Обороны, выполнял все его боевые и охранные задания и так основательно зарекомендовал себя, что был на всякий случай сохранен и на время после июньского наступления. В октябре у него было не мало случаев проявить свою боевую способность на Карельском и Западном фронтах, где несколько из его участников сложили свою голову, отстаивая подступы к Красному Петрограду [1].

Недостаток пулеметчиков с первых же дней июньского наступления обозначился настолько остро, что попытка Совета Профессиональных Союзов помочь и с этой стороны военной власти получила немедленное осуществление.

Во Дворце Труда было отведено большое здание для общежития. А в огромном манеже, что у Исаакия, наскоро возвели блиндаж и устроили отличное стрельбищное поле для практического обучения рабочих и солдат пулеметной стрельбе.

---

[1]) По сведениям Союза рабочих водного транспорта отряд потерял следующих товарищей:

Убиты—*Ромет* Виктор, *Гринберг* Петр, *Боцман* Артур, *Одинцов* Анатолий, *Шепетис* Михаил, *Шульц* Андрей, *Детков* (последний убит на Карельском фронте).

Пропали без вести—*Киви* Август, *Зинис* Павел, *Тоде* Михаил, *Садовщиков* Петр, *Конгас*.

Попали в плен—*Грилев* Александр, *Букшевич* Андрей.

Расстреляны белогвардейцами—*Аболь* Криш, *Вевер* Феликс, *Иванов* Василий, *Вимбе* Карл.

Кроме того, ранеными отряд потерял 15 человек.

Другие Союзы за два белогвардейских наступления также потеряли несколько лучших товарищей. Так на позициях у Пулкова погибла т. *Коновалова*, член правления Союза лечебников, в районе Ямбурга убит тов. *Леонов*, член правления Союза муниципальных служащих и член Исполкома Совета Профсоюзов, секретарь Союза швейной промышленности тов. *Молоканов* расстрелян белогвардейцами на Красной Горке.

В течение буквально нескольких дней работа была налажена настолько, что наша армия получила подкрепление в количестве 160 человек пулеметчиков.

Опыт оказался настолько удовлетворительным, что школа продолжала работать и после ликвидации июньского наступления. Следующий выпуск дал уже 200 вполне подготовленных пулеметчиков. Обучение в пулеметной школе продолжалось даже после октябрьского наступления Юденича и было ликвидировано лишь в феврале 1920 года.

Необходимо отметить также и организацию Советом Профессиональных Союзов небольшого, но очень важного отряда подрывников, который имел своей задачей парализовать промышленность в том случае, если бы пришлось приступить ко временной эвакуации Петрограда. Для этой цели была организована сборная группа наиболее ответственных квалифицированных работников, которые, не оставляя работы на фабриках, заводах и в Профессиональных Союзах, в то же время обучались подрывному искусству.

Впоследствии ими неоднократно пользовались при очистке каналов от затонувших барж, и здесь они показали, что, если бы им пришлось во время июньского и октябрьского наступлений выполнять свою боевую задачу, они бы не уступили настоящим подрывникам.

Каждый отряд, организованный Союзом, получил военное знамя от Совета. И ни одно из них не было потеряно в бою, хотя отряды не раз подвергались большим опасностям. Когда попытка белых в июне и октябре захватить Петроград была окончательно ликвидирована, боевые знамена отрядов вернулись в соответствующие Союзы для того, чтобы в минуту опасности снова стать во главе их вооруженной силы.

Но, конечно, не одним только выполнением заданий военной власти занимались Профессиональные Союзы во время июньского наступления белых. Нужно ли было буквально в течение нескольких часов сорганизовать отряды санитаров; нужно ли было послать уполномоченных в войсковые части для того, чтобы укрепить дисциплину, навести порядок, поддержать идейно и организационно массы; поступали ли требования на рабочих самых различных специальностей, для того чтобы быстро двинуть устройство окопов и заграждений, вооружить, ремонтировать казармы; нужно ли было ускорить на железных дорогах пере-

брасывание частей, усилить подвоз продовольствия, усилить работу на металлических заводах,—беспрерывные, тревожные звонки со всех концов Петрограда неслись в Совет Профессиональных Союзов, откуда телефонограммы разносили их по Союзам в местные ячейки.

Уже в эти дни ясно чувствовалось, что профессиональные организации в Питере решительно пошли по пути осуществления своих непосредственных задач слитно с Советской властью, что они раз и навсегда отрешились от мысли противопоставлять свои задачи задачам партии и государства.

В эти тревожные дни, собственно, Профессиональные Союзы и не мыслили себя организациями, осуществляющими особые задачи охраны труда, тарификации заработной платы и т. д., — настолько они были целиком посвящены обороне Петрограда. И так как такое настроение безраздельно царило в коммунистической партии и ее ячейках, то не удивительно, что между Профессиональными Союзами и партией как-то сгладилось различие, и в работе они слились в единый мощный организм.

На улицах появился героический образ *рабочего*, защищающего Петроград, и этот образ покрыл всю разницу в методах организации, навыках и работе различных рабочих организаций.

Работа во Дворце Труда, в Совете Профессиональных Союзов, в районах и в фабрично-заводских комитетах приобрела характер полувоенный, мало напоминающий о профессиональном движении, как таковом. Достаточно указать, что мобилизация профессиональных работников шла через особый орган Комитета Содействия Красной Армии, который, одно время, являлся едва ли не самым важным и ответственным органом Совета Союзов. Достаточно напомнить также и о том, что в эти тяжелые дни мобилизация нетрудового элемента для окопных и иных работ производилась с помощью аппарата Профессиональных Союзов и Отдела Труда. Достаточно напомнить также, что и по отношению ко всем членам Профессиональными Союзами и Советом применялась строгая дисциплина, не терпевшая никаких возражений. Еще задолго до того, как в наших руководящих кругах заговорили о необходимости милитаризации профсоюзов, Питер в значительной степени проделал ее под прямым давлением близкого фронта.

Ликвидация июньского наступления привела, конечно, к тому, что многие из чисто военных функций Совета и Профессиональных Союзов были с них сняты, как не отвечающие непосредственным заданиям. Но общее настроение осталось, и, несмотря на то, что в августе и сентябре Красный Питер чувствовал себя в сравнительной безопасности, дух боевого напряжения попрежнему владел настроением рабочих масс. Это и сказалось в сентябре, когда в Питере были получены тревожные известия об угрожающем наступлении Деникина на Москву. Не пришлось даже развивать значительной агитационной энергии для того, чтобы снова вызвать огромный подъем среди рабочих и работниц Петрограда. Как и в Смольном, так и в Совете Профессиональных Союзов вся работа мгновенно перешла на военную ногу. В течение нескольких часов были составлены списки товарищей, намеченных к отправке на Южный фронт. В течение суток они были обмундированы и вооружены с ног до головы, и когда, с красным знаменем и с оркестром, поздней ночью, отряд добровольцев двинулся из ярко освещенного Дворца Труда на Николаевский вокзал, всем было ясно, что своей защиты Красный Питер не отделяет от защиты всей России.

Нужно, однако, отметить, что отправка этого и двух других отрядов, сразу и решительно изменивших настроение на Южном фронте и создавших там резкий переломный подъем, не прошла бесследно для Петрограда. Ослаблена была партия, но еще больше были подорваны Профессиональные Союзы и особенно Совет Профессиональных Союзов, который отправил на Южный фронт почти все свои лучшие силы. И когда после временного успокоения для Петрограда вновь наступили черные дни, когда банды Юденича, прорвавшись сквозь нашу армию, докатились до подступов к Петрограду, не легко было с оставшимися силами в течение нескольких дней перевести всю работу Профессиональных Союзов снова на военную ногу и наладить немедленно для этого аппарат.

Что Профессиональные Союзы вместе с Советом снова и безраздельно отдадут себя в полное распоряжение обороны города, в этом, конечно, после всего пережитого, ни у кого не могло быть и тени сомнения. Но что им удастся в такой неблагоприятной обстановке и при таком недостатке сил, справиться с поставленной обороной задачей в этом естественно можно было сомневаться.

Тем не менее ближайшие же дни показали, что сомнения были напрасны. Как только было получено первое тревожное известие, в Совете были установлены непрерывные дежурства днем и ночью. Такие же дежурства были установлены во всех центральных Профессиональных Союзах и фабрично-заводских комитетах. Непрерывная связь поддерживалась все время и, кроме того, ежедневно в Совете, ровно в 2 часа, собирались все секретари Союзов для сводки и распределения работ. Все приказы, которые беспрерывно поступали в Совет Союзов, немедленно рассылались на места и выполнение их беспрерывно проверялось. Каждый Союз был занят своим делом: трамвайщики бешено работали над своевременной доставкой продовольствия и вооружения для воинских частей; лечебники организовали санитарные отряды и наскоро обучали работниц ухаживать за ранеными; Союз Швейной Промышленности, буквально организовав производство на ходу, вел колоссальную работу по обслуживанию красной армии шинелями, теплыми шапками и рукавицами; у пищевиков кипела работа по выпечке хлеба; Союз Металлистов взялся за милитаризацию работ по выполнению военных нарядов. Путиловским, Ижорским, Обуховским и другими заводами в эти кошмарные дни была выполнена гигантская работа, которая, к сожалению, до сих пор еще не получила должной оценки. Все Союзы, которые могли хотя бы что-нибудь сделать производством для обороны Петрограда, работали изо всех сил, а сил этих тогда было не много.

Не нужно забывать, что кроме подъема производительности, которая не прекращалась даже тогда, когда враг стоял у самых ворот, Союзы выполняли еще и большое дело по организации непосредственной защиты Петрограда своими руками. 15-го октября был сорганизован большой отряд из ответственных партийных и профессиональных работников Совета Народного Хозяйства. Ночью в Совете Союзов закипела работа по заготовке для боевого рабочего отряда аммуниции, вооружения и продовольствия. К 8 часам утра было заготовлено все. С половины десятого утра 16-го октября начали собираться во Дворце Труда все мобилизованные члены отряда, а к 2-м часам боевая единица была готова к отправке на фронт.

Отряд состоял из товарищей, большая часть которых не вполне

или совсем не владела оружием. Главная задача отряда состояла, конечно, не в том, чтобы ударить на белых и оттеснить их от Петрограда. На него рассчитывали, главным образом, как на ударную единицу в психологическом смысле, и эту роль отряд, по всеобщему признанию, выполнил вполне удачно. Прибыв на фронт, он развернулся в живую заставу, которая стала задерживать отступавшие части и приводить их в порядок. Таким образом был подготовлен перелом к тому времени, когда красноармейцы получили из города соответствующее подкрепление в виде продовольствия и одежды, лихорадочно перебрасывавшихся на трамваях и грузовиках. С подходом свежих боевых частей настроение решительно изменилось к лучшему, и с тех пор отряд начал рассасываться по боевым частям, особенно после того, как белые, потерпев поражение, начали отступать.

Иную роль сыграли отряды водников и железнодорожников, которые еще долгое время бились на Карельском и Западном участках, как настоящие боевые единицы. Их выдержка и дисциплинированность сделала большое дело в обороне Петрограда, и те жертвы, которые они понесли, были окуплены спасением Великого Города Пролетарской Революции.

После ухода нашего отряда жизнь в Совете Союзов и в Союзах стала мучительно напряженною. От военных организаций, Совета Обороны требования поступали буквально ежеминутно. Телефон своим возбужденным звоном наполнял все здание Дворца Труда. Время было рассчитано буквально на минуты, а, между тем, на фронт ушли почти последние силы, и в рядах Союзов на каждый оставалось не более 1—2 ответственных работников, которые должны были под строгой ответственностью немедленно и точно выполнять все задания. Гигантская работа, которую можно было вынести только путем величайшего нервного подъема и только тем, кто ясно и отчетливо сознавал все грозное величие момента. И теперь, так же, как и в июньские дни, не было разницы в настроении и методах партии и Профессиональных Союзов. Угроза Красному Знамени Революции спаяла всех воедино, выковала общую волю, единый революционный порыв. Временами казалось, что перед рабочими Петрограда приоткрывается завеса будущего, когда все формы рабочих организаций должны будут слиться вместе для того, чтобы создать единую форму для единой пролетарской воли.

Так, в самых тяжких условиях, способных разрушить и уничтожить любую организацию, в Красном Питере продолжалась, и притом ускоренным шагом, творческая организационная работа, подготовляющая великие пути будущего.

Оборона Петрограда в октябре показала нашим врагам всю мощь пролетарской революционной импровизации. Неожиданно для них в этом Великом Городе оказалась неисчерпаемая потенциальная сила, способная развернуться в любую минуту для героической борьбы за Советскую власть и за коммунизм. И нет ничего удивительного в том, что блестящая защита Питера сыграла роль переломного момента в защите всей России.

Именно потому и оказалось, что в защиту Петрограда были втянуты значительные группы беспартийных, нейтральных, до этих пор не только пассивных, но нередко выжидательно пассивных элементов. Не только потому, что всем угрожала общая опасность, но еще и потому, что проявление пролетарской энергии в деле защиты Петрограда захватывало своим размахом, мощью революционного подъема. «Им надо помочь»—вот какое было настроение серой колеблющейся массы в эти великие героические дни. И нам помогли. Масса трудящихся оказалась по нашу сторону баррикад, и это проявилось прежде всего в том, что за все тревожные дни октябрьской обороны ни Совет Союзов, ни Союзы, ни Отдел Труда не знали ни одного конфликта, ни одного требования, ни одной житейской мелочи, с которых начинается обычно обывательская тяга на другую сторону. Спокойно говорили: «Не до этого теперь. Пусть свободнее отобьются». Говорили и не мешали, а иногда и помогали бороться.

В октябре Партия и Союзы одержали победу не только над Юденичем. Они завоевали сердце почти обывательской массы. Величайшая победа, из-за которой стоило пойти на любые жертвы! Нас хотели свалить, а вместо этого мы стали еще крепче. Нас хотели убить, а мы стали еще живее. Над Красным Питером по прежнему развевается пролетарское знамя, вокруг которого тесной стеной стоят рабочие массы, сплоченные в Партию и Профессиональные Союзы.

Г. Циперович.

Путиловский завод.

Как бы ни были важны события, их непосредственным участникам редко удается правильно учесть значение этих событий и составить должную, исторически верную оценку явлений, сопровождавших их.

Иногда какой-нибудь совершенно ничтожный факт значительнее, характернее, чем более заметное событие, поражающее своей сложностью.

А потому, насколько позволит нам наша память и беспристрастность участников, постараемся изложить события, развернувшиеся с 12-го октября, так, как они произошли в действительности, ничего не подчеркивая, ничего не выделяя, и только дополнив исторический обзор этот справкой о техническо-активной деятельности завода по снабжению фронта военными средствами для защиты Петрограда.

Путиловский завод, как работающий на нужды транспорта и артиллерии, имел всегда государственное значение,—поэтому ему приходилось быть всегда готовым ко всяким случайностям переживаемого момента.

Для этого, с конца 1917 года, при Завкоме установлены были ежедневные ночные дежурства его членов. За последнее время эти дежурства не только не были прерваны, но в виду разного рода осложнений были усилены дежурствами техников Артиллерийского отдела.

Партийная неделя и лекции в театре Колизей, где тов. Зиновьев знакомил аудиторию с положением дел на фронте, побудили всех трудящихся напрячь все свои усилия для отражения наступающего на Петроград врага.

После этих лекций не только лицам с некоторым политическим опытом, но и всем, оберегавшим рабоче-крестьянское правительство, а в том числе и Завкому Путиловского завода, стало до очевидности ясно, что Красному Петрограду грозит со стороны белогвардейцев опасность. Таким образом события, начавшиеся с 12-го октября, не застигли путиловцев врасплох.

В эти грозные дни атмосфера, в которой жил пролетариат, настолько сгустилась, что в конце концов она должна была разрядиться.

Так оно и произошло, но, на наше счастье, в условиях революционной подготовленности.

Появление близ Путиловского завода, на Петергофском шоссе, беженцев, повозок с военным снаряжением и даже, наконец, солдат с угрюмо сосредоточенными лицами никого не удивило и не внесло в ряды рабочих никакой растерянности. Напротив, близость фронта заставила всех трудящихся отнестись к происходившему с большой серьезностью и, так сказать, одухотворила их. Работа на заводе закипела.

Все, что нужно было для фронта, для временно отступивших, давалось Путиловским заводом. Завод давал пушки и бронепоезда, ремонтировал их, давал снаряжение, организовал ночлег для красноармейцев и помощь выселяемым из домов прифронтовой полосы.

Сейчас, когда пережитое в эти дни сравнительно далеко и отошло в прошлое, следует все-таки указать, что если центр тяжести находился в ту пору в Заводском комитете, то и на плечи административно-технических руководителей, а в большой, конечно, мере и на плечи самих производителей ложилась подчас сверхсильная тягость. Ведь надо было выйти из создавшегося положения победителями во что бы то ни стало.

И все подтянулись в дружной работе и с мужеством, а подчас и с упрямой настойчивостью выполняли свой долг лицом к лицу с опасностью столкнуться, хотя бы временно, с врагом. Работали под гул и раскаты доносившихся с фронта выстрелов из тяжелых орудий и трескотню пулеметов.

Вполне понятная суетливость, вызываемая непрерывными телефонными распоряжениями, с нервирующим предупреждением об ответственности за неисполнение их по законам военного времени, многое затушевала, а иное сохранила в памяти в виде отрывков. Ни у кого, конечно, не было свободной минуты, чтобы записывать происходившее, подсчитывать результаты дня, суммировать события.

В памяти осталась ночь на 14-е октября, когда по Петергофскому шоссе к Николаевскому вокзалу с шумом и грохотом провезли на тракторах два 6-ти дюйм. осадных орудия; в Заводский комитет, как из рога изобилия, посыпались запросы, а затем последовали телефонограммы.

Вообще говоря, это был момент, когда настроение вокруг с каждой минутой стало повышаться, а в районе Путиловского завода проявилось

некоторое нервное настроение. Но ни усталости, ни уныния не замечалось, а ночные дежурства в Завкоме как-то сами собой заменились работой Завкома в полном его составе, дополненном председателем Р. П. З. Т. И. Спешно приступили к мобилизации партийных работников для отсылки их на фронт. Эта мобилизация дала около 300 человек от завода и 200 человек от Путиловской верфи. Члены Завкома командировались всюду, где надо было кой-кого подтянуть, воодушевить, точно и толково передать распоряжение Н. П. Р. штаба; организовалось под наблюдением того же Завкома рытье окопов, и в первую очередь было послано для этого более 150 человек.

По Петергофскому шоссе гудели грузовые и легковые автомобили. К Артиллерийскому, Вагонному, Автомобильному и Паровозным отделам Путиловского завода были предъявлены спешные требования выпуска отремонтированных и готовых изделий артиллерии.

И, забыв отдых, сон, семьи,—путиловцы принимали приказания, передавали поручения, независимо, относились ли они к заводу или нет. Достаточно было только, чтобы быстрое и точное исполнение их предписывалось военными обстоятельствами, обороною Питера.

Таким образом подавались подъемные краны для установки бронебойных щитов у Нарвских ворот, проводилось электрическое освещение к окопам, казачьи бараки переделывались для жилья и т. д.

Все слилось в единую волю, в единую мысль—отогнать врага, отстоять дорогой нашему сердцу Красный Петроград.

Некоторые картины событий, начавшихся с 12-го октября, надолго останутся неизгладимыми в памяти путиловцев...

Вечер. Слякоть, дождь—погода отвратительная.

Необходимо по приказу уполномоченного Северо-Западного фронта к 9-ти часам вечера подать на станцию Пущино платформы с установленными на них пушками.

Медленно, осторожно вывозят их поездом из мастерской.

Странный звук. Паровоз останавливается. Тщательно осматривается путь,—оказывается, как на зло, лопнул рельс. Все начинают нервничать, наскоро укрепляют его, пробуют продвинуть поезд, но опять крики: «стой, стой!» Разошлись рельсы, и платформы передними колесами врезались между путями в шпалы.

Товарищи составители поезда горячатся, волнуются. Время не терпит. Руководящий этой работой директор завода и председатель Р. П. З. Т. успокаивают, ободряют работающих, и в конечном результате, при помощи досок, площадка постепенно входит на рельсы. Посланные за новыми рельсами и костылями не являются, и для оставшихся у площадок с пушками ожидание кажется вечностью. Вносится предложение—исправить путь вручную, закрепив его брусьями. Только бы миновать злосчастное место и, хотя бы на себе, без паровоза, протащить площадки.

Предложение принимается прозябшими и промокшими людьми с готовностью—и поезд двигается. Но опять крик—«стой!» Опять то же самое. Опять колеса сошли с рельс. Приглашается заведующий железнодорожным цехом—и приступают к более или менее основательному ремонту пути.

Работа кипит. Не слышно ни жалоб, ни брани. Все проникнуты желанием помочь тем, кто находится на фронте, кто борется с врагом. И когда задача успешно выполняется, у всех вырывается вздох облегчения.

И это желание—желание быть активным в борьбе с врагом, не было единичным. Оно наблюдалось во всех цехах, а в Артиллерийском, Паровозном, Вагонном и Автомобильном отделах, конечно, в особенности.

Каждый нажим неприятеля отзывался на заводской работе, вызывая у всех нечеловеческие усилия. И эта энергия в течение всего кризиса ни на каплю не ослабевала, хотя многие наши сотоварищи почти неделю не выходили из завода.

Решимость сказывалась во всем; общим лозунгом было: «Петроград не может быть сдан. Белогвардейцам не взять его. Дух революции сильнее их желания».

Между тем, положение становилось критическим: на чьей стороне будет перевес —определить еще не представлялось возможным,—и воскресенье 19-го октября, когда над городом, а в частности вблизи Путиловского завода, появились неприятельские аэропланы, разбрасывающие белогвардейские прокламации, оказалось самым тревожным днем для Завкома и председателя Р. П. З. Т. И. Они не могли не бояться за судьбу завода. В кассе завода, как наиболее по охране надежной, находилась большая сумма денег, принадлежавших заводам, входящим в состав Р. П. З. Т. И.; к разборке машин не приступали—сердце завода

продолжало работать, и никто, как нам в то время казалось, не оберегал его. Ни одного распоряжения на этот счет не было; масса полуготовых и готовых изделий, до некоторой степени ценных материалов—и никакого указания, что с ними делать. Приходи враг и владей. И деньги, и машины—все к его услугам.

А тут еще обыденные разговоры по телефону с предложением нефти, т.-е. как будто для врага запасали и топливо. На свой страх и риск, председателем Р. П. З. Т. И. решено было предпринять кое-какие меры в отношении кассовой наличности, разборки машин и т. д. От нефти решено было отказаться и работать на том топливе, какое имелось на заводе в запасе.

По смыслу распоряжений, по предъявлявшимся к заводу требованиям, мы без газет, без специальных сообщений, знали и чувствовали положение на приближавшемся к заводу фронте и безошибочно ориентировались в своей работе. Сам по себе пропал страх случайно попасть под ответственность, о чем всех нас щедро предупреждали. Все старались делать свое дело, успокаивая при нужде друг друга: председатель Завкома—председателя Р. П. Т. И., и наоборот. В особенности когда первый начинал особенно надрываться, сплошь и рядом покрикивая там, где не было для этого большой нужды.

Надо сознаться, в те приснопамятные дни язык фронта заразил и нас, а звуки пушечного грохота оглушили всех основательно.

И только понимая это, мы могли работать, не нарушая революционной дисциплины, не поддаваясь угнетению, а тем паче панике.

Конечно, и эти события не прошли без обывательщины.

Кой-где, правда частично, слышался шопот злорадства над товарищами коммунистами; чувствовался трепет малосознательных, ожидавших прихода белых и неумевших скрыть свои заветные желания: «придут наши белые, мы вам покажем».

Однако белые не шли, а отходили разбитые; в рабочем классе, начиная от беспартийных и кончая ответственными коммунистами, солидарность росла и закалялась—и все эти разговоры, стыдливо замкнувшись, совершенно исчезли. Шептуны во-время учли провал похода Юденича на Красный Петроград.

Эпизоды, естественные при великих народных потрясениях, так

и остались эпизодами, и 21-е октября это красноречиво подтвердило: Красный Петроград не побледнел.

Красный Петроград вышел победителем, а путиловцы выполнили свой пролетарский долг перед ним не ради страха, а действительно ради совести.

В прилагаемой при сем ведомости выпуска Путиловским заводом военного снаряжения, начиная с 10-го октября большинство перечисленных изделий, а ремонт почти целиком, выполнены в связи с наступлением белогвардейцев на Петроград. Это до некоторой степени характеризует участие путиловцев в отбитии этого наступления.

Бесспорно, работа тыла по снабжению бойцов боевыми средствами имеет в военном деле громадное значение. И эту работу очень удачно выполнил Путиловский завод, повысивший в некоторых случаях интенсивность труда более чем в три раза.

Так, например, вагонным отделом из 4-х присланных старых конно-железнодорожных вагонов в три дня были сделаны 2 санитарные вагона. Ремонт бронепаровозов и бронепоездов производился с еще большей быстротой.

Присланные бронепоезда №№ 5, 6 и 45 отремонтированы были менее чем в сутки, причем помимо общего ремонта паровоза на № 5 была поставлена новая 6-ти-дюйм. крепостная пушка, а на № 45 одна пушка поставлена и три отремонтированы.

Бронепоезд № 5, присланный с Ижорского завода в полуготовом виде, ремонтировался, вместо нескольких дней, всего одни сутки и как работа, так и отправка его на Николаевский вокзал производилась под личным наблюдением председателя Завкома.

Ремонт бронепаровоза № 43, несмотря на успешность слесарных работ, для наибольшего ускорения отправки его в бой производился не только председателем Завкома, но и товарищем матросом, командиром «Черноморца». Первому приходилось буквально разрываться на части— и работать на паровозе, и принимать и отдавать общие распоряжения по заводу.

Для достижения наискорейшего выпуска и отправки к месту боя бронепоездов, орудий и боевых припасов, сплошь и рядом, среди ночи, Завкомом вызывались с квартир товарищи-специалисты, которые, надо

отдать им должную справедливость, не взирая на расстояние от места жительства к заводу, иногда после 10—12 ти часовой дневной работы, без промедлений являлись и приступали вновь к работам, без всякого ропота и неудовольствия.

В таком порядке, среди ночи, в минно-сборочной мастерской, производилась ковка лошадей для военного обоза, а по заводу растопка необходимых для производства печей, и для этого товарищей рабочих буквально поднимали с постелей.

Кроме того, для вышеупомянутого ускорения, зачастую на выручку приходили или российская смекалка и находчивость руководителей, или разного рода технические комбинации.

Так, с помощью первой нашли выход, когда ночью на дворе завода потребовалось осветить испорченный при доставке площадок с пушками на ст. Пущино рельсовый путь.

Из-за экономии топлива, электрическое освещение по заводу за последнее время было сильно сокращено: проводов было очень много, но все почти без току.

Присутствовавший при этом директор завода моментально перерезает один из проводов, снабжает его штепсельным наконечником, пропускает его через вентиляторное отверстие окна ближайшего освещенного здания— и электрическое освещение готово. А от освещения главным образом и зависел исход работы.

Или еще. Нужно было экстренно выпустить бронепоезд с установкой для трех зенитных пушек. Таких установок в необходимом количестве на заводе в это время, как на зло, не имелось, а были исключительно другой системы, предназначенные для морских судов и для сухопутных артиллеристов совершенно не подходящие.

Что же делать? Берут лафет с соседней к заводу батареи, быстро приспосабливают его, устанавливают на бронепоезд—и он отправляется тотчас же в бой. А для батареи, не меняя конструкции судового лафета, экстренно переделывается дистанционный барабан с морского деления на сухопутное.

Конечно, всего, что происходило на заводе, для полного уяснения напряженности и результатов работ, сейчас, в порядке постфактума, привести в настоящем обзоре не представляется возможным.

По автомобильной мастерской с 16-го октября до первых чисел ноября выпущено с большим и малым ремонтом 25 машин, тогда как в месяц обычно выпускалось максимально около 5 машин.

Казалось бы, интенсивность возросла в пять раз. На самом же деле, в виду того, что на заводе имелся некоторый запас готовых и полуготовых изделий — интенсивность повысилась в действительности только немного более, чем в три раза.

При существующих промышленных и экономических условиях — это увеличение, несомненно, явилось результатом наивысшей напряженности работ и прямого желания выйти из создавшегося на фронте положения.

В заключение следует упомянуть, что в лафетно-снарядной мастерской большинство слесарей и токарей работали по 12—13 часов в сутки и этой мастерской были оборудованы и выпущены в самом экстренном порядке 5 броневых с 50-сильными двигателями автомобилей «Остин», со специальными приборами системы Кегресса для перехода канав и других путевых заграждений, соответствующие неприятельским танкам как по оборудованию, так и по боевому назначению.

М. Вилесов.

Работницы Петрограда.

Петроградские работницы принимали громадное участие в рабочем движении и до Октябрьской революции.

Можно смело сказать, что ни одна стачка, ни одна демонстрация в Петрограде не обошлась без широкого участия работниц.

В июльские дни 1917 года среди рабочих, выступивших за переход государственной власти к самим рабочим и крестьянам, в лице их Советов, мы видим десятки тысяч работниц.

Они рядом с рабочими шли демонстрацией, высоко неся знамена с лозунгами коммунизма, международного братства рабочих, лозунгами человеческого счастья...

Участие работниц в Октябрьском восстании тоже огромно. То обстоятельство, что октябрьский переворот носил чисто военный характер, не помешало работницам оказать ему огромное содействие. Каждая завоеванная позиция укреплялась при их помощи, и при первом натиске контр-революции работницы не последними поспешили на самые опасные посты.

Степень сознательности наших работниц весьма высока и очевидна. Само собой разумеется, что речь идет о передовом отряде женского пролетариата, который всю свою мощь мог развернуть позднее, когда пролетариат овладел всем государственным аппаратом, когда женщина получила у нас полную свободу.

В период империалистской войны женский пролетариат относится с полным презрением к участию в боевых операциях.

Никакими средствами буржуазным женским баталионам не удается вовлечь работниц. Напротив, работницы находились в рядах тех, кто действенно и энергично протестовал *против* войны.

Совсем другое отношение со стороны работницы к *гражданской* войне. Если на первых порах ее, в борьбе с войсками Керенского, мы видим работниц преимущественно в качестве санитарок, то очень скоро работница появляется решительно везде, во всех областях жизни.

Особенно сильно и ярко участие работниц в обороне Петрограда.

Тут они выказали свой истинный героизм, высокую сознательность и огромную способность к самопожертвованию.

Петроград во все время революции направлял во все углы провинции, на все фронты своих лучших наиболее способных работников. Это диктовалось ходом революции. Революция должна была развернуться на всю огромную Россию, только крупные политические центры могли дать опытных руководителей. И они дали. Петроград — *первый.* Это, однако, не обессилило наш Красный Петроград, а заставило поднимать все новые и новые слои рабочих, быстро передвигать задние ряды наперед.

Петроградская работница тут-то и показала себя.

Уже летом 1918 года Петроград бросает на Восточный фронт, на борьбу с Колчаком массу своих ответственных работников.

Наши работницы сначала робко, потом смелее начинают занимать ответственные посты.

В президиуме Петроградского Совета, во главе отделов, в комитете партии коммунистов, в районных исполнительных комитетах, в заводских комитетах, в правлениях профессиональных союзов, везде мы видим уже работниц, за большой государственной работой, с которой они справляются хорошо.

Рядом с этим идет усиленная работа передового отряда работниц среди широких масс. По всему городу разбросана сеть секций работниц, объединенная и возглавляемая Отделом работы среди работниц при Петроградском комитете коммунистической партии. Это не отдельная женская организация, это лишь отдел специальной работы комитета и только.

Для вовлечения широких масс работниц устраиваются систематически общегородские конференции работниц, из расчета 1 делегатка на 50 работниц завода, фабрики.

Такие конференции собирают до 4.000 работниц. Обсуждаются на этих конференциях самые важные жгучие вопросы, как например: общеевропейское положение, наше военное положение, продовольствие, топливо, борьба с эпидемией, наше строительство, обеспечение семейств красноармейцев, народное просвещение, дошкольное воспитание и др.

Так петроградская передовая работница вместе с рабочим в одно

Приспособление к обороне набережной у Биржи.

Батарея у Петропавловской крепости.

Орудийные окопы у Смольного.

Приспособление к обороне набережной реки Невы.

и то же время строит по новому жизнь, вовлекает менее сознательных работниц и участвует в обороне своего беззаветно-любимого Красного Петрограда.

С мая 1919 года начинается постоянная непрерывная оборона Петрограда.

Юденич наступает. Это его первая попытка наступления на Петроград. Весь рабочий класс вздрогнул. Работница с ним.

Все и вся мобилизуется на защиту. Мы стоим пред необходимостью часть городской охраны—нашей милиции, двинуть на фронт. Пред работницей ставится новая, совсем непривычная задача. Она должна взяться за винтовку; если пока не идти еще на фронт, то здесь в городе ей надо охранять революционный порядок, зорко следить за контр-революцией, усердно готовившей свои адские замыслы.

Петроградская работница, не задумываясь, решительно и смело идет в милицию.

При Рабоче-крестьянском университете имени тов. Зиновьева, где постоянно подготовляются кадры работников для всевозможных Советских работ, создаются краткосрочные курсы для женской милиции.

Достаточно было одного призыва на конференции, и сотни работниц отозвались.

С 27-го мая 1919 года начинается в спешном порядке подготовка первой сотни милиционерок.

Программа занятий:

1) Конституция Р. С. Ф. С. Р.
2) Уголовная преступность и борьба с ней.
3) Теория и практика охраны.
4) Скорая помощь
5) Строевые занятия и гимнастика.

С средних чисел июня наши первые милиционерки заняли свои посты, и граждане не без удивления смотрели—может быть, спачала и недоверчиво—на красивые женские фигурки, одетые в изящные темно-синие костюмы, в матросских шапочках и с винтовками.

Город на осадном положении—и женская охрана, сон или явь?

И тем не менее наши пионерки не терялись. Они ловко проверяли

всех подлежащих проверке проходящих, останавливали автомобили для проверки, зорко следили за порядком, освобождая улицы от совершенно запрещенной уличной торговли, особенно чутко оберегая от торговли детей.

Всего до сих пор было 7 выпусков женской милиции с общим числом 800 женщин. Из них: 50% фабричных работниц, 25% служащих, 10% домашних хозяек, 15% прочих квалификаций.

Из этого общего числа коммунисток—25%, беспартийных—75%.

Женская милиция, конечно, не составляет отдельной единицы. Она влита в общую милицию, и милиционерки наравне с милиционерами несут свою службу как в городской, так и в железнодорожной охране.

Восемь месяцев существования женской милиции дают нам возможность делать те или иные заключения по поводу пригодности женщины к названной службе. Надо сказать, что на милицию у нас возложены очень трудные и ответственные задачи: охрана порядка, фактическое проведение всех декретов, трудовой повинности, борьба с преступностью всех видов. Надо, следовательно, к вопросу подходить со всей осторожностью.

По вопросу об исполнении обязанностей в общем и целом можно сказать, что опыт наш оказался удачным.

Что касается % преступности самой милиции, то картина наблюдается такая: % должностных преступков (уход с поста, нарушение дисциплины, приход не во время) у милиционерок больший, чем у милиционеров, % уголовных преступлений (кражи, взяточничество, неправильные реквизиции) значительно больший у милиционеров. Тут мы, видимо, имеем дело с недостаточным приспособлением женщин к строго-установленным нормам. Несомненно, что в процессе работы этот недочет изживется.

В общем опыт наш считается весьма удачным и введен сейчас для всей Республики. Причем нельзя, конечно, ставить вопрос о совершенной замене мужской охраны женской, особенно на время гражданской войны. Речь может идти о введении женской милиции в крупных городах в размере $^1/_3$.

Петроград защищен от первого удара Юденича и уже направляет самых стойких товарищей на Южный фронт. Там наступает Деникин.

Спокойствие, однако, недолгое. Уже в октябре начинается снова наступление Юденича, на этот раз более грозное, сопровождавшееся целым рядом крупных заговоров. Враг у самых подступов города.

Времена суровые. Дилемма: эвакуировать город или защищать его и, если надо будет, дать бой в самом городе.

Рабочие и работницы Петрограда, конечно, не допускают никакой эвакуации.

На заседаниях Совета, на большой конференции работниц, единогласно принимаются решения: Петроград отстоять, чего бы это ни стоило.

И это не слова.

В течение нескольких дней весь город был покрыт окопами, баррикадами, проволочными заграждениями, установлена была правильная, по строгому плану выработанная, оборона.

Что в это время делала работница, как отнеслась ко всему?

Петроградские работницы без колебаний стали в первые ряды на защиту Петрограда.

Для всевозможных нужд обороны мобилизовано 14.000 работниц.

Вся эта масса распределилась по десяти районам города, составляя отряды.

Из общего числа работниц 11.340 работниц пошло на всякие тыловые и окопные работы, на непосредственные фронтовые работы 2.660. Из них:

санитарок	1.079
саперок	521
команд связи	445
пулеметчиц, бомбометчиц и других	615
Всего	2.660

За очень короткий срок женские отряды успели обучиться настолько хорошо, что выгодно выделялись выправкой при больших воинских парадах. Так, при смотре войск тов. Троцкий не мог не отметить один из отрядов работниц, как весьма образцовый. Это был отряд Василеостровского района.

Первые прославились своим поведением санитарки. Их нельзя было никак удержать позади линии огня. Они все время были в самом огне,

тут же, наскоро перевязывали раненых, унося их в безопасные места. Сколько жизней было спасено этой истинно сестринской помощью — знают многие и многие красноармейцы.

Не мало санитарок погибло на своем славном посту, а оставшиеся продолжали работу, горя желанием уберечь каждую каплю дорогой братской крови...

Не менее самоотверженно работницы проявили себя в самой боевой работе: так, недалеко от Путиловского завода, был расположен большой заградительный отряд, бывший под обстрелом. В него влился отряд работниц. Работницы были пятерками вкраплены в отдельные части отряда. Тут они, совершенно одинаково с рабочими, несли всю боевую службу, с большим усердием и высоким пониманием дела.

Недаром товарищи, приезжавшие с позиций, в самые горячие дни, говорили: «побольше работниц на фронт посылайте, здорово ободряюще они действуют».

Так было на всех участках нашего фронта.

Проделанная в этот период петроградскими работницами работа, их героизм, их самоотверженность, проявленная под неприятельским огнем, в разведках, в цепи, в борьбе с колебаниями некоторых красноармейских частей, сможет быть должным образом оценена только впоследствии.

Но сейчас уже мы можем с глубокой уверенностью и большой гордостью сказать, что наш Красный дорогой Петроград отстояли вместе с красноармейцами, вместе с рабочими и работницы. Успех нашей борьбы, несомненно, в большой степени обусловился тем, что работницы могли дать достаточный кадр сознательных борцов и для фронта и для тыла.

Петроград спасен. Работница из этой борьбы вышла более закаленной, более уверенной и быстро переходит к накоплению новых революционных сил, к строительству.

Сейчас же после празднования двухлетия нашей великой пролетарской революции объявляется широкая агитация среди работниц и домашних хозяек, и снова созывается конференция. Результаты этой широкой работы сказываются особенно на выборах в Петроградский Совет.

В Петроградском Совете первого созыва было . . . 3 женщ.
» » второго » » . . . . 7 »
» » в первое полугодие 1919 г.
было . . . . 200 »
» » во второе полугодие 1919 г.
было . . . . 300 »

А в первое полугодие 1920 г. из общего числа депутатов в 1.800 человек женщин было 400 человек. Привлечен совершенно новый слой избирательниц—домашняя хозяйка. Жена рабочего, жена красноармейца, занимающаяся своим хозяйством, должна тоже выбирать в Совет. Таких избирательниц у нас 40.000. Таким образом самая отсталая женщина втянута в политическую жизнь.

Так растет сознание среди работниц, так ширится приток все новых и новых борцов, и это результат работы преимущественно самих передовых работниц.

Недостаточно женщину освободить, раскрепостить. Надо в ней пробудить вкус к широкой политической жизни; надо ее научить пользоваться своей свободой. Это нами проделано уже и делается, чем дальше, тем больше. Попутно с работой обороны, работницы сумели проделать огромную работу помощи раненым. Нет в Петрограде ни одного лазарета, ни одной больницы, где бы не побывали наши работницы, то с подарками, то по обследованию условий жизни раненых, то с тем, чтобы просто-на-просто почистить палаты, перестирать белье раненым и больным, помыть, проведать и т. д. Затем следуют столовые: работница не могла оставаться равнодушной к тому, что огромная сеть общественных столовых, пропускающая 1.000.000 обедов в день, недостаточно хорошо обставлена. Кто лучше сознательной работницы может оценить значение общественных столовых, раскрепощающих женщину, освобождающих ее от тысячи мелочей. Не удивляйтесь, что петроградские работницы, в лучшей своей части, кинулись в эти столовые. Они хотят, чтобы эти столовые при всей скудости продовольствия давали чисто приготовленный, достаточно вкусный обед, чтобы помещения были в чистоте и опрятности. Петроградские работницы многого добились своей настойчивостью. Своим контролем столовых они превратят их в

образцовые общественные столовые. И еще одним петроградская работница ознаменовала переход от обороны к строительству: выбрано человек 1.500 работниц, которые распределяются по всем Советским учреждениям. На практической работе они должны, переходя из отдела в отдел, научиться управлять своим рабочим государством. Работа начата и пошла с большим успехом. Сейчас объединено до 17.000 питерских работниц. Они составляют авангард. Арьергард уже подтягивается.

С. Равич.

Красные курсанты.

В феврале 1919 года ожидалось нападение на Петроград со стороны белой Финляндии. Небезызвестный Маннергейм назначил под Териоками маневры своих полков. Маневры эти кончились печально для Маннергейма: финны замитинговали и отказались пуститься в авантюру. На маневры прибыло ровным счетом две роты, по сообщениям осведомленных финнов, менее 300 человек. Но все же, чтобы отбить у белофиннов всякую охоту бряцать оружием по адресу Красной столицы, нашим командованием было решено устроить контр-маневры, на которые были двинуты в первый раз красные курсанты Петрограда. По заявлению тов. Троцкого на заседании Петроградского Совета, тогда было решено, что если Петрограду будет грозить опасность, то честь большого удара будет предоставлена курсантам, которые представляют наиболее обученную и сплоченную единицу. Курсанты, конечно, с восторгом приняли весть об этой высокой чести, и были готовы по первому зову своих вождей грудью встать на защиту своего родного города.

Но на этот раз дело ограничилось только маневрами с обеих сторон. Авантюра Маннергейма не выгорела. Курсанты, оторванные на несколько дней, снова вернулись к своим обычным занятиям.

И только в апреле месяце, когда наше военное положение на Эстляндском фронте было неустойчиво, небольшой отряд петроградских курсантов, приблизительно, штыков в 600, был отправлен туда для восстановления положения.

Курсанты с честью выполнили возложенную на них задачу и уже были в 3—4 верстах от Верро, главного опорного пункта белоэстонцев, когда пришла весть, что Красному Петрограду угрожает опасность со стороны северо-западных белогвардейцев, взявших Ямбург и победоносно подвигающихся к Петрограду.

Курсанты были сняты с Эстонского фронта и брошены на защиту подступов к Петрограду, уже значительно большим отрядом, в который вошли все, без исключения, Петроградские курсы, а кроме того Новгородские, Ораниенбаумские и Петергофские. Выступив из Петрограда

26-го мая, отряд курсантов в 4—5 дней стремительным ударом отбросил белогвардейцев верст на 40, на 50 назад.

Столь быстрое продвижение вперед, при беспрерывных ожесточенных боях, с превосходными силами противника, не привело к благому результату. Ряды курсантов сильно поредели, а фронт все увеличивался, что, при отсутствии достаточных резервов и поддержки во-время со стороны других частей, создало возможность для белогвардейцев прорвать фронт. Отряд курсантов должен был отойти к исходному положению.

Непродолжительный отдых в Ропше, после угнетающего отступления из-под самых подступов к Ямбургу, в конце июня был неожиданно нарушен новым требованием курсантов на фронт. Изменения в командном составе, который оказался в первую половину похода не на высоте своего положения, произвели плодотворное действие на курсантов. Уменьшившийся более чем на половину, но руководимый достойными командирами, отряд курсантов снова был двинут в дело. И на этот раз свою задачу он выполнил блестяще.

Первая операция, к которой был привлечен отряд, представляла собой обходную операцию. Курсанты, имея справа от себя моряков, должны были, пробившись по лесной линии ряда деревень, обрушиться с севера на Копорское шоссе и тем заставить белогвардейцев покинуть хорошо укрепленную линию Заостровье-Комерицы. Решающим моментом этой операции было взятие деревень Терентьево и Стародворье. Сопротивление белых было очень упорно: были случаи, когда нужно было приканчивать офицеров, до последней минуты стрелявших из пулеметов. Отступление белых носило беспорядочный характер, убитые и раненые были брошены. Трофеями были 6 пулеметов, вполне исправных. Операция удалась вполне, но стоила больших жертв: несколько десятков лучших бойцов выбыли из рядов и без того малочисленного отряда.

За этой операцией последовал ряд других, не менее трудных, которые были выполнены курсантами с таким же успехом, как и первая, несмотря на самое отчаянное сопротивление белых, которые, в буквальном смысле слова, цеплялись за каждую возвышенность, деревню и даже канаву. Каждая деревня на пути от Гостилиц до Ямбурга густо полита кровью героев курсантов. Их братские и одиночные могилы останутся навсегда священными в памяти пролетариата.

Последней операцией, решившей судьбу Ямбурга, был глубокий обход укрепленной линии противника в верстах 12—15 от него. Отряд курсантов в течение целого дня шел по лесным дорожкам, просекам, а то и просто по лесу, который на карте был обозначен, как непроходимый, при помощи компаса, в обход укрепленной группы противника, на деревни Заполье и Алексеевку и на мызу Графская гора.

Благодаря сокращению своего фронта, белые сосредоточили в этом районе три полка, часть отряда Ливена, и бросили туда разные команды, даже нестроевые, из штаба корпуса, стоящего в Веймарне. Тем не менее, сопротивление белых было сломлено, и третьего августа утром постепенно были заняты все эти деревни, причем было захвачено большое число трофеев и пленных. 4-го августа отрядом курсантов был атакован и взят, наконец, город Ямбург, который оборонялся совершенно свежими белогвардейскими частями, представлявшими частью гарнизон города и частью присланными из Нарвы. При взятии города, было захвачено много пулеметов и 230 пленных. 17 августа отряд курсантов, выполнив возложенную на него боевую задачу, вернулся в Петроград, где ему была устроена торжественная встреча.

Петроградский Совет на торжественном заседании 18-го августа, вручил героям Красное Знамя от своего имени. Тов. Зиновьев в своей приветственной речи, между прочим, сказал: «Было время, когда белогвардейцы из шайки Юденича распространяли черносотенные листки, где говорили, что Петроград бросил свои последние отряды, вроде отряда курсантов. Они хвастались, что «этим курсантам покажут, где раки зимуют», белые отряды графа Ливена и отряд Балаховича. Отрядом Ливена особенно пугали: эти сумеют-де разбить отряды красных курсантов.

«Ливен набрал определенное количество белогвардейских офицеров. Они великолепно вооружены английскими и французскими капиталистами. Этот отряд частью провозили через Швецию, частью собирали в Риге и бросили, главным образом, против красных курсантов. Тут стояли друг против друга офицеры старого времени, офицеры «белой кости», и офицеры нового времени, рабоче-крестьянской России. Вы видите, что результаты были для нас не так плохи. Отряд графа Ливена рассыпался в прах. Много десятков и сотен белых офицеров перебиты, многие взяты в плен нашими красными курсантами. Нашим красным

офицерам не приходится стыдиться. Они выдержали экзамен на этом столкновении с одной из вооруженных до зубов банд мирового империализма».

В то время, как петроградский пролетариат устраивал торжественную встречу красным курсантам, вернувшимся с Ямбургского похода, в это самое время на далеком севере, в дикой, неприветливой Олонии, маленькая горсточка петроградских курсантов вела упорную борьбу с финскими и русскими белогвардейцами, пытавшимися подойти к Петрограду с севера.

В составе одного батальона, петроградские курсанты еще в начале мая были брошены на Олонецкий участок фронта. Условия войны на этом участке были более трудными, чем где бы то ни было, Боевые операции приходилось производить с особенными трудностями. Передвижение частей совершалось глухими лесными дорогами, среди болот и девственных чащ. Приходилось преодолевать сопротивление не только противника, но и самой природы, дикой и угрюмой.

Однако, не взирая на все эти трудности, красные герои и здесь поддержали честь и достоинство петроградского пролетариата. Белогвардейцы долго не забудут визита питерских гостей. Деревня Рабала, Сандепская пустынь, Верхний конец, переправа через Тулоксу, деревня Ачула, Нурмово, Видлица, Березовая гора и другие селения Олонии останутся навсегда священными для питерских рабочих. Там красные питерские курсанты кровью своей запечатлели преданность свою революции и любовь к Великому Городу; там находятся могилы лучших из них, которым не пришлось вместе с нами дожить до решительной победы.

Разбив на-голову банды Юденича, прогнав до границы финские белогвардейские банды, питерские курсанты снова собрались в одну семью в родном городе и приступили к своим обычным занятиям, стараясь как можно полнее использовать передышку, добытую такой дорогой ценой. Но непродолжительна была эта передышка. Уже в начале октября с ближайшего фронта стали получаться грозные вести. Воспользовавшись ослаблением наших сил на этом фронте в пользу других фронтов, а также учтя ослабление нашей бдительности, северо-западные белогвардейцы снова решили попытать свое счастье на Петроградском фронте. Снова пал Ямбург, и белогвардейская волна, почти ничем не сдерживаемая, быстро покатилась вперед. Снова над Красным

Петроградом нависла грозовая туча. «Петроград в опасности»—снова был брошен клич в рабочие массы, и снова взоры питерского пролетариата обратились на красных курсантов. Медлить было нельзя, и 13-го октября питерские курсанты снова, как один человек, все выступили на защиту социалистической столицы. Только больные остались на курсах. Все же здоровые, даже нестроевые, отправились на фронт. На этот раз боевая работа курсантов происходила в особенно тяжелых условиях. Армия была деморализована и настроена панически. Ранние холода угнетающе действовали на плохо одетые красноармейские части. А белогвардейская волна катилась все дальше и дальше. Курсантам почти одним приходилось сдерживать напор. Связь почти совершенно отсутствовала. Отдельные части не знали местонахождения даже своих штабов. Отряду курсантов приходилось действовать самостоятельно, на свой риск и страх.

Пали Гатчина, Детское Село, Красное Село. Красные курсанты, истекая кровью, сотнями оставляя на поле брани своих товарищей, тем не менее не потеряли своей боеспособности. Образовав ударный кулак у Колпина в то время, когда, казалось, Петроград был уже обречен, курсанты перешли в наступление и в несколько дней, при помощи оправившихся к тому времени красноармейских частей и питерских рабочих, свели на-нет все успехи белогвардейцев. Отрядом курсантов были очищены от белогвардейцев Детское Село, Павловск, нанесено поражение под Красным Селом.

Желанный перелом наступил. Белогвардейцы не выдержали и так же стремительно покатились назад, как и наступали. Курсанты, потеряв более половины своего состава, и на этот раз выполнили до конца свой долг. Враг был сломлен, наша красная армия поправилась и перешла в решительное наступление. Разбитые под Онтоловым и Новым Бугром, белогвардейцы принуждены были очистить Гатчину. Непосредственная опасность Петрограду миновала.

Но большими жертвами курсантов была достигнута победа. Трупами лучших из них была загорожена дорога в Питер. Меньшей половине их только удалось вернуться на свои родные курсы.

На заседании Петроградского Совета 15-го ноября минувшего года, говоря о военном положении, председатель Совета, тов. Зиновьев, касаясь

Петроградского фронта, о боевой работе курсантов сказал следующее: «Петрограду больше не угрожает опасность: он спасен усилиями, мощью нашей красной армии, но среди тех, кто дрался на подступах к Петрограду, есть части, которым мы должны воздать особенную честь и хвалу,— это доблестные балтийские моряки и красные питерские курсанты. Это, товарищи, наш свет и надежда, это наш будущий командный состав, который научит красную армию бить врага еще сильнее, чем теперь. Мы бросили их в бой с болью в сердце, ибо каждый курсант имеет для нас огромное значение, но обстановка была такова, что мы не могли считаться с тем, что они в будущем принесут гораздо бо́льшую пользу, как командиры, чем как рядовые бойцы в цепи. Где только была неустойка, где колебалась красная армия,—красные курсанты везде и всегда появлялись и одерживали победу над врагами, восстанавливали порядок и заставляли дрогнувшие части приходить в себя и оказывать сопротивление. Советская Россия должна воздать особые почести курсантам, их имена должны быть вписаны на страницах истории. И мы верим, что если они, как рядовые бойцы, вместе с балтийскими матросами дрались на подступах Питера, не дали взять его белогвардейцам, отстояли его, то, как будущие красные командиры, они явятся тем цементом, который окончательно спаяет силы и мощь красной армии и поведет ее к окончательной победе».

Этим, в высшей степени лестным, отзывом о боевой работе курсантов вождя питерского пролетариата и председателя Коммунистического Интернационала я позволю себе закончить настоящий очерк.

Недостаток места препятствует мне шире осветить героизм красных курсантов. Я не имею возможности здесь назвать даже наиболее отличившихся из них, ибо их так много, что только перечень их имен займет не меньше места, чем весь этот очерк.

История революции сохранит эти дорогие имена в памяти благодарного потомства, которое, войдя в светлое царство социализма, с благоговением преклонит колена перед могилами героев и мучеников революции, жизнь свою положивших за счастье всего человечества, за братство народов всего мира.

Ф. Нелюбин.

Европейский пролетариат *).

Горячий привет представителям петроградского пролетариата!

Товарищи, я не могу найти слов, чтобы выразить вам чувства, которые охватывают меня, в момент, когда в этом зале старой царской Думы мне приходится видеть снова вас, представителей героического петроградского пролетариата. Я искренно должен сказать вам: я думал, что если мне придется еще увидеть питерцев, то не скоро я их в этом зале увижу. Когда шло наступление Юденича на Петроград, я с глубочайшем вниманием и интересом следил по столбцам английской печати за вашей борьбой и вместе с сотнями тысяч европейских коммунистов ежедневно дрожал за участь Красного Петрограда. И был день, товарищи, когда ко мне прибежал товарищ и сообщил мне, что по известиям германского министерства иностранных дел Петроград уже пал, а на следующее утро белые генералы в Берлине назначили молебен в церкви старого русского посольства во славу Юденича и за гибель рабочих,—русских, петроградских рабочих, для которых падение Петрограда означало бы кровавую расправу с лучшими представителями рабочего движения. Но, товарищи, как то не хотелось верить в то, что рабочие Петрограда не отстоят Петрограда, не хотелось верить, что знамя рабоче-крестьянской России перестанет веять для всего мира, что потухнет этот большой революционный костер, который до этого времени светил не только рабочим всей России, но и рабочим всего мира. И в эти дни отчаяния, когда решались судьбы Петрограда, у меня было одно желание: чтобы вы знали, что означает ваша работа. И теперь, в тот момент, когда самые трудные дни позади, все-таки, товарищи, стоит напомнить вам, за что вы боролись, чем была ваша борьба для нас, сидевших в тюрьмах европейского капитализма, и для миллионов рабочих в шахтах, на фабриках и заводах всего мира.

Товарищи, когда здесь рабочие живут в холоде и голоде, само собою понятно, что часто они ставят себе вопрос: стоит ли бороться, стоит

---

*) Из протокола заседания Петроградского Совета от 11 февраля 1920 г.

ли проливать кровь, стоит ли напрягать усилия, вести ежедневную героическую борьбу с нуждою, будет ли победа за нами? И я хочу вам рассказать, товарищи, чем был Петроград для нас, что означала ваша борьба, дабы после этого рассказа о том, как воспринимал европейский, американский и даже австралийский пролетариат, пролетариат всего мира, вашу борьбу, — вы получили новые силы для борьбы более тяжелой, для борьбы, которая должна быть более упорной,—для борьбы с хозяйственной разрухой, для борьбы с тифом, дабы этот Петроград, который вы спасли кровью ваших лучших товарищей, дабы этот Петроград был первым городом всего мира, в котором коммунизм осуществился на деле, в котором коммунизм будет больше не декретом, а будет повседневной жизнью рабочих масс.

Товарищи, если вы возьмете английские, немецкие и французские рабочие газеты, даже не коммунистические, а газеты самого умеренного толка, как английская газета «Дэйли Кроникль» или французская газета «Популер», вы увидите, что в течение всего времени, когда вы сражались с Юденичем, была только одна тема, которой были посвящены передовицы и известия, попадавшие в эти газеты на первые колонны. Этой темой было—взят Петроград, или нет, живы ли вы еще или нет, ведете ли вы еще борьбу или нет? Когда пришло известие, что вы спасли Красный Петроград, как бы новая струя жизни влилась в сердце рабочего класса всего мира. Ибо хотя рабочие всего мира мало еще знают нашу работу, мало знают, как мы ведем эту работу день за днем, не знают всего героизма и тех неслыханных усилий, которые числятся за славным героическим петроградским пролетариатом, все-таки для рабочих мира Петроград это—первый город, поднявший знамя восстания против империалистов, первый город, поднявший знамя восстания против капитализма, город, в котором рабочие шли с верой на бой и взяли власть в свои руки.

Товарищи, для вас Советская Россия это—каждодневная жизнь. Вы забыли, вероятно, уже о том, чем была Европа перед тем, как петроградские рабочие, первый отряд всемирной революции, взяли власть в свои руки. Ведь идея рабочего правительства, даже эта простейшая идея, что к социализму можно идти только тогда, когда рабочие будут иметь в своих руках власть, будут держать ее в железных руках, даже эта идея исчезла из голов рабочих. Много лет со времени Парижской Коммуны

международная социал-демократия вела агитацию и пропаганду за социализм вообще, за социализм, как новый строй жизни. Но как идти к этому социализму? Что к этому социализму надо будет идти через кровавую борьбу, через строжайшую, железную диктатуру рабочего класса, через разрушение всего капиталистического строя, через развал, нищету и нужду народных масс,—об этом не думали рабочие в Европе. Рабочим в Европе казалось, что коммунизм в будущем будет представлять общест.о равных, сытых, счастливых людей, стремящихся вперед. Они думали о социализме как о великом празднике, и день победы социализма был для них днем, когда вокруг дерева свободы соберутся старики, женщины и дети, возьмут друг друга за руки и будут радостно танцовать. Социализм рисовался им, как на картинах одного великого английского социалистического художника В. Крена, на которых социализм приходит в мир при свете радостного, теплого солнца. А что социализм придет через тягчайшую борьбу,—об этом они забывали. Рабочие все о мира думали, что они будут ежегодно собирать силы при выборах, будут показывать, как они сильны, как с каждым годом они становятся все сильнее и буржуазные правительства будут принуждены делать им день за днем маленькие уступки, пока в конечном счете не воцарится социализм. Когда пришло известие о том, что вы взяли власть в свои руки, я жил в качестве заграничного представителя центрального комитета коммунистической партии в Стокгольме и вел заграничную пропаганду. У нас тогда был один вопрос: что скажут рабочие всей Европы,—и надо признаться, что в первые месяцы высказались только маленькие кучки рабочих. Это было только слово, это было только общее понятие. И все в Европе думали, что вы взяли власть, но вы ее не удержите что эта власть ускользнет из ваших рук. Секретарь II Интернационала Камилл Гюисманс, один из главарей предательской старой демократии, имел глупость в публичном кафе в компании со старыми буржуазными журналистами биться об заклад, что в продолжение 8 дней эта авантюра кончится.

И день за днем следили рабочие за тем, что представляет собою это Советское правительство. Я снова вспоминаю, когда петроградское рабочее правительство стало для меня чем-то особенно дорогим и живым. Это был день, когда мне удалось проскользнуть через Финляндию в Петроград.

Когда мы, после переезда через Финляндию, где на всех станциях белогвардейские, эс-эровские и меньшевистские офицеры рассказывали нам, что здесь голод, разруха и распри между товарищами, когда мы, полные сомнений, подъезжали к Петрограду, то недалеко от Финляндского вокзала я увидел вдруг рабочих, обучавшихся стрельбе. И когда я увидел этот первый отряд красной гвардии, первый отряд, призванный к жизни не капиталистами, не для защиты дела капиталистов, не для защиты прибылей и капиталистической роскоши, а для того, чтобы защищать рабочую революцию, тогда только я понял, что представляет собою это рабочее правительство.

Рабочим в Европе труднее усвоить себе это, увидеть конкретно, в чем состоит рабочее правительство и рабочая революция. И только тогда, когда они услышали, как во время германского наступления в марте 1918 года рабочие с фабрик Петрограда поспешили на фронт под Псков и Торошино защищать Советскую Россию, когда они услышали, что в героическом городе рабочие, взяв власть в свои руки, завели порядок и боролись в 1918 году с холерой, когда они услышали, что из Петрограда пошли первые отряды рабочих в деревни за хлебом и рабочие начали строить красную армию, когда они услышали о том, как вы в продолжение всего прошлого года стояли на страже русской революции, как вы отбивали одно наступление белогвардейцев за другим,—им стало ясно, что представляет собою Советская Россия. Ибо, несмотря на всю ложь, на все сплетни русской белогвардейской и международной капиталистической прессы, всякий рабочий в Европе и Америке, мало-мальски думающий, скажет себе: если это верно, что Советский строй представляет собою только самодержавие маленькой кучки комиссарчиков, то за что умирают рабочие, за что они борются? Когда противники Советской России говорили, что в Советской России принуждают штыком рабочих и крестьян идти на борьбу, всякий мыслящий рабочий в Европе спрашивал себя: а кто эти люди, которые держат штык в руках и принуждают других бороться, откуда эти люди взялись? Значит, комиссарство маленькой кучки—это ложь, значит, рабочие сами защищают Советскую Россию, и не потому, что им приказывают ее защищать, а потому, что она им дорога, потому, что, несмотря на страдания и нужду рабочих масс, создание этой Советской

Орудийная установка в Александровском саду для обстрела Проспекта 25 октября.

Орудийная установка на Мариинской площади для обстрела Вознесенск. просп.

Орудийные окопы у Смольного.

Баррикада у Триумфальных ворот у Московской заставы.

России означает первую попытку выйти рабочим умом, рабочими усилиями из всех ужасов войны и капитализма. Вы, товарищи, действовали на международный пролетариат в тысячу раз больше, чем все наши декреты, чем вся наша агитация, чем все брошюры, которые мы провозили нелегально и распространяли по всей Европе. Ибо брошюра—это слово, а тут в Петрограде рабочие всего мира видели тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч рабочих, сражавшихся за дело коммунизма и доказывавших своею кровью, что это дело им дорого, что это не дело маленькой кучки вождей, а их кровное, собственное дело, что вы готовы вынести голод, холод и идти на бой за это дело.

Петроград сделался путеводной звездой для рабочих всего мира, и когда в одном заграничном издании появилось письмо вождя меньшевиков Мартова, который пренебрежительно говорил об известиях Советской Росты, будто бы ежедневно рассказывающей, чтобы подстрекать рабочих, небылицы о революции в Европе,—мы смеялись. Мы смеялись потому, что эта революция действительно происходит во всем мире, и двигателем в этой борьбе является именно Советская Россия, о которой меньшевики говорят, что там какой-то азиатский социализм, что-то невиданное, совершенно не похожее на картину, о которой я упоминал, картину, изображающую социализм, как праздник, на котором старики и женщины и дети, взявшись за руки, танцуют вокруг дерева свободы.

Товарищи, в самых далеких уголках мира, даже в Австралии, о которой многие из петроградских рабочих мало знают; в Южной Африке рабочие захватывают города и устраивают коммуны по примеру петроградской. В Австралии шли упорные бои с углекопами, которые захватили ряд городов и пытались устроить жизнь так, как мы здесь. В Канаде, капиталистической, развитой стране, рабочие в продолжение недель занимали города и пытались устроить в них свою рабочую власть. Везде, где есть рабочее дело, известия о том, как живет рабочий Петрограда, играют большую роль. Само собой понятно, что всякая попытка устроить в каких-то маленьких уголках рабочую власть, прежде чем будет скинута власть капиталистов, должна кончиться крахом. Но существование этих попыток доказывает, как проникают через решетки капиталистических газет, через весь карантин, который устраивает международный капитал, известия о нашей борьбе, как она действует на рабочих мира.

Когда я был в Университете имени тов. Зиновьева, меня спрашивали: солидарны ли рабочие Германии с Советской Россией? Я могу сказать с глубочайшим убеждением, ссылаясь на всю рабочую прессу всего мира, что нет ничего более дорогого рабочему классу всего мира, авангарду рабочего класса, как наша окровавленная нищая Советская Россия. Товарищи, если вы следите за тем, что происходит в Западной Европе, вы узнаете, что партии, которые еще в прошлом году, как германская партия независимцев, стояли за лже-социал-демократию, за совместную работу с шейдемановцами, эти партии принуждены были своими рабочими идти навстречу нам, принять нашу программу, встать на защиту Советской России. В Италии громадная партия итальянского пролетариата, славная социалистическая итальянская партия, которая стояла на боевом посту в течение всей войны, не опуская знамени социализма перед Молохом капиталистической войны,—эта партия, когда она должна была на основании закона обзавестись для выборов партийной эмблемой, она выбрала наш государственный герб—серп с молотом. (Аплодисменты).

Во Франции партия французских социалистов, состоящая в одной части из предателей социализма, но в главной массе из людей, шатающихся между революцией и контр-революцией, людей нерешительных, эта партия, вожаки которой пропитаны духом оппортунизма, под давлением масс с низов, под давлением горячих симпатий рабочих масс к Советской России, пошла в выборную кампанию под знаменем защиты Советской России и против вторжения французского и английского капитала в Россию. В Англии оппортунистическая ежедневная социалистическая газета «Дэйли Кроникль», массовая газета, распространяющаяся в полумиллионе экземпляров и которая завтра могла бы разойтись в количестве полуторамиллиона экземпляров (к сожалению, в стране свободы печати типографиями, владеет капитализм, а не рабочие),—эта газета принуждена была, под давлением рабочих масс и глубокой любви их к Советской России, пролетарскому Петрограду—встать на защиту Советской России. И она вела эту защиту так, как мы не в состоянии были бы вести ее, если бы даже Советское правительство послало в Лондон 100 агентов и большие запасы золота. К этому привела не наша агитация и пропаганда, а привели к этому вы, привела к этому трудовая рабоче-крестьянская Россия, привела тем, что она на деле сражается за коммунизм, что она

проливает свою кровь за коммунизм и этим доказывает, что творимое здесь нами—не затея нескольких теоретиков, как это утверждают английские, французские и американские газеты, изображающие Ленина, Зиновьева и Троцкого какими-то полу-бандитами, полу-пророками, выдумавшими коммунистический строй и насильно навязывающими этот строй рабочим массам. Рабочие массы на Западе поняли, что из вашей нужды, из нищеты России, из вашего тяжелого положения вы не видите другого выхода, как взять власть строить новую жизнь по своему, что вы должны искать выхода не при помощи ума господ капиталистов, направленного к тому, чтобы обдирать рабочих, а при помощи ума рабочего класса, ума, который с каждым днем усиливается, учится на практике, на опыте и приведет к тому, что наша самая отсталая страна даст пример рабочим всех стран, научит их, как выйти из положения, в которое бросила их четырехлетняя преступная, капиталистическая война, из того положения, при котором в цивилизованных городах Европы рабочие ищут в помойных ямах чего-нибудь съестного и находят кусочки мяса, которое оказывается человеческим мясом, и продают это мясо на рынке, как это было в Вене. Из этой «цивиливации», из этого неслыханного варварства, в которое бросил капиталистический мир Европу, из этого положения вы нашли выход. Этот выход—диктатура рабочего класса, его труд, его дисциплина, его организация. И то, что вы этим путем идете в продолжение двух лет, несмотря на то, что справа и слева вас окружают препятствия, что вы очищаете дорогу с оружием в руках и теперь очистите эту дорогу при помощи трудовой армии с молотом в руках,— этот пример является великим двигателем международной революции.

Товарищи, вы здесь проливали кровь не только для того, чтобы спасти рабочих Петрограда от кровавой расправы Юденича, чтобы спасти детей ваших от голода, от неслыханных ужасов, которые несет с собою белая диктатура, белый террор, вы защищали Петроград не только как дорогой глаз Советской России в Европу,—вы защищали Петроград, как центр мировой революции, как первый город героической борьбы рабочего класса. Если бы пал Петроград, само собой понятно, что этим не была бы окончена наша борьба. Даже если бы Деникину удалось взять Москву, рабочая Россия, Советское правительство не сложило бы оружия; разбитые, брошенные о-земь, мы стали бы

на новую борьбу, но все же падение Петрограда было бы ударом для европейских рабочих. У многих тысяч рабочих явилась бы мысль, в их сердца вкралось бы сомнение, сумеем ли мы удержать власть, и стоит ли идти на те громадные жертвы, которые принес на алтарь освобождения русский рабочий класс в целом, и петроградский пролетариат в особенности. Спасение Петрограда от белого террора было для рабочих всего мира залогом несокрушимой силы молодого русского рабочего класса.

Когда было отбито наступление Юденича, когда вы, не щадя новых сил и жертв, бросились вслед за Юденичем, чтобы добить его армию окончательно, чтобы не было больше угрозы для Советской России с Северо-Западного фронта,—у рабочих всего мира зародилась новая вера в сердце, что миновало самое тяжелое время, что рабочий класс России, разбив своих внешних врагов, разбив Колчаков и Юденичей, разбив Деникиных, возьмется своими сильными руками, которые в продолжение двух лет справлялись с миллионами трудностей,—за громадную работу добывания топлива, за громадную работу подвоза хлеба и сырья, за восстановление фабрик, заводов, за развитие здесь новой кипучей жизни, которая будет жизнью коммунистической.

Я приветствую вас, товарищи, еще раз от имени всех коммунистических партий, с которыми мне даже в тюрьме пришлось иметь сношения, которые всегда спрашивали меня о вас, о вашем положении. Я приветствую вас, глубоко убежденный, что придет время, когда в этом зале соберется уже не маленькая кучка представителей нелегальных коммунистических партий, как это было на первом съезде Коммунистического Интернационала, а сюда приедут массы представителей великих рабочих организаций,—советских республик. И когда они сумеют собраться здесь, в этом зале, а соберутся они именно здесь, а не в другом каком-либо месте, то живой Коммунистический Интернационал скажет вам то, что я сказал уже во вступительной части моей речи. Он скажет вам, что вы своей грудью пробили дорогу для международного рабочего класса. И когда будет существовать грозный Рабочий Интернационал, который свергнет величайшее зло мира,—убьет нищету, то в первую очередь заслуга будет на стороне стойкого, героического петроградского пролетариата!

К. Радек.

Часть третья

„ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ“ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Чтобы дать читателям объективное представление о социальном происхождении и моральной ценности той политической банды, которую разбойники Антанты натравили на Петроград, мы даем здесь статью, помещенную в белогвардейской газете Бурцева «La Cause commune». Как видно из примечания редакции газеты, статья представляет официальный доклад главных участников той подлой авантюры, которую даже гнусная газета Бурцева озаглавила «дипломатический шантаж». Документ так красноречив, что мы от дальнейших комментариев воздерживаемся.

Редакция сборника.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ.

Как известно, при штабе генерала Юденича, находившегося во главе антибольшевистских военных сил, состоялось политическая конференция. Между этой конференцией, генералом и Эстонией, участвовавшей в военных операциях, состоялось соглашение, гарантировавшее признание независимости Эстонии.

8-го августа Лианозов по телефону уведомил важнейших членов этой конференции, что, в виду ухудшения русско-эстонских отношений, их присутствие необходимо в Ревеле.

По прибытии в Ревель, члены конференции были приняты английским офицером, сообщившим им, что их желает видеть генерал Марш; автомобиль их немедленно доставил в английское консульство.

Генерал Марш, окруженный членами великобританской и представителями французской и американской миссий, принял вновь прибывших в зале консульства.

Из русских присутствовали: полковник *К. А. Крузенштерн*, *К. А. Александров*, *Маргулиес*, *Филиппео*, *Лианозов* и двое лиц, оказавшихся

впоследствии *Горном* и *Ивановым*. В зале находились кроме того Поллок, корреспондент «Таймса», и кавалерийский капитан Барш, секретарь секции иностранных дел при главном штабе северо-западной армии.

Пригласив присутствующих занять места, генерал Марш на русском языке обратился к русским с заявлением, которое по существу сводилось к следующему:

Положение северо-западной армии весьма тяжелое; ей невозможно продолжать операции против Петрограда, если она не будет действовать совместно с эстонцами. Эстонцы за совместное выступление требуют предварительного признания независимости Эстонии, чтобы дать своей армии определенный лозунг, за который солдаты будут проливать свою кровь. В России нет организованного правительства, которое пользовалось бы полным авторитетом и с которым эстонцы могли бы вести переговоры о признании независимости Эстонии. Русские ни в чем не могут сойтись между собою; русские только разговаривают и спорят. Довольно слов, пора действовать.

Здесь присутствуют,—продолжал генерал Марш,—выдающиеся русские деятели, решившие действовать сообща, несмотря на различие партий и политических взглядов.

Далее, по словам авторов вышеуказанного сообщения, *генерал Марш предложил русским образовать тут же, не выходя из залы, демократическое правительство, которое должно было в тот же день заключить договор с эстонским правительством.*

Он прочел текст договора и присовокупил в заключение:

— *Если правительство не будет организовано к 7 часам, союзники лишат вас, русских, всякой помощи.*

Буквально:

Мы вас бросаем на произвол судьбы.

Затем генерал Марш передал Суворову текст договора, который он предлагал русским заключить с эстонцами, а также список лиц, долженствовавших по его мнению войти в состав правительства Северо-Западной области.

Текст договора гласил:

1. Русское правительство Северо-Западной области, в состав коей входят прежние губернии Петроградская, Псковская и Новгородская, признало полную независимость Эстонии.

2. Эстонское правительство обязуется немедленно поддержать русские вооруженные силы Северо-Западной области с тем, чтобы освободить от большевистского ига губернии Петроградскую, Псковскую и Новгородскую и учредить в Петрограде демократическое правительство, которое уважало бы права человека, а именно: жизнь, свободу и имущество личности.

3. Военное командование союзническими силами поручено генералу Юденичу и генералу Лайдонеру, при посредстве коих военная миссия союзников снабжала и будет снабжать и впредь армию снаряжением, необходимым для достижения выше-намеченных целей.

По вручении этого текста генерал Марш удалился в сопровождении представителей английской, французской и американской миссий, заявив, что вернется за ответом в 7 часов. *Он вернулся уже в шесть часов двадцать минут.*

Угроза генерала Марша лишить армию помощи союзников равнялась для присутствовавших русских деятелей отказу от надежды освободить Петроград и именно в момент прибытия из Англии двух судов с снарядами и экипировкой. К тому же не согласиться на предложение генерала Марша значило вызвать окончательный распад армии, нуждавшейся в платье и обуви.

При таких условиях *единогласный* ответ генералу Маршу был формулирован много раньше назначенного им срока. Суворову было поручено вручить этот ответ генералу Маршу, окруженному представителями союзнических миссий.

Суворов заявил, что все приглашенные генералом Маршем лица *обязуются* образовать в кратчайший срок правительство и до образования такового принимают на себя ответственность за ведение всех русских дел, но в то же время *просят, чтоб им оставили право изу-*

чить предъявленный им список министров как в смысле оценки отдельных личностей, так и в смысле распределения портфелей. Кроме того им *было бы желательно получить право поставить в известность главнокомандующего генерала Юденича* о ходе событий и воздержаться до его прибытия от окончательных решений по вопросу о создании правительственной власти и назначении членов правительства.

Генерал Марш, повидимому, остался удовлетворенным нашим ответом. Однако он нам заявил, что *необходимо абсолютно немедленно назначить трех лиц, облеченных полномочием подписать* предложенный договор с представителями эстонского правительства, которые уже приглашены и могут придти с минуты на минуту.

С своей стороны генерал Марш нам предлагал предоставить эти полномочия трем лицам, стоящим во главе *составленного им* списка, а именно *Лианозову*, *Суворову* и *Крузенштерну*.

Это предложение не встретило никакого возражения с нашей стороны, но мы подчеркнули, что означенным лицам доверяется лишь определенное полномочие, а именно подписать договор, не затрагивая этим вопроса о назначении на министерские посты правительства, которое еще надлежит образовать. Затем генерал Марш поставил свое предложение на голосование путем поднятия рук: оно было принято *единогласно*.

Через несколько минут представители эстонского правительства действительно прибыли. Но подписание договора не могло состояться, так как они объявили, что не облечены полномочиями со стороны Государственного Совета, который должен был собраться лишь на следующий день. В виду этого генерал Марш отложил подписание договора на следующий день 11 августа, 6 часов вечера.

* *
*

Генерал Юденич не мог 11 августа приехать во-время к часу, назначенному генералом Маршем для подписания договора. Но по просьбе генерала Юденича Суворову было сообщено по прямому проводу, что, в виду порчи железнодорожного пути, генерал может прибыть лишь ночью и что он в качестве лидера русского дела в Северо-Западной области, просит передать генералу Маршу, что окончательное решение должно быть принято лишь в его присутствии.

Это желание не было уважено.

11 августа, в назначенный час русские деятели, за исключением А. В. Карташова, который решил не входить в состав правительства, и потому отказался присутствовать, сошлись в английском консульстве, вслед за ними прибыли представители союзных миссий.

Генерал Марш, не объявляя заседание открытым, предложил присутствующим пройти в соседнюю комнату, куда вскоре направился и сам, в сопровождении Лианозова. Там Лианозову было предложено без предварительного ознакомления подписать «декларацию эстонскому правительству и представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле», под этим текстом было напечатано—премьер-министр, министр финансов и т. д., затем шел список шестнадцати министров, а внизу листа: «Вполне согласен со всем вышеизложенным. Генерал, главнокомандующий русской северо-западной армией». На отказ Лианозова подписать не прочитанную им «декларацию» генерал Марш заметил, что русские умеют только говорить и спорить, и поэтому он желает получить первую подпись от Лианозова, а затем намеревается пригласить в эту самую комнату для той же цели в отдельности и по очереди всех остальных приглашенных им лиц. На замечание, что для подлинности «декларации» необходима подпись генерала Юденича, которого в настоящий момент нет в Ревеле и который может отказаться дать свою подпись, генерал Марш ответил, что в случае, *если генерал Юденич откажется подписать «декларацию», у нас имеется под рукой другой главнокомандующий.*

Однако Лианозов настоял на том, чтобы не только прочесть «декларацию» до приложения своей подписи, но и ознакомить с ее содержанием лиц, ожидавших в соседней комнате. Вот текст этой декларации:

Эстонскому правительству, представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании.

В виду необходимости образования в Северо-Западной области России демократического правительства, с которым эстонское правительство согласно вести переговоры с целью оказать помощь русской армии в деле освобождения от большевистской тирании Петроградской, Псковской и Новгородской губерний и созыва в

Петрограде или временно во Пскове Учредительного Собрания, которое утвердит или отметит, выражаясь юридическими терминами, наши назначения на посты министров,—каковые назначения нам навязаны обстоятельствами, от нас независящими,—мы, нижеподписавшиеся, объявляем этим актом, что правительство Северо-Западной области России сложилось, как показано ниже.

В интересах нашей страны первым правительственным актом мы признаем полную независимость Эстонии и просим представителей Соединенных Штатов, Франции и Великобритании ходатайствовать перед их правительствами, равным образом, о признании независимости Эстонии.

Вторым актом мы признаем генерала Юденича главнокомандующим северо-западной армии и просим его немедленно начать переговоры с главнокомандующим эстонской армией о тех военных деталях распоряжений, которые обеспечат фактическую помощь эстонских войск.

Следуют подписи семнадцати министров.

Август 1919—Ревель.

Беглый взгляд на текст «декларации» убеждает нас, что он был несостоятелен, как по содержанию, так и по изложению, и, даже при условиях необходимости, он не мог быть подписан уважающими себя людьми, а тем паче быть врученным эстонскому правительству и союзным миссиям.

После совещаний с Лианозовым генерал Марш пошел на уступки, но все же потребовал, чтобы «декларация» была подписана незамедлительно. Он согласился лишь предпослать слову «Декларация»—слово «предварительная» при условии, чтобы все подписавшие ее представили новый текст на следующий же день. В виде утешения генерал присовокупил:—*этот документ остается в нашем кармане.*

«Предварительная декларация» была подписана «министрами» Лианозовым, Маргулиесом, Александровым, Филиппео, Ивановым и Горном.

Правда, вышеназванные лица подписали декларацию еще до распределения портфелей, но, во всяком случае, в данный момент находились лица, которые, *по требованию генерала Марша*, приняли звание министров; иначе говоря, возникновение правительства Северо-Западной области было совершившимся фактом. Генерал Марш поспешил устранить всякие по этому предмету сомнения и тотчас после подписи «декларации» поздравил в лице присутствующих вновь сформированную власть.

Вместе с тем генерал Марш принес свои извинения за свой образ действий, говоря, что в качестве солдата он привык действовать решительно, не заботясь слишком о форме. На предложенный ему позже вопрос генерал Марш ответил, что он читал телеграмму Юденича. «Но, — присовокупил он,—*телеграмма была слишком авторитарна по тону*,— *не в моем вкусе*».

* * *

В этом случае генерал Марш, как известно, поступал с полного согласия своего начальника, генерала Гуфа, который с своей стороны в другом месте старался достигнуть тех же самых результатов. 7-го августа этот генерал имел продолжительную беседу с генералом Юденичем в Нарве. В согласии с генералом Гуфом генерал Юденич написал генералу Лайдонеру о своей готовности признать независимость Эстонии при условии, чтобы эстонские войска немедленно приняли участие в операциях против Петрограда. В частной беседе генерал Юденич не скрыл, что признание независимости Эстонии считает актом насилия и квалифицировал в достойных выражениях эстонские требования. При передаче письма генерал Гуф вручил одновременно и меморандум, в котором повторил подлинные слова генерала Юденича.

Результаты меморандума не заставили себя долго ждать. Действительно, на другой день вместо вышеприведенного документа «министрам» «демократического» правительства Северо-Западной области был предложен текст, не заключавший никаких гарантий для русских интересов, содержащий признание независимости Эстонии, просьбу, обращенную к представителям союзных держав о ходатайстве перед их правительствами о признании полной независимости Эстонии, признание генерала Юденича главнокомандующим и просьбу к тому же генералу Юденичу о начатии переговоров с главнокомандующим эстонской армии.

Из этого документа явствовало, что немедленная вооруженная помощь Эстонии отошла на второй план, а на первом очутилась так-называемая инициатива русского народа, от имени которого говорили Лианозов, Горн, Маргулиес, Александров, Филиппео и Иванов в пользу международного признания независимости Эстонии. Таким образом была порвана связь между признанием Эстонии и помощью со стороны эстонской армии.

В результате: две недели спустя Псков пал.

Несколько дней спустя, 31 августа, эстонский министр иностранных дел сказал, что слухи о наступлении эстонцев на Петроград ни на чем не основаны; так как, говорил он, «мы слишком слабы для участия в подобной авантюре». 2-го сентября тот же министр вступил с большевиками в мирные переговоры, а 12 сентября эстонское учредительное собрание образовало особую комиссию для заключения мира и выразило желание «сделать все необходимое для заключения мира».

А вскоре состоялся и этот мир.

КАМПАНИЯ ЛЖИ.

В то время, когда Петроградский пролетариат с небывалым на земле героизмом отстаивал столицу мировой революции, европейская и американская буржуазная пресса разносила по всему свету самые глупые и самые лживые слухи.

Мы сочли нелишним дать русским рабочим несколько взятых наугад выдержек из английских газет о ходе военных операций на Петроградском фронте и об отношении к нам Антанты и ее лакеев, Эстонии и Финляндии.

Редакция сборника

«Дейли Кроникль», 13 окт.

1.

Вблизи Москвы и Петрограда. Большевики в панике и готовятся бежать из своей столицы.

Генерал Юденич (сев. зап. вождь русских), согласно телеграмме из Гельсингфорса, заявляет, что взятие Петрограда его войсками будет делом только двух или трех недель, не более. Он ожидает сопротивления только в Гатчине.

Париж, вторник 14 окт.

2.

«Журналу»—сообщают из Берлина, что здесь получено радио, извещающее об эвакуации Москвы.

«Дейли Кроникль» 15 окт.

3.

Обе русские столицы в опасности. Юденич и Деникин подходят к Петрограду и Москве. Орел пал; очередь за Гатчиной.

Все три начальника России быстро продвигаются вперед по пятам отступающих большевиков.

Генерал Юденич, во главе русской сев.-западной армии, наступает на Гатчину, которая расположена у Петрограда, в тридцати милях к югу от этой столицы.

Генерал Деникин с южной армией, состоящей из русских и казаков, после победоносного наступления взял Орел, в двухстах милях к югу от Москвы, и угрожает Туле, последней большой твердыни между его фронтом и Красной столицей.

Адмирал Колчак, глава Омского Правительства и Сибирской армии, в Тобольске; большевики отступают перед ним по всему фронту.

Неописуемая паника господствует в Советской армии, и красногвардейцы переходят к белым в постоянно растущем числе.

Стокгольм, среда.

4.

Поезд Ленина взят. 2.000 пленных и большая добыча.

Следующее сообщение издано главным штабом генерала Юденича:

«Войска сев. зап. армии заняли Балтийскую жел. дор. Веймарн—Вруда—Волосово и начали решительные операции против Гатчины.

2.000 пленных, 4 орудия, 30 пулеметов, 4 поезда, груженных хлебом и другими припасами, и бронированный поезд, известный под именем поезда Ленина, захвачен.

Наши войска начали другое наступление к северу с целью попытаться вогнать большевиков в Балтийское море. В направлении Луги уничтожена бригада большевиков. Наступление продолжается. (Рейтер).

«Дейли Кроникль», 16 окт.

5.

Послание от Юденича. Уверенность в победе. Бешеная борьба близ Царского Села.

Генерал Юденич полон уверенности и известил нашего Гельсингфорсского корреспондента, что он будет в Петрограде через 2 недели. В субботу (11/X) его передовые войска были в 14 милях от этого города. Взяв обратно Царское Село и Павловск, большевики пытались расширить свой успех, но были встречены контр-атакой, и генерал Юденич снова под Павловском.

К юго-востоку от города армия Юденича снова подошла к Московской жел. дор., где большевики, получив подкрепление тяжелой

артиллерией, по слухам, начали наступление, чтобы спасти свою коммуникационную линию.

Наш Гельсингфоргский корреспондент сообщает о прибытии британского миноносца «Эреб», с двумя 15-ти-дюймовыми орудиями. С его помощью надеются заставить молчать крепость Красной Горки и таким образом помочь очистить морскую дорогу на Петроград.

Гельсингфорс, 26 окт.

6.

Несмотря на известия о том, что Царское Село было обратно взято большевиками, оптимизм генерала Юденича не падает Он пишет мне сегодня, что он будет в Петрограде в течение ближайших 2-х недель.

27 окт.

7.

Взято 12.000 пленных.

Пленные, взятые белыми в последние дни, так многочисленны, что нет возможности снабдить их продовольствием. 12.000 человек вместе с их офицерами были взяты сразу под Гатчиной. Из них 4.000 были приняты в белую армию, а остальные посланы на работу в тыл. Только 27 из красных комиссаров были расстреляны.

Троцкий и Зиновьев объявляют, что Петроград превращен в целый ряд укрепленных позиций, комиссар Авров назначен начальником Петроградской обороны. Говорят, что сделаны тщательные приготовления для борьбы на улицах, даже женщины вооружены. Троцкий утверждает, что в городе в его распоряжении 20.000 коммунистов. Офицер, вернувшийся из Петрограда, сообщает о частых расстрелах «буржуев». Женщин и девушек заставляют рыть окопы и строить баррикады, а когда они падают от истощения, их расстреливают. Между тем, как красная армия хорошо снабжена продовольствием, гражданские жители Петрограда голодают.

Большевистское наступление на Петроградском фронте развивается. Красные доставили тяжелую артиллерию в Тосно и развивают орудийную пальбу по большому фронту.

Красные приписывают успешность своей контр-атаки против Юденича своим танкам. Не выяснено, являются ли эти большевистские танки, из которых, как говорят, 4 уже действуют, а 4 еще строятся, старыми итальянскими броневыми автомобилями, на которых раньше везли понтоны и пулеметы, или являются настоящими танками, доставленными через Двинск *немцами*.

«Таймс», 27 окт.

8.

Британский миноносец действует.

Из Нарвы сообщают, что британский миноносец монитор «Эреб» бомбардировал Красную Горку в субботу, причем крепость сильно пострадала.

В Бьерке (британская морская база на северном берегу Финского залива) мне сообщали на прошлой неделе, что «Эреб» должен прибыть туда в пятницу. *Хотя британский флот работал в сотрудничестве с эстонскими морскими военными силами, которые, под командой адмирала Питки, действовали к востоку от Копорской бухты, вдоль морского берега, поддержка нашего флота не имела решающего результата благодаря весьма тяжелому металлу фортов Красной Горки и Серой Лошади.* «Эреб» однако везет (об этом адмирал Коуан давно просил) 2 пятнадцати дюймовых-орудия, которыми он вполне может разрушить эти форты, и есть надежда, что они будут скоро взяты.

Это даст возможность смести мины, защищающие Кронштадт.

«Таймс», 29 окт.

9.

Белые налетчики на севере от Петрограда.

Выборг, 28 окт.

Полковник Эльвенгрен занял Токсово в 17-ти верстах к северо-северо-востоку от Петрограда. Однако, сомнительно, сможет ли набег Эльвенгрена привести к каким-либо решительным результатам без официальной поддержки со стороны финнов.

В телеграмме от 21-го октября наш Гельсингфорсский корреспондент сообщал, что полковник Эльвенгрен, начальник белогвардейцев, перешел из Финляндии в Россию с небольшим отрядом ингерманландцев.

Копенгаген, 28 окт.

10.

Бои за Гатчину.

Подробности военного положения смутны, но, повидимому, после потери Красного Села белые отступили к возвышенности в четырех верстах к западу от Красного, где, по слухам, происходит ожесточенный бой.

Большевистский гарнизон в Красной Горке (против Кронштадта), по сообщениям, получил подкрепления.

«Таймс», 30 окт.

11.

Британский миноносец действует. Юденич снова наступает. Решительный бой.

Гельсингфорс, 29 окт.

Когда вопрос о соединенных морских и военных операциях против Красной Горки—крепости, расположенной против Кронштадта на южном побережии Финского залива—был решен в положительном смысле, британский миноносец «Эреб» открыл в понедельник бомбардировку из своих 15-ти-дюймовых пушек.

Погода стояла пасмурная, и воспользоваться для разведки аэропланами было нельзя, так что «Эребу» пришлось стрелять, руководствуясь картой. Бомбардировка продолжалась вчера, гром пушек разносился по заливу. Красная Горка отвечала из 12-ти-дюймовых пушек, целилась метко, и хотя не причинила пробоин, но вынудила «Эреб» переменить положение. Много беспокойства причинил большевистский воздушный шар, наполненный, повидимому, невоспламеняющимся газом, потому что, хотя наши летчики неоднократно попадали в него, он все же продолжал работать.

Во время воздушного обстрела Красной Горки, предшествовавшего этой атаке, были сброшены 140 двадцати-фунтовых и 40 65-ти или ста-фунтовых бомб, причинивших серьезные повреждения и разрушив-

ших два барака. Воздушная оборона Красной Горки и Кронштадта свидетельствует о том, что в распоряжении большевиков имеются германские пушки, гранаты и артиллеристы.

На происходящую в настоящее время атаку возлагается много надежд, и она может оказать решающее влияние на борьбу. Одно авторитетное военное лицо, взгляды которого заслуживают внимания, говорит:

«Если бы генерал Юденич последовал советам союзников и сделал Красную Горку своей главной целью, положение его было бы обеспечено уже теперь. Но вместо того, чтоб двигаться вдоль побережья, «стоя одной ногой на суше, а другой на море, что было секретом его успеха при Трабизонде», он предоставил операции под Красной Горкой слабым эстонским частям, а в то же время совместному действию различных родов оружия помешало противодействие со стороны русского морского штаба, который соперничал с эстонцами. Кроме того, раздробление армии на отряды, действующие самостоятельно и без надлежащей согласованности, опасным образом ослабило боевые силы Юденича. Один такой отряд фактически затерялся, и об нем не было известий в течение нескольких дней».

Сегодня в два часа утра русский штаб донес о том, что ожесточенный бой завязался на Петроградском фронте. Генерал Юденич повел наступление на линии, прикрывающей Гатчину. В одной деревне он взял 100 пленных и восемь пулеметов. В другой деревне красные атаковали при помощи двух броневиков и трех бронированных поездов, но были, с большими потерями, отогнаны назад. Левый фланг армии продвинулся вперед и взял 300 пленных. В позднейшем сообщении говорится, что армия генерала Юденича ведет успешное наступление к западу от Красного Села. Она продвинулась на три версты к Красному Селу и захватила 1.500 коммунистов с комиссаром во главе.

Эстонское сообщение гласит: «жестокий бой происходит между Царским Селом и Гатчиной. Армия Юденича взяла в плен батальон красных в 500 человек».

По моим сведениям, в первые моменты наступления авангард русских захватил в плен личный штаб Троцкого. Штаб состоял из двух высокопоставленных офицеров и четырех комиссаров-евреев. Сам Троцкий едва спасся, бежав под огнем в автомобиле. Русский командующий

обещал георгиевский крест тому, кто убьет Троцкого, но разгорячившиеся солдаты промахнулись.

Отряд танков продолжает приобретать блестящую репутацию; по-видимому, считается невозможным сделать шаг без его помощи. Требования на танки простираются до таких пределов, что обслуживающие их люди почти лишены необходимого отдыха. Замечательный подвиг совершил полковник Карсон со своим отрядом, переправившийся через реку Лугу, что считалось невозможным. Полковник Карсон награжден орденом Св. Анны.

12.

Оборонительные планы красных.

Непосредственные сведения из Петрограда говорят о том, что большевики устроили две системы внутренних укреплений; внутренняя опирается на центральные пункты города, каковы Морской кадетский корпус, Биржа, Петропавловская крепость, Дворец в. к. Николая Николаевича и Военно-Медицинская академия; на оборону ее назначено 6 400 солдат, 22 полевых орудия и 82 пулемета. Внешняя цепь укреплений охватывает вокзалы главнейших пригородных дорог, где расставлены четыре зенитных батареи и 4-х-дюймовые морские пушки, а также воздвигнуты обширные проволочные заграждения. Через Неву построены понтонные мосты. Красные предполагают в случае необходимости отступить на восток, по направлению к Шлиссельбургу и Новой Ладоге, взорвав за собой мосты, которые минированы и строго охраняются. Улицы Петрограда пусты, жители боятся, что их схватят и отправят на окопные работы. Улицы ярко освещены, трамваи ходят днем и ночью по военным надобностям. Это возможно благодаря недавно прибывшей с Урала партии угля в количестве 125.000 тонн, гражданское население голодает; хлеб стоит 250 рублей фунт, масло 1.000, а яблоки—200 рублей штука.

Есть основания думать, что германские торговые представители усердно готовятся к захвату Торговой Палаты, образованной с разрешения генерала Юденича, согласно плану русских дельцов в Выборге. Мне известно, что предварительные заседания германских агентов уже состоялись с этой целью в Москве и Петрограде.

Военное и правительственное имущество, ранее принадлежавшее русскому правительству, отнятое финнами у «красных» после подавления революции и оцениваемое в 17 миллиардов рублей, должно остаться собственностью Финляндии без всяких компенсаций.

В случае взятия Петрограда финляндская армия оккупирует город в качестве агента русского правительства и передаст его русским, когда они достаточно для того окрепнут. После этого финляндцы отойдут на правый берег Невы и оккупируют финляндскую железную дорогу до окончания военных действий.

Россия принимает на себя расходы по оккупации Петрограда финляндцами.

Представитель от русской группы телеграфировал Сазонову, находящемуся в Париже, указывая ему на необходимость добиться помощи Финляндии. Это подкрепляет личное обращение генерала Юденича к Сазонову.

Генерал Лайдонер, из эстонской армии, публично заявляет, что, если бы русские признали самостоятельность Эстонии, эстонская армия приняла бы участие в наступлении на Петроград, которое, вероятно, оказалось бы успешным.

Предполагают, что будет образовано коалиционное правительство, состоящее из всех партий, кроме социалистов, на основе прогрессивной политики. Пока же все находится в неопределенности, в ожидании ответа Сазонова.

Генерал Этьеван, глава французской миссии, в речи, произнесенной на завтраке, данном Северо-Западным российским правительством представителям финляндской прессы, сказал, что он работал рука об руку с Северо-Западным правительством для взятия Петрограда в интересах цивилизации и, следовательно, косвенно в интересах Финляндии, ибо весь мир выиграет от свержения большевиков.

13. *Бьерке, 30 окт.*

Британская помощь Юденичу. Роль морского и воздушного флота.

Эскадра легких крейсеров. *Бьерке, 30-го октября.*

Отсутствие контакта между различными силами, действующими против Петрограда, представляет серьезное препятствие, несомненно являю-

щееся одной из причин неудачи совместных операций. Британская эскадра находится в контакте с эстонцами и ингерманландцами генерала Битка, но последний не имеет связи с русскими, которые, кроме того, не сообщаются непосредственно с британским флотом, хотя все наступление построено на операциях эскадры.

Положение еще может быть исправлено, но необходимо, чтобы русский штаб выказал большую готовность действовать в согласии с своими союзниками. Эстонцы жалуются, что русские офицеры, посылаемые для целей *связи*, носят германские фамилии и проникнуты ярыми антидемократическими взглядами. Опасаются, что это указывает на обострение политического соперничества, которое разжигалось германцами и привело к оставлению Красной Горки в июне. Эта крепость была взята ингерманландцами. Генерал Родзянко разоружил их, и крепость была снова отнята большевиками.

Вчера вечером, около 11 часов, получилось письмо от генерала Битка с извещением, что правый фланг эстонцев продвигается вперед, и с просьбой о поддержке флота на сегодня. Для исполнения этого неожиданного требования, экипажу «Эреба» пришлось работать всю ночь над небольшим ремонтом одной пушки, и сегодня в 8 часов утра судно снялось с якоря, в сопровождении «Отважного» и других судов. Первый выстрел с миноносца был назначен на 11 часов по железнодорожной станции в центре крепости. Для одновременности действия, аэропланы вылетели из Коивисто ровно в 10 часов. Утро стояло прекрасное, но температура в 7 градусов ниже нуля делала работу летчиков крайне тяжелой.

Полагают, что во время бомбардировки в понедельник «Эреб» имел несколько прямых попаданий, но в морских кругах высказываются, что трудно ожидать больших результатов от двух пушек.

Мне удалось получить полный план оборонительных верков Красной Горки. С запада на восток расположены четыре 12-ти-дюймовых пушки в башенках, потом четыре 12-ти-дюймовых пушки без башен; далее батареи из четырех 6-ти дюймовых, четырех 10-ти-дюймовых, четырех 11-ти-дюймовых и четырех 6-ти-дюймовых пушек. Со стороны суши расположены зенитные батареи, полевые пушки и пулеметы и укрепленные пехотные позиции, защищенные электрическими проволоч-

ными заграждениями и замаскированные густым кустарником. Численность гарнизона за последнее время увеличена несколькими тысячами матросов. Коммунистами командует лейтенант Вогак.

На только что сделанном фотографическом снимке видно, что западная шести-дюймовая батарея сильно повреждена воздушными бомбами, но последнее время огонь зенитных орудий был очень метким, и не допускал серьезной бомбардировки из орудий, находившихся в распоряжении наших летчиков.

Донесения наших летчиков заставляют предполагать присутствие в крепости Красная Горка немцев: они отмечают тщательную наводку пушек и хорошее состояние укреплений.

Оборона Кронштадта, по сообщениям, также обставлена хорошо. Вчера замечен был дым из труб «Петропавловска».

Британские воздушные силы, численностью менее эскадры, находятся под командой майора Дональда, известного футболлиста Рюгбай, сами же аппараты доверены непосредственному попечению офицера южно-американской армии, лейтенанта Фэруэстер. Гидропланы помещаются на «Мстительном» и находятся в ведении капитана Грэса, сына знаменитого крикетиста.

14.

Юденич наверстывает потерянное. Прорыв у эстонского фланга замкнут.

«Военный Вестник» сообщает, что, согласно последним донесениям, положение на северо-западе России в полдень 31-го октября представляется в следующем виде:

Армия генерала Юденича вновь заняла часть территории, утраченной в последние дни к юго-западу от Петрограда. Войска его снова отбили Ропшу, в 10-верстах к югу от Петрограда, и взяли 400 пленных, в то же время слева от них эстонцы заняли Новоселье южнее Красного Села. Русские отошли к Детскому, в шести верстах к югу от Красного Села.

Прорыв, образовавшийся между правым крылом эстонцев и левым крылом русских, на юго-запад от Ропши (в семи верстах западнее Красного Села) теперь заполнен, и сообщение между обеими армиями восстановлено.

Сосредоточение большевистских войск продолжается, особенно на участке к юго-западу и к югу от Петрограда. Из Москвы и с южных фронтов прибывают подкрепления. В последних много коммунистических батальонов и отрядов, составленных из курсантов офицерских школ.

«Дейли Ньюс», 3 ноября.

15.

Случаи голодной смерти в Петрограде.

Жуткие сообщения о положении в Петрограде продолжают поступать из шведских источников. Согласно одному сообщению, в один месяц умерло от голода 40.000 человек, а одна русская газета в Копенгагене доходит даже до того, что сообщает о развивающемся среди населения *каннибализме*».

«Дейли Ньюс», 10 ноября.

16.

Юденич заперт.

Красные войска окружают оба его фланга. Положение безнадежно.

Положение северо-западных русских войск генерала Юденича ухудшалось с поразительной быстротой и в настоящее время должно быть признано безнадежным.

Наступление большевиков к северу от района Луго-Псковской железной дороги оказалось успешным. Юденич не только выбит из своей базы в Гдове, но красные войска продвинулись на 13 верст к северу от города и охватывают его правый фланг одновременно с левым, так что почти несомненно, что он будет заперт в прибрежном районе между Нарвской губой и устьем реки Луги. Здесь он или должен будет сдаться, или выдержать ожесточенный бой, рассчитывая на поддержку, которую ему смогут оказать военные суда союзников с моря.

Сообщения по беспроволочному телеграфу из Москвы говорят о том, что в поспешном отступлении он вынужден бросать свои военные склады, и высказывают сенсационное предположение, будто Эстония закрыла перед ним свои границы.

В настоящее время фронт его простирается, повидимому, к северу от Гдова в северо-восточном направлении впереди Ямбурга (проходя верстах в 15-ти к югу от этого города) до Кикерина, на Балтийской

железной дороге) в 35 верстах восточнее Ямбурга. Отсюда он круто загибается назад и тянется в северо-западном направлении до берега у Кернова (в 35 верстах к юго-западу от Петергофа).

На всем протяжении этого фронта большевики оказывают непрестанное давление. Они подвигаются к Ямбургу с юго-запада и юго-востока и, по словам пленных из красных, имеют приказ взять город во что бы то ни стало. Они продвигаются вперед и по побережью и вдоль железной дороги до Гатчины.

Следуют упомянуть, что большевики в Пскове подверглись жестокой бомбардировке со стороны эстонцев, и имеются указания на усиливающееся давление латышей, но, повидимому, не может быть речи о том, чтобы какие-либо операции с этой стороны свидетельствовали о материальной поддержке Юденича.

ЭСТОНЦЫ И ФИННЫ.

Гельсингфорс, 26 окт.

1.

Эстонцы и финны.

«Петроград должен быть взят с двух сторон одновременно,—сказал один опытный финский полковник.—Если Петроград не будет взят в щипцы—наступающие будут вынуждены принять продолжительный бой на улицах, который приведет к взрыву мостов и стрельбе из орудий, установленных в Петропавловской крепости».

Правильность этого взгляда, заранее допущенная самыми компетентными судьями, получила официальное подтверждение, когда генерал Юденич официально обратился за помощью к финскому правительству. Несмотря на личный оптимизм генерала Юденича, тот факт, что русские были отброшены назад на 15 миль, показывает на крайнюю необходимость в этой помощи.

Раз финские приготовления ни для кого не составляют секрета, почти совершенно закончены, и свежая, прекрасно вооруженная, армия может быть быстро брошена на Петроград, может казаться странным, что финны тогда, когда их просят, не спешат сыграть роль Блюхера, когда Юденич находится в положении Веллингтона.

Сведения из авторитетных источников говорят, что финское правительство страстно хочет обеспечить себе свою собственную безопасность, а также хотело бы установить хорошие отношения с русскими на будущее время. Тем не менее, оно не может взять на себя ответственность, пока ему не будут даны финансовые средства, не заключено политическое соглашение, с санкцией союзников.

Существенно важно дать Финляндии деньги на военные издержки. У финнов нет средств на экспедицию и на снабжение своих войск продовольствием на зиму. Далее, финны чувствуют, что они не могут выступить, не зная, чего им ждать от России в будущем. Затем, финны понимают, что даже при этих условиях, в виду неизвестности в будущем, является настоятельной необходимостью получить в качестве гарантии одобрение союзников.

Хотя представитель Юденича, генерал Гулевич (русский начальник штаба в Выборге), обратился к Финляндии с формальным предложением, однако, когда его спросили, какие условия он предлагает, ответил, что полагает, что условия будут выработаны в Париже. Из этого следует, что превосходное соглашение, заключенное в июне между генералом Юденичем и Маннергеймом, считается в настоящее время выброшенным за борт.

Пока эти темные пункты не выяснены, сомнителен какой бы то ни было успех дальнейших переговоров. Я имею основание думать, что главная ошибка лежит на совести русских политических деятелей в Париже, которые в продолжение долгого времени совсем отказывались от сотрудничества Финляндии, и когда они были вынуждены допустить эту возможность, они отказались точно определить стратегические и политические условия.

«Таймс», 29 ноября.

2.

Финляндия и Россия. Цена за помощь Юденичу.

«Париж», 28 окт.

Обсуждая условия вмешательства Финляндии на стороне Юденича, «Temps» отмечает, что они весьма нелегки. Финляндское правительство, говорит газета, не довольствуется требованием, чтобы русские признали самостоятельность Финляндии и гарантировали финансовую поддержку в размере 4.000.000 ф. ст., но желает, кроме того, присоединения к Финляндии территорий, до сих пор принадлежавших России, — именно, область Печенги у Ледовитого океана, прилегающую к норвежской границе у Варангер-фиорда, и далее, к югу, значительную часть русской Карелии до Мурманской железной дороги.

Хотя эти условия, прибавляет «Temps», не были предъявлены официально, они все же были формулированы, и мы полагаем, что они являются основой переговоров. «Temps» утверждает, что Финляндия принимает на себя тяжелую ответственность, торгуясь, таким образом, об условиях вмешательства.

Нам сообщают, что финляндское правительство в течение целой недели обсуждало вопрос о вооруженном выступлении против Петрограда, прежде чем отклонить просьбу генерала Юденича. Причины отказа

были почти исключительно финансового характера, и несомненно, что, если бы союзники решили оказать поддержку в этом отношении, Финляндия решительно вступилась бы за правительство Колчака и Деникина. Ежедневные расходы по активному участию в операциях против Петрограда исчисляются в 7.000.000 финских марок (около ₤ 7.000 по теперешнему курсу). Не подлежит сомнению, что для Финляндии чрезвычайно важно сохранить в будущем добрые отношения с своими могущественными соседями, а решительный отказ от помощи в этот затруднительный момент испортил бы эти отношения. Не исключена возможность, что в Лондоне или в Париже отнесутся сочувственно к предъявляемым Финляндией требованиям гарантий политического характера.

«Таймс», 29 ноября.

3.

Копенгаген, 27 окт.

Судя по телеграмме из Гельсингфорса, финляндцы не только отказались поддержать генерала Юденича, но отказали в помощи также и белым на Мурманском фронте, сильно теснимом красными после ухода англичан.

Генерал Лайдонер, главнокомандующий эстонской армией, в беседе с специальным корреспондентом «Берлинской Газеты», сказал, что очень многое зависит от отношения Финляндии. Что касается до поддержки генерала Юденича эстонцами, то затруднение заключается в том, что адмирал Колчак не признал самостоятельности прибалтийских государств. Поэтому эстонские солдаты из крестьян не видят необходимости сражаться против большевиков, заявляющих о своей готовности признать независимость Эстонии.

Эстонский представитель в Копенгагене, Карл Меннинг, высказывал такое же мнение представителю «Национальной Газеты». По словам Меннинга, единственное возможное разрешение, это — чтобы Антанта признала самостоятельность прибалтийских государств формально, а не только де факто, как в настоящее время, и тем заставила бы русских генералов сделать то же. Тогда, по его мнению, эстонцы поведут энергичную борьбу с большевизмом.

По поводу признания генералом Юденичем независимости прибал-

тийских государств, следует отметить, что хотя это, несомненно, и повлияло бы благоприятно на эстонских крестьян, но адмирал Колчак не считает генерала Юденича представителем самостоятельного правительства, а лишь генералом, состоящим на службе у адмирала Колчака. Поэтому такое признание не считалось бы обязательным для правительства Колчака-Деникина.

«Таймс», 3 ноября.

4.

Предложение Финляндии о вмешательстве. Воззвание Маннергейма. Условия соглашения.

Гельсингфорс, 2 ноября.

Генерал Маннергейм прислал из Парижа письмо финляндскому президенту Стольбергу, в котором говорит, что внимание всего мира сосредоточено на Финляндии, которая, во имя будущего страны и отношений ее с Россией, должна вмешаться и решить судьбу Петрограда.

Премьер-министр Северо-Западного российского правительства Лианозов прибыл в Гельсингфорс для переговоров с правительством Финляндии относительно участия ее войск совместно с войсками генерала Юденича в операциях против Петрограда. Он желает скорейшего заключения союза.

В разговоре Лианозов высказал мнение, что вмешательство Финляндии обеспечит быструю победу, и подчеркнул благодарность, какую русский народ будет испытывать к тем, кто спасет Петроград от ужасов большевизма. Он сказал, что фактически на большевистском фронте сейчас нет русских войск, а только латыши, финны и башкиры, и потому война против большевиков еще более решительно принимает характер войны за национальное освобождение. Китайцев держат в Петрограде, где, по сведениям премьер-министра, подвалы в доме № 2 по Гороховой обшиты резиной и здание превращено в бойню.

Я имею веские причины утверждать, что Финляндия ставит не более тяжелые условия своего участия в Петроградской кампании, чем те, что заключались в соглашении, заключенном между генералами Маннергеймом и Юденичем в июне. Из хорошо осведомленного источника мне известно, что соглашение это содержало следующие главные пункты:

Россия безоговорочно признает самостоятельность Финляндии.

Финляндия получает доступ к незамерзающему морю у Печенги.

В части Карелии, на которую претендует Финляндия, должен быть объявлен плебисцит.

«Дейли Кроникль», 3 ноября.

5.

Обращение России к Финляндии.

Гельсингфорс, пятница.

Степан Лианозов, премьер-министр нового правительства Северо-Западной России, прибыл сюда, в столицу Финляндии, с целью убедить финляндское правительство помочь России, при условии, что и союзники окажут им необходимую поддержку.

Новое Северо-Западное правительство образовалось в Ревеле по инициативе Лианозова, бывшего московского финансиста.

Сегодня я имела беседу с Лианозовым, во время которой он сказал:

«С помощью финляндцев мы могли бы взять Петроград в три дня. В скандинавских газетах постоянно пишут, что для взятия Петрограда надо положить 60.000 человек. Мы могли бы взять Петроград с 5.000 солдат, но если Петроград не будет взят скоро, это будет стоить 700.000 человеческих жизней.

«При дальнейшем промедлении Петроград просто окажется огромным кладбищем к тому времени, когда наши войска войдут в него.

«Финляндия требует от Колчака гарантий своей независимости,— продолжал он,— но мы не можем этого дожидаться. Если бы союзники гарантировали независимость Финляндии, она охотно пришла бы нам на помощь. У нас только нет денег.

«Мы не просим Англию посылать нам солдат. Мы понимаем ваши затруднения, но мы просим вас подать Финляндии надлежащий совет в этот серьезный час и помочь ей деньгами, чтобы она могла оказать нам решительную поддержку.

«Положение на фронте крайне напряженное. Когда мы заняли Гатчину, в 30 верстах от Петрограда, оказалось, что в последние дни население питалось травой. Большевики храбрые и стойкие бойцы. Когда мы продвинулись к Царскому Селу, в пятнадцати верстах от Петрограда, большевики, чтоб отбить его, произвели 18 атак.

«Считается, что на Петроградском фронте находится от 50.000 до 60.000 красных. Я не могу сообщить вам численность белых, но их гораздо меньше. В самом Петрограде 700.000 белых, но они бессильны. Рабочие стали бы сражаться против красных, но они не имеют ни оружия, ни снаряжения.

«В Петрограде целую неделю не было хлеба, и условия жизни там трагичны выше всякого описания. Англия наверное не останется равнодушной к судьбе злосчастного населения Петрограда, умирающего медленной голодной смертью.

«Падение Петрограда—вопрос, касающийся всего мира. Это первое необходимое условие для начала существования новой миролюбивой России. Но нам безусловно необходимо взять Петроград как можно скорее, если мы хотим спасти население его от полного истребления».

Министр торговли Северо-Западного правительства Маргулиес сказал мне сегодня вечером, что Лианозову и ему был оказан чрезвычайно радушный прием.

«Я жду благоприятных результатов,—прибавил он.—Если союзники отнесутся к этому вопросу, как к международному, касающемуся не только Финляндии и России, а всего мира, действие этого на финляндский парламент будет очень серьезно. Если же, с другой стороны, союзники откажутся от какого-либо участия в делах России, то Финляндии будет чрезвычайно трудно—не скажу невозможно—помочь нам. Финляндская армия сможет оказать решительную поддержку через неделю после решения о совместных действиях».

На Маргулиеса возложена забота о пропитании Петрограда немедленно после его занятия белыми. «Я строю свои расчеты на предположении, что в Петрограде имеется миллион людей, которых придется кормить,—сказал он,—но в настоящее время я полагаю, едва ли там найдется больше 700.000, включая и армию.

«У нас большие запасы продовольствия в портах Финского залива — Ревеле, Выборге и Нарве,—главным образом, муки, ветчины, бобов и сгущенного молока. Запасов этих должно хватить по крайней мере на пять или шесть недель.

«Северо-Западное правительство ассигновало 10.000.000 рублей на это дело. Девятьсот тонн продовольствия уже доставлены в Гатчину и

Царское для пропитания детей. Эстония дала 25.000 тонн картофеля— количество, достаточное для прокормления Петрограда в течение шести недель.

«Я только что заключил договор с Финляндией о поставке дров для отопления на два месяца, считая с первого дня занятия Петрограда, и мне обещан долгосрочный кредит. Я уговорился также относительно доставки ламп для освещения улиц и частных домов, так как система электрического освещения сильно повреждена,—и больших количеств дезинфекционных средств. Несколько тысяч тонн угля обещаны мне частными лицами.

«Мы совершенно подготовлены к падению Петрограда и напряженно ожидаем какого-либо благоприятного известия от союзников».

Маргулиес сказал мне, что генерал Юденич уже имеет представителей в Лондоне, и потому правительство не видит надобности отправлять в Англию специальных послов. Но решение нужно безотлагательно, если хотят спасти Петроград от вымирания. «Это вопрос не местный,— закончил Маргулиес с трагическим пафосом,—это вопрос, касающийся всего мира; но, что еще гораздо важнее, это вопрос, касающийся всего человечества. Я не хочу верить, что союзники бросят Петроград на произвол судьбы».

Мария Гаррисон.

6. *«Дейли Ньюс», 3 ноября.*

Посылка миссии союзников в Россию.

Копенгаген, суббота.

Венский корреспондент «Берлинской Газеты» телеграфирует, что бывший чехо-словацкий премьер-министр д-ра Крамарж поехал в Россию, на военном судне Антанты и с полного согласия союзников, с важной политической миссией.

Цель его обеспечить согласованность действий между всеми демократическими элементами в России на основе свержения Советского правительства и воссоединения различных областей в великую Российскую Федеративную Республику.

Телеграмма из Праги здешнему чехо-словацкому агенту подтверждает это сообщение. (Рейтер).

7.

Выступит ли Финляндия?

В связи с приведенным выше сообщением, чрезвычайно интересно положение в Финляндии. Сообщения из Стокгольма и Гельсингфорса говорят о политическом кризисе, вызванном вопросом об активном вмешательстве в русские дела на стороне Юденича. По слухам, генерал Маннергейм отозван, и большое значение придают тайному заседанию финляндского парламента, происходившему в пятницу. Радиотелеграмма из Берлина сообщает, что решение состоялось в пользу вмешательства, и что Финляндии обещаны в виде компенсации Аландские острова; Северо-Западное российское правительство также сделало «широкие обещания».

Глава военной миссии союзников на Балтийском море (генерал Ниссель) и глава британской секции (генерал Тернер) оба ожидаются вскоре в Гельсингфорсе (по сообщению «Helsingin Sanomat», приводимому аг. Рейтера).

---

1. *«Дейли Кроникль», 5 ноября.*

Наши издержки в России.

«Белая Газета», приводя цифры наших расходов в России со дня заключения перемирия до 31 октября, сравнивает их с цифрами, приведенными м-ром Чемберленом. «Белая Газета» в этом своем намерении может быть легко понятой неправильно. Если взять крупные цифры без всяких комментариев, то получится общая сумма в ₤ 79.830.000, к которым следует прибавить около ₤ 15.000.000 обещанной нами субсидии генералу Деникину. Но если вникнуть, каким образом составились эти цифры, то окажется, что созданное этой суммой впечатление совершенно ошибочно.

Около $17^1/_2$ миллионов составляют расходы по Архангельской и Мурманской операциям. Последние, как мы часто подчеркивали, были предприняты, как часть войны против Германии, и имеют очень мало общего с кампанией против большевиков, как таковых. Наша цель в Северной России заключалась исключительно в освобождении наших войск таким способом, чтобы не оставить наших русских помощников в этом районе в трудном положении. Цена, за которую эта трудная цель оказалась успешно выполненной, разумеется, не высока и выказывает в истинном свете дикие утверждения критиков из оппозиции, называвших Северную Россию «бездонной пропастью», поглощающей расходы, и «постоянным дренажем», выкачивающим наши финансы. Затем три с половиной миллиона составляют расходы по содержанию нашей армии на Южном Кавказе, причем ее ценная политическая работа, совершаемая в интересах союзных держав и удостоившаяся всеобщей похвалы, являлась просто завершением войны с Турцией. Далее ₤ 6 350.000 представляют стоимость морских операций на Балтийском и Черном морях, и точно также непосредственно вытекали из окончания Великой Войны; без них народы, живущие по побережьям этих морей, были бы отрезаны от Союзной Европы и отданы во власть полного хаоса.

Действительно крупная статья—это £ 46.935.000, израсходованные на поддержку прибалтийских государств, Юденича, Колчака и Деникина. Большая часть их перешла к Деникину, и £ 29.550.000, или почти две трети общей суммы составляют стоимость товаров, не имеющих рыночного значения — то-есть пушки, гранаты, танки, аэропланы и т. п., которые не могли быть использованы никаким иным образом, причем даже и уничтожение их стоило бы нам довольно дорого. А из будущих—£ 16.000.000, упомянутых выше, не менее двенадцати предназначаются также на такие же «не рыночные» предметы. Кроме того, все отпущенные товары, как рыночные, отпущены их получателям, в качестве займа, который, в случае ныне весьма вероятного конечного поражения большевиков, будет нам возмещен. В этом случае мы не только ничего не потеряем, но, наоборот, получим 41½ миллион путем продажи товаров, которых иначе не могли бы сбыть.

Если нас спросят, что достигнуто такими крупными издержками, то ответ начертан крупными буквами на карте России. Летом 1918 г. Деникин командовал отрядом около 5.000 человек, загнанным в угол Северного Кавказа. Сейчас под его началом армия в 400.000 человек; и две пятых населения Европейской России, включая большинство крупнейших городов, все угольные копии и все наиболее плодородные пространства находятся во власти его правительства.

«Дейли Ньюс», 9 ноября.

2.

Война или мир?

Опубликование изложенных полковником Мэлоном условий мира с Советской Россией представляет явный вызов всякому, кто стремится к восстановлению мира на земле и к воцарению тех идеалов, что будут проповедоваться в ближайший понедельник миллионам слушателей. Мы можем иметь мир или войну с Россией. Цена войны нам известна, и мы отказываемся — совершенно правильно — платить ее. Даже такой неутомимый поддерживатель войн чужих народов, как Черчилль, и тот был вынужден указать своему протеже Деникину, что ему не будет больше посылаться никаких подкреплений за счет британских плательщиков налогов. Предложение субсидировать финляндцев в размере 17 мил-

лионов или подкупить их Аландскими островами, в качестве поощрения для оказания помощи бегущему Юденичу в его наступлении на Петроград, повидимому, оставлено, и Финляндии, по слухам, дано понять, что ни Англия, ни Франция не берут на себя ответственности посоветовать ей начать кампанию против большевиков. Между тем, Колчак, целью которого является запад, эвакуирует Омск и спешно отступает на восток, а Деникин, цель которого север, потерял Чернигов и усердно отступает к югу. Если его судьба такова в то время, когда он еще пользуется английской поддержкой, то что же ожидает его, когда источник субсидий иссякнет?

Вопрос этот интересует Деникина, но он интересует и союзников. Какова наша политика теперь? Мы хотим отнять свою поддержку у Деникина. Мы увели наши войска из северной России. Так что может показаться, что мы отказались от своей доли участия в войне против большевиков. Но наши суда все еще усердно стараются убивать большевиков своим дальнобойным огнем с Балтийского моря, наши летчики время от времени продолжают бомбардировать Кронштадт, а какой-то анонимный британский представитель на Кавказе, по слухам, угрожает танками и пулеметами населению, осмелившемуся возмутиться против Деникинского режима. Что это—мир? Или война? Ответ несомненно будет, что и то и другое в том смысле, что правительство не придерживается никакой политики в отношении России и действует в одной области в одном направлении, а в другой — в противоположном. И в этот момент пустоты и неопределенности кабинета ему намекают — не будем придавать ему большего значения — что Советское правительство готово вступить в переговоры, и вступить на определенных условиях. Оно готово прекратить военные действия, разрешить всем существующим фактическим правительствам России сохранить территории, которыми они в настоящее время обладают, до тех пор, пока плебисцит не решит этого иначе, готово уважать независимость пограничных государств и признать, вместе с другими правительствами, внешние долги России. Взамен оно требует прекращения блокады и восстановления свободных сношений между Россией и остальным миром.

Никто не подумает, что условия, будто бы привезенные полковником Мэлоном, составляют прочную основу для переговоров. Они являются лишь исходной точкой для дальнейших расследований. Но в них есть по крайней мере хоть одно. Они буквально тождественны условиям, привезенными м-ром Буллитом в марте из Москвы. За семь истекших с тех пор месяцев случилось многое. Союзники вели в русских делах двойственную игру, Ллойд-Джордж признавал важность сообщений Буллита и отказывался от них, совет четырех одобрял предложение Нансена и затем хватался за первый случай, чтоб отделаться от него, Великобритания заявляла о своем решении никогда не покидать своего друга Деникина, а затем говорила Деникину, чтоб он не ждал больше никаких подкреплений. Между тем большевики стоят, не уклоняясь ни на волос, на крайне умеренных мирных условиях, предложенных ими семь месяцев тому назад. Мы не поклонники большевизма, ни как теоретической, ни как практической силы, но в данном случае сравнение между союзниками и Советами всецело в пользу последних. Первым действием Парижской конференции в январе этого года было издание внушительного манифеста, возвещавшего, что «в желания или намерения их не входит благоприятствовать или поддерживать какую-либо из организованных групп, соперничающих сейчас за главенство и правление в России». Сила вещей заставляет признать безусловную справедливость и правильность такого отношения. Неужели наше правительство не может признать факты даже в этот одиннадцатый час и не может ознаменовать годовщину заключения перемирия серьезной попыткой прекратить войну в России, как оно прекратило ее год тому назад в Германии и Турции?

«Дейли Мэйль», 10 ноября.

3.

Пожимают руки убийцам.

Люди, озабоченные честью нашей страны, наверное с ужасом прочитали о сделанном в субботу премьер-министром предложении вступить в переговоры с большевиками. Вот уже второй раз он предлагает этот курс, а между тем никто не осуждал преступлений большевиков в более сильных выражениях, чем он. Если британский народ

последует его совету, он изменит своим друзьям, предаст великое дело демократии, предаст право и справедливость.

Полковник Джон Уорд, стойкий и почтенный поборник демократии, видевший кое-что из работы большевиков, сказал на прошлой неделе в палате общин, что они «шайка убийц». Показания Поля Дьюка в серии замечательных статей, печатающихся в «Таймсе», таковы же, а это показания свидетеля, знающего Россию в совершенстве и жившего среди большевиков, рискуя собственной жизнью.

Оправдание премьер-министру в его предложении служит то, что Россия гибнет в борьбе между большевиками и теми, кто стараются освободиться от их жестокой тирании. То же оправдание можно было бы привести во время мировой войны для того, чтобы сдаться Германии. Хотя огромные потери людьми и деньгами, понесенные нами в столкновении с гуннами, не позволяют нам оказать непосредственную помощь России, мы можем, по крайней мере, гарантировать лояльным русским— нашим преданным друзьям — наши симпатии и нашу моральную поддержку. Если б мы признали правительство адмирала Колчака, посылая снаряжение его войскам, это имело бы неоценимое значение. Но теперь, когда он в опасности, наше отношение к нему и к его и нашим врагам важнее, чем когда-либо. Чрезвычайно важно, чтобы впоследствии наши друзья в России могли указать на факт, что все здоровые и честные элементы в Великобритании остались стойко на их стороне и сурово осуждали всякую политику пожимания рук большевистским убийцам.

ИСТОРИЯ ЗАГОВОРА.

Усилиями Петроградской Губернской Ч. К., Всероссийского Особотдела и Особого Отдела 7-й армии в Петрограде раскрыт новый крупный заговор, в котором принимали участие бывшие крупные сановники царского режима, некоторые генералы, адмиралы, известные члены партии к.-д. и пресловутого «национального центра», а также лица, близкие к партии эс-эров и меньшевиков.

Вся деятельность заговорщиков протекала под руководством и бдительным контролем агентов Антанты, главным образом английских и французских агентов, которые руководили всем делом шпионажа, финансировали заговор и держали в своих руках все нити его.

Белое «Временное правительство» в Петрограде.

Уже задолго до начала наступления войск Юденича на Петроград внутри Петрограда так-называемый национальный центр, руководимый виднейшими членами партии к.-д., усиленно занят был формированием нового временного правительства. При генерале Юдениче уже в течение нескольких месяцев существует так-называемое «северо-западное правительство», во главе которого стоят господа Лианозов, Маргулиес и др. Казалось бы, белогвардейцам внутри Петрограда никакого другого правительства образовывать и не надо было бы. Но из дальнейшего изложения выяснится подробно, по каким мотивам заговорщики составляли в Петрограде второе параллельное временное правительство.

Внутри белогвардейских заговорщиков все время идет глухая борьба. Одна группа подсиживает другую. Одни «вожди» интригуют против других, происходит борьба между агентами англо-французской буржуазии и между теми белогвардейцами, которые держат курс на германскую контр-революцию. С другой стороны, борьба ведется вокруг вопроса о том, быть ли новому правительству чисто монархическим, открыто черносотенным, или продолжать игру в «демократию», придерживаться платформы Учредительного Собрания и т. д.

Во всяком случае, следственными властями с несомненностью установлен факт формирования второго правительства белогвардейцев в

самом Петрограде. Состав этого правительства почти целиком выяснен, и большинство предполагавшихся его членов арестовано.

Главой Петроградского белогвардейского временного правительства предполагался Александр Николаевич Быков. Быков—статский советник, инженер-технолог, преподаватель Технологического и Политехнического институтов. На вопрос о политических убеждениях ответил: «беспартийный, раньше состоял в партии к.-д. Убеждения: демократические, приемлемая форма правления, гарантирующая всем гражданам личную политическую свободу». До войны был членом петроградской городской управы. До Октябрьской революции служил в министерстве труда. С Октябрьской революции сотрудничал в «Торгово-Промышленной Газете» и преподавал в Политехническом и Технологическом институтах. На деле Быков и теперь является членом контр-революционной партии к.-д. и одним из главных деятелей национального центра, как это будет видно из цитируемых ниже собственноручных показаний Быкова. Быков—центральная политическая фигура кадетского заговора в Петрограде. Ему было поручено формирование белогвардейского правительства.

Второй крупной фигурой предполагавшегося белогвардейского правительства является инженер Михаил Давидович Альбрехт. Служит в комитете государственных сооружений Северного района. Семья находится в Минске под покровительством белогвардейцев поляков. До февральской революции был начальником технического отдела, с Октябрьской революции до ареста состоял в должности заведывающего отделом технических изысканий Ужедорстроя в Москве. Называет себя беспартийным, утверждает, что по убеждениям аполитичен, но в основном признает свое участие в заговоре.

«С гражданином Быковым,—показывает г. Альбрехт,—я познакомился весной этого года. Быков зашел ко мне на квартиру. До того я знал его по лекциям в клубе к.-д. (Каменностровский, 26). Речь шла об ответственном назначении, от которого я отказался, считая его для себя совершенно непосильным (должность товарища министра при возможном заместительстве).

Далее гражд. Альбрехт сообщает о своих переговорах с английским агентом в Петрограде в дни наступления Юденича. «Агент этот

заявил мне,—говорил г. Альбрехт,—что в случае переворота, он будет меня просить принять заведывание Компродом, на что я ему возразил, что это дело мне мало известно и едва ли я в нем могу быть полезным, тем более, что из его слов я не видел, что можно считать обеспеченным приток продовольствия в Петроград извне». Переговоры с английским агентом Альбрехт вел «от имени группы профессора Быкова». В конце концов сошлись на том, что Альбрехт будет министром путей сообщения в новом белогвардейском правительстве.

Министром финансов намечался Сергей Федорович Вебер, бывший товарищ министра финансов при царизме, бывший член государственного совета и сенатор. Неудавшийся премьер, профессор Быков утверждает, что с Вебером он лично не был знаком и никогда с ним не встречался, но вместе с тем признает, что в разговоре с Альбрехтом на вопрос, кто бы мог занять такой ответственный пост, как министра финансов, ответил: «я мог бы высказать свое личное мнение, что на такое место мог бы быть пригоден Вебер, бывший товарищ министра финансов, которого я по работе его знал, как осведомленного и бюрократически подготовленного».

Морским министром намечался известный адмирал Развозов, которого временно должен был заменить адмирал Бахирев. Оба эти адмирала, как это будет видно из дальнейшего изложения, участвовали также в тех собраниях, которые подготовляли выступление белогвардейцев внутри Петрограда в момент наступления войск Юденича.

Министром просвещения намечался Воронцов, бывший попечитель петербургского округа при царизме, открытый монархист.

Министром внутренних дел намечался Завойко, кандидатуру которого особенно горячо поддерживал английский агент в Петрограде.

Министром религиозных культов намечен был известный к.-д. Карташов, бывший член временного правительства при Керенском, который, однако, в Петрограде не находился.

Петроградским градоначальником предполагался бывший начальник штаба 7-ой армии Люденквист, о котором речь будет еще ниже.

Таков состав намеченного английскими и французскими шпионами при участии членов партии к.-д. временного правительства в Петрограде.

Относительно экономической программы предполагавшегося петро-

градского белогвардейского правительства пока известно очень мало. Один из арестованных, Виктор Яковлевич Петров, показывает, что существовала какая-то декларация этого правительства, в которой говорилось о том, что часть земель придется за большие деньги продать наиболее богатым крестьянам с целью выкачать у них бумажные знаки всех сменившихся правительств. «Предполагалось,—говорит Петров,—помещикам по истечении нескольких лет выплатить процент или выдать вознаграждение в виде государственных обязательств, предиоложенных к выпуску. Девальвация признавалась, как неоправдавшая себя мера».

Связь с „национальным центром“.

Показаниями проф. Быкова и целым рядом других обстоятельств устанавливается тесная связь задержанной ныне в Петрограде группы заговорщиков с известной группой деятелей «национального центра», которую возглавлял проф. Щепкин и К-о в Москве.

Из опубликованных в свое время данных по делу Щепкина известно, что одной из главных фигур в группе Щепкина был известный член партии к.-д. В. И. Штейнингер (псевдоним Вик). Штейнингер был главным представителем кадетской партии в Петрограде в то время, как Щепкин был таким представителем в Москве. По постановлению Всероссийской Ч. К., Штейнингер был расстрелян вместе со Щепкиным.

В собственноручном показании профессора Быкова говорится: «Я был знаком с покойным В. И. Штейнингером. Летом сначала при случайных встречах, а потом раза два при посещении меня Штейнингером, он усиленно спрашивал моего мнения о возможных по моим представлениям кандидатах на министерские посты. Относительно поста министра финансов я назвал Бернацкого (я полагал, что он на Украине) и говорил, что мне случалось с разных сторон слышать, что мог бы быть таким кандидатом и Вебер, а что министром продовольствия следовало бы пригласить кого-либо из крупных кооператоров.

«Кого же именно, я решительно не знаю, так как в этих кругах знакомства не имею. Полагаю, что Штейнингер мог сообщить о наших разговорах за границу. Так как я давно был знаком по партии с С. В. Ивановым и Кузьминым-Караваевым, я смею думать, что они ко мне относятся с известным уважением, так что весьма

возможно, что по примеру Штейнингера они смотрели на меня как на лицо, мнение которого относительно лиц, способных после переворота принять посты управляющих делами различных комиссариатов Северной области, может иметь известный вес».

Связь белогвардейцев с заграничными представителями меньшевиков.

Из дела Щепкина известно, что некоторые элементы меньшевиков («активисты») находились в тесной дружбе с белогвардейским «национальным центром» и работали рука об руку с ним. Достаточно напомнить имя правого меньшевика Розанова.

Следы такого же сотрудничества обнаруживаются и в новом петроградском заговоре.

Среди других заговорщиков задержан бывший командир воздушного дивизиона Балтфлота Берг. Будучи уличен, Берг показал: «Я— главный агент английской и белой контр-разведки. Инструкции получаю из разведочной конторы в Стокгольме и военного совета в Лондоне. Связь имею с Финляндией».

В числе других поручений Берг получил от своих хозяев также поручение пересылать представителям русских меньшевиков за границей различные материалы.

В своих показаниях Берг, между прочим, показал: «Моими обязанностями были военная морская контр-разведка и общие политические мелкие сведения, которые я доставлял раз в неделю. В то же время я пытался связать организацию (белогвардейскую) с Ц. К. меньшевиков, через Аксельрода (младшего сына), с которым отправил в швейцарское бюро английской разведки много сведений».

Борьба между двумя белогвардейскими «правительствами».

В то время, как «сам» генерал Юденич целиком продался англичанам и находился в полной зависимости от них, группа черносотенных деятелей, работающая в тесном единении с Юденичем, стоит ближе к германской «ориентации». Во главе этой последней группы стоит известный Борис Никольский, ведающий политической разведкой при штабе Юденича, затем Дурново, Карташов и др.

Борьба, которая происходит внутри той шайки, которая окружает

Юденича, очень хорошо известна английским агентам, и сами англичане держат генерала Юденича под двойным контролем, не вполне доверяя ему.

Задержанный видный белогвардеец, по фамилии Елизаров, показал следующее. В августе этого года он был отправлен из Петрограда с тайным пакетом генерала Юденича. Явка, по которой он должен был доставить этот пакет, находилась в Гельсингфорсе в английской миссии. Однако, английская миссия в Финляндии не позволила Елизарову передать этот пакет непосредственно Юденичу. Свидание с Юденичем Елизарову было разрешено только в присутствии представителя английской миссии. И для того, чтобы повидаться с Юденичем с глазу на глаз, Елизарову пришлось прибегнуть к целому ряду военных хитростей; свидание Елизарова с Юденичем состоялось тайно.

Ценные показания по вопросу о борьбе между Северо-Западным правительством и предполагавшимся быть сформированным правительством в Петрограде дает арестованная гражданка Петровская, игравшая крупнейшую роль в белогвардейской организации.

Гражданка Петровская по происхождению дочь кандидата естественных наук В. Д. Вольфсона. На вопрос о ее партийности отвечает: «Член партии эс-эров с 18-тилетнего возраста (ей теперь 44 года). Политические убеждения: всегда была социалисткой. Образование высшее (специально медицинское). С января вступила членом в Р. К. П.». Петровская, как это устанавливается целым рядом фактов, считая себя эс-эркой, состояла одним из главных агентов английского шпионажа в Петрограде и заменяла в Петрограде в последнее время шефа английского шпионажа, у которого были все нити в руках и которого его же подчиненный характеризует, как «прохвоста высшей марки». Петровская, которая «заведывала» всей корреспонденцией между Петроградом и компанией Юденича, показывает: «В первой половине октября 1919 г. я из-за рубежа получила указания о необходимости сформирования в Петрограде временного правительства. Записка была следующего содержания: «Передать: необходимо озаботиться сформированием в Петрограде правительства, так как полуспекулятивное Северо-Западное правительство не годится». Записка эта была написана на отрывке бумажки карандашем и подписана Никольским. Записку эту Петровская показала главному английскому агенту (прохвосту высшей марки), который, по показанию

Петровской, «мне на это ответил, что таковое правительство уже имеется и что имеются все члены правительства за исключением министра внутренних дел».

Из этого показания видно, что «министры» Лианозова чего-то не поделили с «министрами» Быкова. Характеристике министров Северо-Западного правительства, как «полуспекулятивных» министров, нельзя отказать в точности. Кто следил по белогвардейским газетам за деятельностью таких столпов Северо-Западного правительства как бывший петербургский адвокат Маргулиес, тот должен будет согласиться, что иногда действительно бывает трудно установить, что́ больше интересует Маргулиеса и компанию—спекуляция ли с финляндскими дровами или обновление России на основах «демократии» и «Учредительного Собрания».

Английские и французские агенты — фактические хозяева русских белогвардейцев.

Одним из главных заправил всего дела в Петрограде был английский агент Поль Дьюкс (псевдоним Павел Павлович). Поль Дьюкс одно время выдавал себя за английского социалиста, приехавшего в Россию будто бы для того, чтобы собрать материалы с целью пропаганды в Англии, в пользу Советской России. Поль Дьюкс поддерживал связи с Петровской, Червинским, Анастасией Петровной Орловой, Анной Александровной Покровской и др. Две последних были близки кругам фрейлин при царизме. При аресте у них найден целый ряд интимных фотографий Николая Романова и членов его семьи.

По показаниям Петровской, «в Москве Поль Дьюкс получил связь со Щепкиным. На Щепкина Дьюксу указал Евреинов, к которому из Москвы приезжал Серебренников, бывш. флотский офицер. Финансировали заговор те же английские агенты. Один из задержанных указал, что на организацию разведки он в два приема получил от англичанина Гипсона большие суммы денег. Гипсон проживал в Петрограде и ныне задержан. Последняя получка денег от англичанина имела место 4 недели тому назад.

Не лишено интереса следующее показание Петровской: «в августе месяце я слышала от Дьюкса, что Щепкин ему говорил, что за грани-

цей в Париже сформировано будущее правительство России, но что Москва (речь идет о белогвардейских заговорщиках Москвы), никогда не согласится признать это правительство, не находя удачным состав его. Дьюкс и Москва характеризовали это правительство, как черносотенное. Я полагаю, что в состав этого правительства входили Сазонов, Маклаков, Савинков и другие. По моим предположениям,—заявляет та же Петровская, — штаб Юденича тяготеет к Германии, а Юденич сильно связан материально с Англией и очевидно боится ее».

Главенствующая роль англо-французских шпионов устанавливается еще целым рядом других показаний, в том числе показанием бывш. офицера Александра Николаевича Родионова. Имена этих англо-французских агентов: Роджерс, мисс Кеннеди, иностранец, который называл себя Имбри, английский офицер в чине капитана по фамилии Свебе или Швебед, видный деятель норвежского посольства Платов и другие.

Изменники из среды военных специалистов.

Одной из центральных фигур является Владимир Ельмарович Люденквист. Люденквист раньше служил в штабе гвардейского полка, командовал ротой Павловского полка, с 1914 года был старшим адъютантом гвардейского корпуса, в 1915 году состоял адъютантом штаба, в апреле 1917 года был произведен в полковники, а в мае был начальником штаба гвардейского пехотного дивизиона. На Советскую службу поступил в феврале 1919 года начальником штаба первой стр. дивизии. 20-го февраля был назначен начальником штаба Петроградской оборонительной группы. 14-го апреля был назначен командующим Олонецким фронтом. С июля месяца состоял начальником штаба 7-й армии, оборонявшей Петроград. В сентября был переведен начальником штаба другой армии, но вместо того, чтобы поехать на новое место службы, тайно вернулся в Петроград, где продолжал свою белогвардейскую работу. Сношения с Юденичем вел через главного английского агента, аттестованного, как прохвост высшей марки.

Люденквист, состоя начальником штаба 7-й красной армии разработал для Юденича и переслал ему план, по которому и происходило наступление Юденича на Петроград.

По показаниям Люденквиста, план сводился к следующему: «Войска Сев.-Западного фронта должны сделать прорыв в районе 6 дивизии или же прорыв должен быть сделан в районе Луги. Оба эти варианта наступления по моему тогдашнему мнению должны были легче всего привести ко взятию Петрограда». В качестве начальника штаба 7-й армии Люденквист сгруппировал вокруг себя несколько человек, занимающих видные посты, которые должны были облегчить ему его изменническую работу.

Столь же крупную изменническую роль сыграл б. полковник Медиокритский, который служил заведывающим оперативным оделом Балтфлота. Медиокритский снабжал всеми сведениями, какие были в его распоряжении, ген. Юденича, когда войска Юденича попятились под натиском наших красных войск. Медиокритский выработал план второго наступления, который и был послан в штаб Юденича. Согласно показаниям задержанных белогвардейцев, план этот сводился к следующему: Юденичу для того, чтобы исправить положение—писал, Медиокритский,—необходимо наступать тремя колоннами, 1 колонна численностью в 3—4 тысячи должна двигаться, связавшись с заслоном, скрывавшим линию Усть-Рудницы и Гостилицы, во фланг такой-то дивизии красной армии, 2 колонна и 3 я, выбравшись на исходный пункт, должны наступать между Гатчиной и названной дивизией на Красное Село, в расчете на неустойчивость частей этого участка.

3-я колонна на Колпино, так как колпинский кулак красных рассосался.

Этот тактический план наступления на Петроград Медиокритский передал Лишину, служившему в воздушном дивизионе Петрограда. План этот был передан за несколько дней до 2 ноября.

Арестованный военный специалист Берг, фактический начальник воздушного дивизиона Балтфлота, признал, что известный налет английских крейсеров на Кронштадт летом этого года произошел по плану, который он, Берг, лично доставил в Финляндию английским агентам.

Видное участие в деле снабжения Юденича и англо-французских шпионов военными сведениями принимал также адмирал Бахирев, заметную роль в белогвардейском заговоре сыграл также начальник Петроградской радио-станции, ныне арестованный, Райтер, который был

французским агентом. Всего следствием установлено 6 групп белогвардейского шпионажа.

Ценную услугу белогвардейцам оказывал арестованный Лихтерман, состоявший во главе Руктира (транспортное учреждение 7-ой армии). Этот Лихтерман пытался примазаться к коммунистам. Как теперь установлено, Лихтерман, бывший член партии с.-д., сыграл роль провокатора в одном из социал-демократических процессов в 1910 году. В его руках находилось большое количество автомобилей, которыми он обещал снабдить белых. В его распоряжении находилось несколько десятков человек, на которых белые рассчитывали при организации контр-революционного выступления внутри Питера.

Подготовка белогвардейского наступления внутри Питера.

Целым рядом показаний задержанных лиц установлено, что в то время, как войска Юденича приближались к Петрограду, внутри Петрограда готовилось белогвардейское выступление, организаторами которого были те же военные специалисты и представители национального центра и кадетской партии.

С этой целью на квартире у «прохвоста высшей марки» и у некоторых других лиц состоялись несколько совещаний. На вопрос о том, на какое время намечалось вооруженное выступление, показывает Люденквист—отвечаю: «На собрании выяснилось, что Юденич настаивает, чтобы выступление было в тот момент, когда войска Юденича будут подходить к Обводному каналу. Окончательное решение по этому вопросу принято не было и решено было выступить в зависимости от обстоятельств. На вопрос, кто должен был командовать всеми вооруженными силами в момент восстания в Петрограде—отвечаю: «Вопрос этот формально не обсуждался, по повидимому всеми единодушно и молчаливо был признан наиболее подходящим, я (т.-е. Люденквист), с чем и соглашаюсь. На вопрос,—кто должен был командовать всеми морскими силами—отвечаю—один из двух—или Бахирев или Развозов. Насколько помню—говорилось, что Юденич назначил Развозова, но за его болезнью его заменяет Бахирев». (Собственноручное показание Владимира Люденквиста от 17 ноября 1919 г.).

На указанных собраниях, подготовивших белогвардейское выступление в Петрограде, видную роль сыграл Бахирев. Арестованный Бахирев дает о себе следующие сведения: «Род занятий—сотрудник военно-морской исторической комиссии при Морской военной академии. Беспартийный. Никакой партии не сочувствую, но люблю Россию. Бывший вице адмирал флота. До войны 1914 г. капитан 1-го ранга, командовал крейсером «Рюрик».

По его словам: «На втором собрании также говорилось о выступлении, которое в конце концов было отклонено за неимением сил, а неорганизованное выступление считалось авантюрой».

Среди заговорщиков развивался план захватить стоящее в Петрограде на рейде судно «Севастополь».

Для этого предполагалось собрать в нижней рубке митинг, оставив на верху для службы людей, причастных к делу белых. Несколько катеров с вооруженными отрядами должны были, пользуясь темнотою, подойти к судну и захватить его. В своем показании вице-адмирал Бахирев признает, что он часто говорил: «Кому будет принадлежать «Севастополь», тот и царь положения». После захвата «Севастополя» предполагалось задержанных матросов частью выбросить за борт в Неву—«коммунистов», остальных перестрелять или связать, а затем из орудий «Севастополя» открыть пальбу по Петропавловской крепости и по некоторым другим важным пунктам.

Близкое участие в разработке плана выступления принимал также Быков и Альбрехт. Быков признает, что вел переговоры с Альбрехтом по вопросу о том, как достать взрывчатые вещества для взрыва некоторых мостов. В свою очередь Альбрехт, в показании от 21 ноября, признался, что взрывчатые вещества искали для взрыва мостов на подступах к Петрограду.

Тот же Альбрехт следующим образом описывает одно из собраний заговорщиков, обсуждавших вопрос о выступлении в Петрограде: «В одно из моих посещений английского представителя, зайдя к нему после службы около 5 час. вечера, я застал у него собрание из человек 7—8, один из коих в разговоре назывался превосходительством, но был в штатском. Разговор шел об операциях под Красной Горкой и о необходимости организоваться вполне определенно в городе на случай весьма скорого

прихода белых. При этом высказывалась мысль, что к этому дню здесь в городе почти не будет представителей революционного правительства. Солдаты и матросы без больших колебаний перейдут на сторону вновь прибывших. Выступить с соответствующей агитацией, как на суше, так и на кораблях, предполагалось в самый последний момент. Беседа происходила в сумерки, и лампы не были зажжены. Кроме лица, именуемого превосходительством, в числе присутствующих одно лицо именовалось полковником, а другое—капитаном».

На какие силы рассчитывали при этом заговорщики? По самым различным показаниям, заговорщики рассчитывали максимум на 400 человек, 80 человек из 4-го минного подрывного дивизиона.

Достойно быть отмеченным, что в 4-м минном подрывном дивизионе, который перешел у Павловска на сторону белых и которому было поручено напасть на штаб 7-й армии, простым конюхом служил молодой князь Шаховской—студент. Этот князь теперь попал к нам в плен под ст. Волосово. Во главе штаба стоял полковник Карпов, перешедший впоследствии под Павловском на сторону белых; затем несколько небольших ударных групп, в различных районах, человек по 10—15, а затем около 50 человек из Руктира (учреждение по транспорту, обслуживающее 7 армию).

Согласно показаниям Люденквиста, английский представитель («прохвост») заявлял, что у него еще есть около 100 человек, которых он называл «мои хулиганы». Он же заявлял, что в его распоряжении имеется небольшая группа китайцев, которые пойдут за тем, кто даст им больше спирту, и, наконец на собраниях указывалось на то, что в распоряжении заговорщиков имеется небольшая группа вооруженной интеллигенции.

Десятки тех хулиганов и других белогвардейцев, которые должны были сделать выступление в Петрограде, задержаны Советскими властями, и из всех показаний и всего следственного материала с абсолютной точностью выяснено, что действительно самое большое, на что могли рассчитывать эти господа, это на 300—350 человек. Это все, что с помощью английского и французского золота могли найти русские белогвардейцы в Петрограде, в тот тяжелый для петроградских рабочих момент, когда войска Юденича приближались к Питеру.

По поводу показаний крупного военного специалиста бывшего гвардейского подполковника Люденквиста достойно быть еще отмечено, что жена этого выдающегося представителя белогвардейского мира для конспиративных целей содержала маленькую лавочку «Люпар» на углу Бассейной и Надеждинской. В последнее время там продавался сахарин. «Люпар» был учрежден летом 1918 г. как закусочная. Там очевидно, был один из штабов указанной белогвардейской банды.

Выводы.

Всего по заговору задержано более 300 человек. Есть все основания надеяться, что главнейшие гнезда белогвардейцев разорены. Следствие по делу показало с полной наглядностью, на кого белая гвардия может рассчитывать в Петрограде. Попытки организовать выступление внутри Питера обнаружили полное бессилие контр-революции. В один грязный клубок сплелись агенты английской и французской буржуазии с отребьями петроградских хулиганов, продажных офицеров, со столпами кадетской партии и людьми, называющими себя, как Петровская, старыми эс-эрами.

Среди русских военных нашлись адмиралы и офицеры, которые продались английским и французским агентам, пробрались на видные места в красную армию и играли там роль предателей.

В связи с этим будет вполне понятно, если среди народных масс и прежде всего среди красноармейцев и матросов возникает законное негодование против военных специалистов, опустившихся до такой цинично-предательской роли. Ни один сознательный рабочий, ни один сознательный красноармеец или матрос не станет, однако, делать отсюда тот вывод, что все военные специалисты способны на предательство.

В то самое время, когда в Петрограде, где английское и французское золото лилось рекой, на роль предателей нашлись только несколько десятков военных специалистов—в это самое время на Петроградском и на других фронтах Советской Республики десятки тысяч бывших офицеров честно сражались в наших рядах, помогая нам по мере сил бить белогвардейские банды. Изменников из рядов военных специалистов мы будем ловить. Предатели ответят головой за свою измену,

а честные люди из среды офицерства—теперь еще в большем числе—пойдут на службу к рабочим и крестьянам и с презрением отвернутся от тех, кто предает свою родину за английское и французское золото или за обещание золотых эполет.

Каждый из до сих пор раскрытых крупных белогвардейских заговоров только еще и еще раз обнаруживал незыблемость Советской власти. Самые «образованные» представители буржуазии никак не могут понять того простого факта, что Советская власть в России опирается на десятки миллионов рабочих и крестьян и что чем труднее положение Советской власти, тем теснее вокруг нее смыкаются ряды миллионов рабочих и крестьян.

Один из арестованных заговорщиков, инженер Альбрехт, претендующий на роль министра, т.-е. руководителя России, в своем показании говорит, что «переворот многими считался неизбежным». При этом предполагалось, что «никакой почти борьбы не будет» и по занятии Петербурга, Москва будет занята в 1—2 недели» (показания Альбрехта от 20 ноября.

С инженером Альбрехтом в этом отношении вполне соглашался один из крупнейших английских агентов, который, кстати сказать, рассчитывал на должность директора департамента полиции. Сын этого неудавшегося начальника департамента полиции в Петрограде, в письме к своему папаше, пишет:

«Вывихнутая рука у меня выздоровела—теперь могу бить жидов, когда Петроград будет захвачен».

Прошло всего две недели с тех пор, и теперь и друзья и враги Советской власти видят, как наивны и безпочвенны были эти бессмысленные мечтания господ представителей образованной буржуазии. Власть капиталистов низвергнута навсегда. Белогвардейские заговорщики погибнут, а Советская власть победит.

Председатель Комитета Обороны *Г. Зиновьев.*

Часть четвертая

Петроград на осадном положении.

Военный Совет (Комитет Обороны) нашел нужным усилить осадное положение, для чего постановил:

1) воспретить всякое свободное движение по улицам гор. Петрограда после 8 час. вечера,

2) все увеселительные места: театры, кинематографы закрыть,

3) частную торговлю кафе, квасных, фруктовых и пр. прекратить,

4) установить проверку автомобилей, мотоциклетов, экипажей в течение всего дня и ночи,

5) выключить всех частных абонентов из телефонной сети.

Приказ вступает в силу со дня его опубликования.

Коменд. Петрогр. Укрепл. Района: ***Авров.***

Член Военного Совета: ***П. Исаков.***

Начальн. Гражданск. отдела: ***М. Ческис.***

Приказ № 24
15 окт. 1919 г.

От Петроградского Совета к рабочим, красноармейцам и матросам.

Товарищи! Белогвардейские банды Родзянко и Юденича снова угрожают Петрограду. Они воспользовались временным ослаблением нашего фронта, вызванным переброской сил на Южный фронт, и перешли в наступление. Отдельные шайки их прорвались на расстояние 40 верст от Петрограда. Силы их так ничтожны, что едва ли они и сами серьезно рассчитывают на успех своей авантюры. Самое большее, на что они надеются,—это ворваться на несколько дней в Петроград для кровавой расправы с ненавистными им питерскими рабочими.

Революционный Военный Совет Республики принимает самые срочные меры для помощи Петрограду, но до прихода этой помощи мы должны принять все меры для укрепления фронта, для отражения грозящего нам удара.

Товарищи! В наших руках судьбы вас, ваших семей и Красного Петрограда!

Встаньте, как один, на защиту родного города, дорогого сердцу пролетариев всего мира!

Помогите красной армии отбросить и раз навсегда покончить с бандами палачей, державших все время под угрозой Красную столицу революции.

Будьте готовы по первому призыву стать под винтовку или на какую-угодно работу по обороне.

Спокойствие, выдержка, решимость!

Самый беспощадный террор против всех и каждого, кто посмеет в этот момент подняться здесь внутри с целью помощи белогвардейским бандам.

Смерть за саботаж! Печать смерти на уста провокаторов, сеющих вздорные слухи.

Смерть белогвардейским бандам и их вождям!

Да здравствует Красный Петроград! Да здравствует Российская Советская Республика Рабочих и Крестьян!

15 окт. 1919 г.

Речь тов. Зиновьева.

Товарищи, я очень извиняюсь, что задержал вас, опоздал. Это объясняется тем, что я хотел получить последние сведения о положении на Петроградском фронте. Я должен сказать с самого начала, что положение под Петроградом чрезвычайно серьезное и, можно сказать, прямо тяжелое. У противника нет сколько-нибудь больших сил. Общее впечатление всех наших товарищей, ведущих дело на фронте, таково, что у него сил меньше, чем было в мае. В мае были бронепоезда, была большая артиллерия, чего не видно пока сейчас—ни бронепоездов, ни артиллерии. И, тем не менее, передовые отряды противника, хотя и очень маленькие, просочились местами на растоянии 40 верст к Петрограду. Вот почему, товарищи, больше не может быть и мысли о какой-либо беспечности. Весь Петроград должен быть немедленно переведен в эту ночь на самую военную ногу. Все рабочие Петрограда должны быть готовы к самому трудному. Никаких оснований для какой бы то ни было паники нет. Я повторяю, силы противника меньше, чем они были в мае. Трудность нашего положения—и это не секрет ни для кого—объясняется тем, что мы должны были бросить на помощь Южному фронту многие части, и в связи с этим мы здесь ослабели. Трудность дальнейшая заключается в том, что отдельные части измучились на фронте, пробывши по 6—9—10 месяцев в боях, а дальше наступили осенние холода и т. д. Вот чем объясняется откат. Вы знаете, какие бывают положения в гражданской войне. Совсем недавно, две недели тому назад, из Петрозаводска приезжали сюда к нам товарищи, которые считали положение под Петрозаводском совершенно безнадежным. Противник подходил на несколько верст. Но не прошло и двух недель, товарищи встрепенулись, рабочие подобрали силы, противник отогнан на 90 верст, вчера взято 7 пушек и 7 пулеметов. Противник крайне слаб и при первом ударе бежит, и, наоборот, до тех пор, пока он не получил серьезного удара кулаком, он все больше и больше наглеет. Мы пере-

живаем тот момент, когда противнику легко даются его успехи, и когда в связи с этим он наглеет с каждым часом. У него есть пара эскадронов конницы по 150—200 человек, и они собираются иногда по 20 человек в деревне. Разумеется, сплошного фронта под Петроградом так же, как на всех остальных фронтах, нет. Но необстреленные части часто сдают. Бывают настолько неопытные, неискушенные части, что достаточно противнику пустить три пустых ракеты для того, чтобы начались паника и шум, будто бы это особые какие-то снаряды. Вот почему дело заключается в том, чтобы нам найти несколько тысяч человек, которых ничем не испугаешь, и которые раз навсегда решили свой Красный Петроград защитить. Общее положение вокруг Петрограда в балтийских государствах таково, что Петроград спасти вполне можно. Никакого общего наступления со стороны Финляндии против нас нет, точно так же, как и со стороны Эстляндии. И, разумеется, не потому, что буржуазная Финляндия или Эстляндия нас любит, а по той простой причине, что общее положение им не позволяет предпринять против нас какие бы то ни было серьезные шаги.

Под Псковом несколько дней тому назад, дня три тому назад белые пользовались поддержкой эстонцев: по сведениям воинской разведки, эстонцы дали 4 бронепоезда. Наши полки на время были поколеблены, но за два дня положение было восстановлено, и теперь и под Псковом и за Псковом мы стоим более прочно, чем когда бы то ни было с тех пор, как мы отобрали Псков. Со стороны Эстляндии попытка помочь белым была очевидная, но с этой попыткой мы справились быстро. Буржуазная Финляндия до сих пор ограничивается только мелкими провокационными выходками, никакого общего наступления на финском участке нет, и я уверен, что не будет, по той причине, что политическое положение таково, что даже буржуазия финская десять раз подумает, прежде чем решится пойти против нас. В частности урок, который получила латышская буржуазия, я думаю, ни в коем случае не может пропасть даром. В Латвии, вы знаете, что совершилось: там русские отряды офицеров такие, как те, которые напирают на Петроград; под крылышком латышской буржуазии, ею обласканные, обогретые, соединились они с немецкими генералами и скинули власть латышской буржуазии потому, что хотят поставить там русских помещиков.

Никакой самостоятельности Латвии они не признают. Когда финская буржуазия видит такой урок, разумеется, у ней пропадает—даже у буржуазии финской—охота связываться с русскими белогвардейцами. Вот общая обстановка, которая, таким образом, сводит дело к тому, что мы имеем борьбу только с русскими белогвардейскими шайками. Мы не имеем общего наступления финнов и эстонцев, мы имеем перед собой одного врага—русского офицера и поддерживающие их отчасти мелкие отряды эстонцев и финнов, вышедших из-под подчинения. Враждебные отряды по самым максимальным цифрам исчисляются в 3—4 тысячи. Вчера мне довелось беседовать с помощником командира одного из полков, человеком, который, к сожалению, я должен сказать, очень мало похож на боевого командира своего полка, больше похож на испуганного человека. Когда я спросил, сколько на том участке, где он был, против нас борется белых, он сказал: «Большая цифра, очень большие силы». Когда же я стал добиваться, сколько же именно, он назвал цифру в 200 человек, и я думаю, что при этом у него двоилось—если не больше—в глазах. Таковы отряды, которые выступают против нас. Это не регулярная серьезная армия, это ударные отряды, очень похожие на корниловские отряды, с которыми в свое время пришлось иметь дело. Мы можем отбить их, даже если бы не было ни одного регулярного солдата, питерские рабочие и работницы были бы в таком же настроении по отношению к белым, как и в свое время к Корнилову, я уверен, что нет основания питать к Юденичу другие чувства, чем к Корнилову. Без единого солдата со стороны, мы могли бы—я уверен, что мы это и сделаем—уничтожить те банды, которые идут против нас, потому что на нашей стороне громадный перевес: база, которую представляет собой Петроград, громадная артиллерия, колоссальные средства, и мы вовсе не находимся в безвыходном положении. Мы не можем также сказать, что у нас нет ни одного регулярного солдата: вы видели, как мы в течение трех дней отправляли отряд за отрядом. Мы отправили отряд курсантов, закаленных в бою, которые в свое время взяли Ямбург, отправили тысячи матросов, которые в свое время брали Красную Горку, тем не менее, мне кажется, сейчас решающее слово принадлежит нам, питерскому пролетариату. Если он найдет достаточное количество сил, наберется такой же решимости, как рабочие других городов в свое время, мы вполне отстоим свой город.

Я не считал возможным, товарищи, ни на одну секунду скрывать от вас то, что есть. Я уверен, что в наших рядах—в рядах рабочих многострадального Питера, претерпевших за это время достаточно, самое тяжелое положение ни на секунду не вызовет никакой паники. Поводов для паники нет,—повод для тревоги есть. В городе распространились, как сегодня говорили, слухи, что шведские полки двинулись против нас. Нашлись досужие сплетницы, которые видели три шведских полка на Выборгской стороне. Конечно, сплетня будет ползти о корпусах, о многочисленных танках и т. д. Кстати сказать о пресловутых танках: мы думали, что эти танки все-таки появились, если не много, то хоть пять или три танка есть... но нет и половины танка. Никаких танков, и бронемашин не видно. Есть смелые, нахальные, дерзкие офицерские шайки, которым нечего терять, которые пьяны от злобы на нас, которые пьянеют от каждого успеха и которые хотят создать нам тревожное настроение. Они, конечно, известного достигли: они создали известную взбудораженность, они заставили тысячи людей мобилизовать. И эта цель их достигнута. Вот почему я повторяю, что никаких данных ни для какой паники нет, но серьезное основание для тревоги есть, и нужно дать тревожный гудок. Сегодня заново надо перевести всех рабочих и работниц на военное положение. Каждый найдет работу. Вооружение и обмундирование мы найдем. Я думаю, если будут стоять все фабрики и заводы в течение нескольких дней, от этого беды не будет. Сегодня ночью мы в узком составе выработаем план, по которому не все фабрики и заводы будут останавливаться, самые необходимые будут продолжать свою работу. Об этом мы дадим подробные сведения через заводские комитеты сегодня. Надо помнить, что в Петрограде, внутри, есть белые шайки, которые, услышав о том положении, которое создалось, быть-может, поднимут голову. Надо быть готовым к этому. Надо сказать им,—иногда такое предупреждение им шло впрок—что если кто-либо в Петрограде, пользуясь тревогой, попытается вылезти из своих нор, то, сколько бы мы ни отправили людей на фронты, у нас хватит достаточно сил для того, чтобы каблуком раздавить белую гадину, которая посмеет выползти из своей норы. Другая важная задача заключается в том, чтобы теперь, не теряя ни часа, привести все рабочее население Петрограда на воен-

ное положение, приступить к формированию отрядов, к выдаче продовольствия, снаряжения и ко всей остальной организационной работе. К нам вчера приходили от Союза водников люди, которые предлагали организовать порядочные отряды в 200—300 человек из рабочих водного транспорта, несмотря на то, что они один отряд образовали несколько недель тому назад, который доблестно борется на фронте. Найдутся крупные профессии, которые поступят так же, например, железнодорожники, металлисты и т. д.; найдутся крупные предприятия на Выборгской стороне и на Васильевском острове, которые поступят так же. Конечно, мы не думаем действовать враздробь и наспех: все эти отряды будут сложены в стройную организацию. Но приступить к этому надо сегодня. Чем раньше—тем лучше. Чем раньше мы приступим к серьезным мерам, тем скорее прогоним от ворот Петрограда те шайки, которые рыщут здесь. Теперь слово принадлежит Петроградскому Совету; я уверен, он окажется на высоте и без дискуссий, колебаний, без малейшей паники, с твердостью и решимостью, свойственной первому городу пролетарской революции, примет те меры, которые необходимы. (Аплодисменты).

Стеногр. отч. Петрогр.
Совета 15 окт. 1919 г.

Речь тов. Пахомова.

Товарищи, пробыв три дня на фронте, я пришел к выводу, что, действительно, нет значительных сил у противника, чтобы заставить нас серьезно беспокоиться, чтобы действительно поставить перед нами дилемму: либо отстоять Петроград, либо умереть. К сожалению, в Петрограде реагируют на события, которые происходят, не так, как следует; в этом наша ошибка, но эту ошибку не поздно исправить; если Петроградский Совет решит обсуждать этот вопрос, он должен принять решение, которое позволяет исправить эту ошибку. Ошибка эта заключается в том, что все товарищи руководители делятся на две категории: одни остаются слишком равнодушными к тому, что происходит, другие—слишком больно реагируют на происходящее: они похожи на тех баб, которые передают, что на Выборгской стороне находятся шведские полки. Как те, так и другие должны исчезнуть из нашей среды. В Петрограде дело обстоит так, что заставляет нас создать один тип людей, которые умели бы спокойно и здраво реагировать на происходящее. Еще не поздно исправить эту ошибку и еще совсем не поздно исправить то положение, которое создалось на фронте. Целый ряд укрепленных линий за нами; это те линии, на которых царское правительство собиралось дать бой немцам и для этой цели подготовило целый ряд позиций. Эти позиции за нами, и они должны остаться за нами; они останутся, если питерский пролетариат станет на эти позиции сам и покажет пример тем частям, которых у нас не мало. В этом недостатка не чувствуется, чувствуется только паника, которая охватывает многих, которой охватываются и те, которых мы отправляем отсюда. На эти позиции должны быть отправлены все, кто способны к бою, все, кто могут принимать бой с белогвардейскими разведчиками... кроме разведчиков, там никого нет. Старые части, усталые за долгий поход, были отброшены и стали отступать; свежие части, видя бесконечные отступающие обозы, охватываются паникой, не удерживаются на пози-

Приспособление к обороне у ограды Александровского сада.

Орудийная установка в Александровском саду.

Дворец Труда в дни нашествия Юденича.

Дворец Труда в дни нашествия Юденича.

циях. Мы должны занять определенные позиции и на них закрепиться, пока не будет подмоги, пока мы не развернем своих сил, чтобы отбросить их назад. Мы знаем определенно, что идут только разведчики,— было бы стыдно их не удержать. Кроме того, мы имеем опыт прошлого наступления, которое было весной. Тогда было то же самое, что и теперь; разница та, что дело приняло худший оборот, чем весной. Тогда удалось удержать их дальше и дальше отбросить назад, теперь мы несколько ближе подпустили их и до сих пор не установились и не создали положения сплошного и сплоченного фронта, который немыслимо было бы прорвать. Для неприятеля потребуется не меньше двух недель, чтобы подвезти резерв, артиллерию. Ведь за два дня до этого не было слышно ни одного неприятельского выстрела из орудий, не было видно ни одной пушки, совершенно отсутствовала артиллерия. Кто после этого может указывать, что это серьезное наступление, что идут значительные силы с танками и пр. Наши части не видели даже пулеметов, а только разъезды, только маленькие отряды разведчиков. Вот почему, как тов. Зиновьев указывал, нам надо поднять Петроград на ноги, надо апеллировать к питерским рабочим.

Много жутких моментов пережили петроградские рабочие, но теперь наступил тот жуткий момент, который должен пробудить в Петрограде всю оставшуюся энергию и сознание необходимости отстоять Красный Петроград, и отстоять самого себя, обеспечить свою судьбу от тех ужасов, которым он безусловно подвергнется. Нужно мобилизовать не только рабочих крупных предприятий, не только людей, которые идут добровольно туда, но надо мобилизовать и мелкие организации, как рабочая кооперация, профессиональные союзы, самые маленькие профессиональные союзы, комитеты бедноты, домовые комитеты, всевозможных комиссаров в отдельных учреждениях, мелких, невидных. Надо из этих людей скомплектовать отряды и направить на фронт. Весь успех наш будет зависеть от нашей быстроты. Мы должны создать наши новые силы, которые не поддались бы панике, которой поддаются части, созданные из крестьянских масс. Вот почему мы должны сказать определенно, что если до сих пор было несколько десятков, если не сотен тысяч людей, которые служили советам, клялись, что они, верно состоя на службе у Советской власти, разделяют тактику, которую проводят

Советы, намерены быть честными гражданами, пусть теперь очи это докажут на деле, что, идя на фронт, выполнят тот долг, которого от них требует история и наш Красный Петроград. Те, которые остаются в тылу, не должны знать ни отдыха, ни времени, они должны работать дни и ночи, они не должны беспокоиться, что в том или в другом учреждении работа будет хромать. Пусть в Петрограде создастся праздник для буржуазии, пусть они радуются, но пусть не забывают, что в Петрограде осталась сила и что ее с избытком хватит для того, чтобы отбросить от Петрограда белогвардейские банды. В то же время внутри города мы не позволим учинять безобразия белогвардейцам, которые безусловно здесь есть. Для этой цели надо привлечь тех, которые неспособны идти на фронт, или которыми мы не намерены пользоваться на фронте. Для этой цели надо вооружить женщин. Для тех, кому дороги интересы рабочего класса и Красного Питера, для них хватит оружия. Если мы поставим посты из военных людей, из милиционеров и других, мы можем их вооружить револьверами и бомбами. Не надо опасаться, что здесь что-нибудь совершат белогвардейцы. Пора сказать, что должен создаться единый фронт против белогвардейских банд, которые надвигаются с запада. У нас должно создаться единодушное мнение, единый взгляд на этот вопрос. Надо направить все силы на те позиции, которые еще за нами, и на этих позициях удержаться, во что бы то ни стало. И если мы удержимся три дня на этих позициях, не будет оснований не только беспокоиться за участь Петрограда, а будет видно, что весь вопрос только в неделях, чтобы вернуться к старому положению. К нам идут войска. Мы знаем, как относится к Петрограду вся Россия. Россия—громадная страна, и мы можем в этой стране найти силы для того, чтобы отбросить белогвардейцев и создать безопасное положение для творческой работы в Красной столице. Но теперь должно быть создано единодушное мнение и желание, которым должен быть охвачен весь пролетариат, именно: направить силы за Гатчину, за Красное, откуда идут конные разведчики. Сейчас там нет серьезных сил, там 200 сабель, 300 штыков. Но удивляться не приходится, что от этой жалкой горсточки людей бегут наши части, это понятно.

Кто знает условия нашей войны, кто знает, из кого скомплектованы наши свежие части, кто знает, какими усилиями удается создать бое-

способность этих частей, тот определенно скажет, что все наши свежие полки безусловно не оправдывают полностью наших надежд. Старые полки, которые в течение долгих месяцев были на позициях, безусловно настолько устали, что наш долг и обязанность теперь помочь им. Одно появление и присутствие питерских рабочих, может-быть, не так хорошо обученных, не так хорошо обмундированных, может-быть, даже в штатских платьях, вдохновит солдат и будет способствовать тому, что они не сделают ни шагу назад. Вот почему долг рабочего определенно понять, что еще одно усилие, сделанное питерскими пролетариями, и положение будет полностью восстановлено. К этому я вас сегодня призываю, без помощи питерских рабочих положение с каждым днем будет ухудшаться. Питерские рабочие должны подняться, чтобы спасти положение. (Аплодисменты).

Стеногр. отч. Петрогр. Совета 15 окт. 1919 г.

Воззвание.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ, КОМАНДИРЫ!

Опомнитесь! Перед кем вы отступаете?

У белых банд никаких серьезных сил нет. Число их в 50 раз меньше, чем ваше число.

У белых нет артиллерии. У белых нет тыла. У белых нет войска. У белых нет бронепоездов. Пресловутые танки белых существуют только в воображении дураков.

Белые банды берут вас только на испуг. Пустят две безвредных ракеты, а трусы и шкурники кричат: «Отступай, начался убийственный огонь!»

Белые вышлют десять—двадцать человек головорезов к полотну дороги, а трусы и мерзавцы начинают улепетывать, кричат: «нас обошли!», и вносят панику в ряды.

Трусливое бегство обходится и самим бегущим вдесятеро дороже, чем это было бы при стойком вашем сопротивлении. А белые банды наглеют от дешевых побед и подымают голову.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ, КОМАНДИРЫ!

Мы требуем от вас немедленно перейти в наступление и прогнать белых.

Нами двинуты на все участки фронта новые свежие силы. Этих сил достаточно, чтобы раздавить белых раз и навсегда.

Вы защищаете Красный Петроград—величайший и славнейший город рабоче-крестьянской России.

Помните это!

К трусам и сеятелям глупых слухов будут применены самые суровые меры. Командиры, поддающиеся панике,—ответят головой.

Гражданские власти, самовольно и беспричинно начинающие эвакуацию и тем вносящие панику, ответят головой.

Все на места!

Все за винтовки!

Питер шлет на фронт новые силы—через несколько дней белые гады будут раздавлены.

Председ. Петрогр. Совета *Г. Зиновьев.*

16 окт. 1919 г.

Организация внутренней обороны.

Постановление Военного Совета Петроградского Укрепленного Района.

В виду тяжелого положения на Петроградском фронте Военный Совет считает необходимым, наряду с самыми энергичными мерами, которые принимаются для поднятия боеспособности N-ой армии и для привлечения на фронт новых боеспособных частей, принять немедленно меры, которые могли бы создать возможность успешной внутренней обороны Петрограда в случае, если бы белогвардейцам удалось проникнуть в его стены.

С этой целью петроградская организация немедленно приступает к организации внутренней обороны. Во главе внутренней обороны ставится начальник внутренней обороны.

В районах учреждаются районные начальники внутренней обороны. Районы разбиваются на сектора в зависимости от фактических соображений со своими начальниками обороны каждого сектора.

Из среды рабочих и работниц Петрограда выделяются дружины, команды, отряды, которым ставится цель под общим централизованным руководством встретить огнем и мечом белогвардейцев на улицах и площадях Петрограда.

Такие дружины вооружаются винтовками, наганами, ручными гранатами, пулеметами и располагаются в узловых пунктах обороны в соответствии с организацией инженерной обороны (проволочные заграждения). Вся оборона строится на тесной связи рабочих и работниц с условиями и обстановкой районов и кварталов. Помимо отдельных мелких отрядов создается главный резерв и районные резервы в распоряжении соответственных начальников внутренней обороны. Организуются аппараты связи, общегородской и районный, разведка, авиосвязь, перевозочные средства, санитарная часть и т. п.

Если даже белогвардейцы прорвутся в город, то они окажутся в чуждой им обстановке и вынуждены будут разбиться на отдельные группы, их положение станет гибельным при условии боевой организации внутренней обороны. Условием успешной обороны является железная дисциплина и беспощадная расправа над всеми теми, кто прямо или косвенно подрывает интересы внутренней обороны. Борьба с дезертирами, шкурниками, распространителями панических слухов является обязанностью всех учреждений, организаций и отдельных работников.

Военный Совет Петроградского Укрепленного Района.
Исполнительный Комитет Петроградского Совета.
Петербургский Комитет Р. К. П.

17 окт. 1919 г.

На помощь Красному Петрограду!

Товарищи! На Красный Петроград надвинулась опасность со стороны белых банд Юденича и Родзянко. Петроградский пролетариат решил бороться до последней капли крови. Центральная Советская власть спешит на помощь Петрограду, отправляя новые полки за полками на Петроградский фронт. В случае необходимости петроградские рабочие примут бой и на улицах и площадях самого Питера и победят наших врагов.

К вам обращаемся мы с просьбой придти нам на помощь в этот решающий час. Шлите в спешном порядке вооруженные отряды и группы коммунистов. Шлите только испытанных и закаленных товарищей, которые не дрогнут.

Троцкий, Зиновьев.

17 окт. 1919 г.

Удар по Петрограду.

Свора буржуазных псов со всех сторон рвет тело Советской России. На юге Деникин изо всех сил тянется к Туле и Москве. При этом ему приходится ослаблять себя самого на Украине,—результатом явился смелый захват Киева красными войсками.

На западе лязгает зубами польская шляхта. Немецкий генерал фон-дер-Гольц перекрасился в гетмана Гольцева и, подуськиваемый биржевой сволочью всех стран, захватывает при помощи монархических банд Прибалтийский край, чтобы оттуда ударить на Москву.

На северо-западном участке фронта кровавая пьяная троица: Юденич, Балахович, Родзянко наступают на Петроград.

Удару белогвардейских банд предшествовали мирные переговоры эстонских белогвардейцев, выступавших как бы и от имени генерала Юденича. Сейчас еще трудно понять, являются ли эстонские белогвардейцы прямыми агентами Юденича или жалкими дурачками в его руках. Но факт таков, что эстонские мирные переговоры послужили средством для убаюкивания красных петроградских войск, для усыпления их сознания, для понижения их боеспособности.

Армия, охраняющая подступы к Петрограду, не выдержала первого натиска и стала отступать. Над Петроградом снова нависла грозная опасность. Английские и французские радио с дьявольским злорадством сообщают о наших неудачах на Ямбургском пути. Биржевая печать всего мира, захлебываясь от восторга, предсказывает близкое падение Петрограда.

Они просчитаются и на этот раз. Петроград не падет. Петроград устоит. Петрограда мы не сдадим. Для защиты первого города пролетарской революции найдутся достаточные силы у рабоче-крестьянской страны.

Успех Юденича есть успех кавалерийского налета. Молодые пехотные полки, не имевшие дела с кавалерией, подались назад. Но продвижению конницы Юденича будет положен предел. На помощь Петро-

граду идут боевые части с других фронтов, и прежде всего на помощь Петрограду поднялся петроградский рабочий класс.

Вопреки завываниям буржуазных шакалов всего мира Петроград не падет. Он устоит. Рабочий класс отстоит его и на этот раз. Но нужно, чтобы этот раз был последним. Мало отстоять Петроград. Надо проломить череп юденичским бандам англо-французского империализма.

Л. Троцкий.

17 окт. 1919 г.

Петроград обороняется и внутри.

Задача не в том только, чтобы отстоять Петроград, но в том, чтобы раз навсегда покончить с северо-западной армией.

С этой точки зрения для нас в чисто военном отношении наиболее выгодным было бы дать юденичской банде прорваться в самые стены города, ибо Петроград не трудно превратить в великую западню для белогвардейских войск.

Петроград—не Ямбург и не Луга. Северная столица рабочей революции занимает площадь в 91 кв. версту. В Петрограде почти два десятка тысяч коммунистов, значительный гарнизон, огромные, почти неисчерпаемые средства инженерной и артиллерийской обороны.

Прорвавшись в этот гигантский город, белогвардейцы попадут в каменный лабиринт, где каждый дом будет для них либо загадкой, либо угрозой, либо смертельной опасностью. Откуда им ждать удара? Из окна? С чердака? Из подвала? Из-за угла? Отовсюду. В нашем распоряжении пулеметы, винтовки, наганы, ручные гранаты... Мы можем оплести одни улицы колючей проволокой, оставить открытыми другие и превратить их в капканы. Для этого нужно только, чтобы несколько тысяч человек твердо решили не сдавать Петрограда.

Каковы силы врага? Предположим, что 5 тысяч, допустим даже что 10. На улицах они не смогут маневрировать ни компактными массами, ни развернутыми цепями. Им придется разбиться небольшими группами и отрядами, которые затеряются в улицах и переулках Петрограда без правильной связи друг с другом, окруженные опасностью за каждым углом.

Весь аппарат внутренней городской связи оставался бы целиком в наших руках. Занимая центральное положение, мы действовали бы по радиусам от центра к периферии, направляя каждый раз удар по наиболее важному для нас направлению. Возможность непрерывных перебросок и обилие транспортных средств удесятерили бы наши силы. Каждый

боец чувствовал бы за своей спиной хорошо организованную базу и обильные подвижные резервы.

Если бы белогвардейцам удалось даже подвезти на достаточно близкое расстояние артиллерию до подхода наших подкреплений, и в этом случае они не достигли бы ничего. Артиллерийский обстрел Петрограда мог бы, конечно, причинить ущерб отдельным случайным зданиям, уничтожить некоторое количество жителей, женщин, детей. Но несколько тысяч красных бойцов, расположившихся за проволочными заграждениями, баррикадами, в подвалах или на чердаках, подвергались бы в высшей степени ничтожному риску в отношении к общему числу жителей и выпущенных снарядов.

Наоборот, каждый белогвардеец, вступивший в город, подвергался бы личной прямой и непосредственной опасности, ибо защитники Петрограда направляли бы по нападающему удары из-за баррикад, из окон, из-за углов.

Труднее всего придется при этом белогвардейским всадникам, так как лошадь скоро станет для каждого из них тяжкой обузой.

Достаточно двух-трех дней такой уличной борьбы, чтобы прорвавшиеся банды превратились в запуганное, затравленное стадо трусов, которые группами или по одиночке будут сдаваться безоружным прохожим или женщинам.

Вся суть в том, чтобы не спасовать в первый момент. Давно сказано, что большой город есть большая паника. И несомненно, в Петрограде не мало мещански-лакейских остатков старого режима, без воли, без энергии, без идеи, без мужества. Эта людская мякоть сама по себе не способна ни на что. Но в критический момент она нередко сильно разбухает, впитывая в себя все испарения шкурного страха и стадной паники.

К счастью для революции, в Петрограде есть люди другого духа, иного закала; это передовые пролетарии, и в первую голову сознательная молодежь рабочего класса. На эти элементы возложена внутренняя оборона Петрограда, или, точнее, истребление белогвардейских банд, если бы они с размаху влетели в стены пролетарской столицы.

Конечно, уличные бои сопряжены со случайными жертвами, с разрушением культурных ценностей. Это одна из причин, почему полевое

командование обязано принять все меры к тому, чтобы не подпустить врага к Петрограду. Но если бы полевые части не оказались на высоте и открыли бы зарвавшемуся врагу дорогу в самый Петроград, это вовсе не означало бы конца борьбы на Петроградском фронте. Наоборот, борьба приняла бы более сосредоточенный, более ожесточенный и более решающий характер. Невинные жертвы и бессмысленные разрушения легли бы целиком на ответственность белых бандитов. А мы ценой решительной, смелой ожесточенной борьбы на улицах Петрограда достигли бы полного истребления северо-западных банд.

Готовься, Петроград!

Дни октября не раз бывали в истории для тебя великими днями. Тебя судьба призывает в этом октябре вписать новую, может быть славнейшую страницу в историю пролетарской борьбы.

Л. Троцкий.

16 окт. 1919 г.

Так было, так будет.

Не раз Красному Петрограду приходилось быть под ударом врага, но он всегда с честью выходил из трудного положения; он справится с опасностью и на этот раз.

В конце августа 1917 года, когда власть еще находилась в руках буржуазии, поддерживаемой соглашателями, когда пролетариат Красного Питера был у нее бельмом на глазу, нынешний колчаковский посол в Париже Савинков, бывший тогда военным министром у Керенского, с согласия своего премьера, подтягивал к Петрограду для расправы с революционными рабочими находившийся под начальством Корнилова 3-й конный корпус. Английское правительство предоставило в распоряжение Корнилова свои броневики, чтобы помочь взятию Красного Петрограда. Отечественная буржуазия, равно как и союзные империалисты, уже предвкушали расправу с рабочим классом. Наша биржа ответила на корниловскую авантюру всеобщим поднятием цен. Но опасность для революции вызвала могучий подъем в рядах рабочего класса. Рабочие столицы взялись за оружие. Питерский пролетариат создал красную гвардию. Рабочие пушечных заводов вдвое повысили свою производительность, и революционный народ одержал победу над врагом. Корниловские войска разлагались путем братания. Корниловский мятеж потерпел жалкий крах.

В конце октября 1917 года Петрограду грозил Керенский. Обманутые им войска находились совсем недалеко от Петрограда; он занял уже Гатчину и Царское Село, в то время как в самом Петрограде подняли восстание юнкера.

Но угроза со стороны контр-революции необычайно усилила активность петроградских пролетариев. Они снабдили революционный фронт необходимым количеством орудий, пулеметов, полевых телефонов и прочего снаряжения. Петроградские полки с огромным воодушевлением выступили на позиции, как говорило одно из донесений штаба военно-революционного комитета:

«В развернувшейся борьбе все части войск: моряки, солдаты и красногвардейцы обнаружили беззаветную храбрость».

Скоро обозначился перелом. 30 октября в бою под Детским Селом революционная армия разбила на-голову контр-революционные войска. 31 октября тов. Троцкий телеграфировал, что «ночь с 30 на 31 октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контр-революционные войска на столицу революции получила решительный отпор».

1 ноября Финляндским полком была занята и Гатчина.

Наконец, весной этого года Юденич и Родзянко двинулись было на Красный Питер, но потерпели позорное фиаско; белые банды были разбиты на-голову и далеко прогнаны прочь.

В уроках прошлого должны мы черпать утешение в настоящие тяжелые минуты. За два с половиной года, протекшие с февраля 1917 года, революция и ее столица—Красный Петроград—не раз находились под ударом, но рабочие Петрограда всегда находили в себе силы справиться с опасностью. Чем грознее была опасность, чем ближе неприятель стоял к Петрограду, чем непосредственнее была угроза революции,—тем больше энергии проявлял Красный Петроград. Его пролетариат удесятерял свои усилия и побеждал врага.

Керенский и Краснов гораздо ближе подходили к Петрограду, чем ныне от него находятся юденичские банды; но пролетариат Красного Питера одержал тогда победу; он выйдет победителем и теперь!

Так было, так будет!

17 окт. 1919 г.

Гатчина во власти белых банд.

Обязательное постановление.

С 17-го сего октября в 5 часов утра город Гатчина объявляется на осадном положении.

Приказ по городу № 1-й.

Приказывается:

1. Всему мужскому населению немедленно зарегистрироваться у Коменданта города для несения милиционной службы.

2. Каждый должен немедленно заявить Коменданту о всяком известном ему коммунисте или комиссаре, живущем в городе.

3. Всем домовладельцам немедленно дать сведения о всех коммунистах, комиссарах и неблагонадежных элементах, проживающих в доме. О них заявить ближайшему Коменданту.

4. Всякий, знающий какой-либо Советский склад и оставленное Советское имущество, должен немедленно заявить о том ближайшему Коменданту или сдать на сборный пункт.

5. Все ворота и двери домов доджны быть днем и ночью на запоре, под личной ответственностью домовладельцев и дворников, коим беспрерывно дежурить у ворот.

6. При проходе войск никому окон не открывать и у окон не стоять.

7. Всякое оружие холодное и огнестрельное сдать в 5-ти-часовой срок ближайшему Коменданту. По истечении сего срока за всякое найденное оружие в домах будет расстреляно ответственное лицо в доме, где найдено оружие, равно как и имеющий таковое.

8. Движение по улицам разрешено лишь до 17 часов.

9. За грабежи, поджоги, распространение ложных и волнующих слухов виновные будут расстреливаться с доклада Коменданта.

10. Воспрещается всякая отлучка и прибытие в город без явки к Коменданту.

11. Всему населению обменять Советские удостоверения, которые действительны лишь по 20-е число сего месяца, у Коменданта города. Не имеющие удостоверения будут все задержаны.

12. За нарушение какого-либо из этих пунктов смертная казнь через повешение.

13. Благонадежной части населения мирно продолжать свою работу в ожидании прибывающего в ближайшем будущем для него продовольствия.

14. Разрешается свободная торговля всеми товарами, продуктами, за исключением спиртных напитков, виновные в нарушении сего будут караться, как за нарушение всякого пункта сего вообще.

15. Всем бывшим офицерам, находящимся в городе, немедленно явиться к Коменданту.

16. Все комендатуры и учреждения будут обозначены национальными флагами и дощечками.

17. Часы переставить на 1 час назад.

18. Улицы именовать согласно названий бывших до большевистского переворота.

19. Сие постановление входит в силу со дня опубликования его.

Начальник гарнизона генерал майор *Пермикин.*

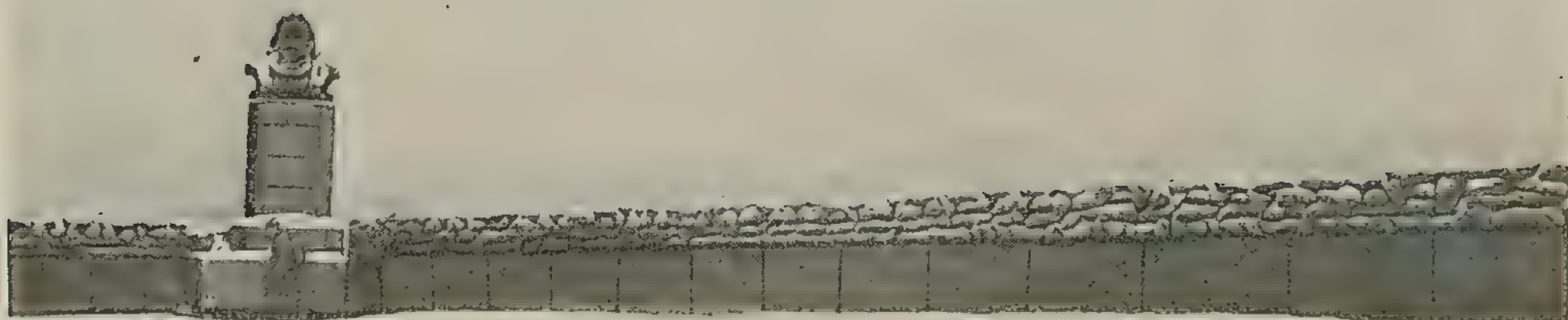
Комендант города Гатчины штабс-капитан *Лавров.*

Приспособление к обороне в устье р. Невы.

Баррикада у Калинкина моста.

Приспособление к обороне набережной р. Невы.

Броневые закрытия около Биржи.

К трудящимся Питера от моряков Балтфлота.

В грозный час, двенадцатый час Революции, красные моряки-балтийцы стальными рядами вышли на боевые линии фронта.

За два года беспримерной борьбы трудящихся за освобождение Красный флот вместе с питерскими рабочими и Красной армией бессменно стояли на посту социальной революции.

Не раз на подступах к Питеру несокрушимые пролетарские ряды разбивали рвущиеся к гордому Красному знамени первого города Пролетарской Революции белые банды и прочих извечных врагов трудового народа. Страх и ужас вселяли матросы и питерцы в ряды врагов. Принять бой с нами означало для белой своры—принять смертный бой.

И сейчас, когда, воспользовавшись отвлечением наших сил на Юг, враги трудящихся прорвали наш фронт и пытаются проникнуть в наши революционные кварталы, мы, балтийские матросы, даем смертную клятву—победить под стенами Питера.

Те, кто еще колеблется, если такие есть, сейчас должны отбросить свои сомнения. Нет стоящих в стороне. С нами или против нас. За трудящихся или за поработителей. Матросы Красной Балтики зовут всех трудящихся, всех тех, кто ненавидит так же, как и мы, рабское иго, золотопогонников и барскую мерзость, зовут на последний, победный бой.

Все к оружию! На боевые линии, на гранитные подступы к Питеру!

Питер не может и не должен пасть. Крепкой и могучей мозолистой рукой держим мы алое знамя Рабоче-Крестьянской страны.

Смерть трудящимся несут белогвардейцы. Кровью рабочих и крестьян хотят залить они улицы Красного Петрограда. Ярмо помещиков, разнузданный грабеж, восстановление царской власти несет каждый их шаг вперед.

Это знает всякий, это знают все те, кто были в местах, где временно прошли наемники мирового капитала.

Мы, матросы-балтийцы, до последнего патрона, до последнего вздоха будем стоять на своих боевых постах.

Мощные орудия наших дредноутов сумеют покончить с бандами налетчиков. И пусть не мечтают белые о вступлении в Петроград. В крайнем случае, только развалины могут найти белогвардейцы на месте Красной столицы.

Революция зовет нас на бой. Революция требует от нас железной революционной дисциплины, твердой решимости и веры в победу.

Все трудящиеся вместе с нами навстречу красной победе! С боевым кличем—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—мы победим!

Матросы Красного Балтийского флота

17 окт. 1919 г.

К рабочим и красноармейцам Петрограда.

Товарищи! Наступил решительный момент.

Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки. Еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять Красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней, беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире, революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда. Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротою, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека. Победа будет за нами!

В. Ульянов (Ленин).

17 окт. 1919 г.

Перед переломом.

Северо-Западный Советский фронт подкатился к самому Петрограду. Несмотря на несомненную малочисленность врага, наши части продолжают отступать. Перелома на фронте все еще нет. Тем не менее можно сказать, что происходят явления, которые предвещают неизбежный перелом.

Почему откатились от Наровы до Петрограда?

Первая причина—малая стойкость, а стало быть, малая сознательность частей.

Вторая причина—значительное число негодного командного состава.

Третья причина—недостаточные энергия, настойчивость и бдительность политических работников.

Четвертая причина—преждевременное успокоение передовых рабочих России и самого Петрограда насчет Северо-Западного фронта: мы дошли до границ Финляндии, Эстляндии; Прибалтийские соглашатели затеяли с нами мирные переговоры; Юденич подрался с Балаховичем. В итоге казалось, что предстоит полная ликвидация Северо-Западного фронта.

Армия есть искусственная организация. Когда давление обстоятельств уменьшается, армия начинает расползаться, бдительность ослабевает, воля размягчается. В одном месте ослабевает гайка, в другом разболтается винт,—при первом серьезном толчке весь механизм начинает разваливаться.

Действующая армия должна находиться в состоянии постоянного напряжения,—иначе она не нужна вовсе.

Такого напряжения в 7-й армии за последние недели не было вовсе, и петроградский пролетариат, столь широко отдающий своих сынов всем фронтам, слишком мало наблюдал за своим собственным фронтом.

Когда разыгралась неудача, сперва под Псковом, потом у Ямбурга, петроградский пролетариат, видавший всякие виды и привыкший ко всем испытаниям, чуть-чуть тряхнул головой: «справимся».

Но наступление Юденича развивалось. Внутренне расслабленные собственной пассивностью части продолжали откатываться. Фронт все больше придвигался к Петрограду. Сперва передовые рабочие не верили, недоумевали: каким образом банда в несколько тысяч человек, хотя и хорошо организованная, способна угрожать великому революционному городу. Но, после падения Красного Села, и особенно Гатчины, петроградский пролетариат понял, что вопрос стоит слишком серьезно. И с этого момента начинается лихорадочная работа в двух направлениях— укрепить фронт и создать условия внутренней обороны Петрограда.

Для укрепления фронта нужно подвинтить гайки там, где они ослабели. Нужно очистить войска от командиров, которые отделываются ложными оперативными донесениями на счет «давления противника», отступления с боем и проч., вместо того чтобы действительно вести свои части в бой, сламывать сопротивление и двигаться вперед. Командир без воли, без энергии, без стремления к победе—тряпка и дрянь, но не командир.

Комиссар и вообще коммунист, который притерпелся к расшатанности своей части и терпеливо отступает вместе с нею, никуда не годен. Нам нужны стальные комиссары, олицетворяющие революционную волю рабочего класса.

Бесхарактерность, вялость и дряблость руководителей неизбежно влекут деморализацию солдат. Эгоизм, трусость, шкурничество поднимают голову. Но война есть война. Для победы нужно, чтобы единицы подчинялись целому. Тех шкурников, которые с этим не хотят считаться, мы должны суровой силой заставить выполнить свой долг. Затяжная война не может быть проведена и победно завершена при помощи импровизации, энтузиазма, личного подъема. Она требует организации, точности, исполнительности и сурового режима.

Красный Петроград, лучшие работники партии под давлением неудач снова почувствовали все это со всей остротой и потребовали беспощадной расправы со всеми теми, кто нарушает единство действий, легковесно относится к воинскому долгу, или не дает полного напряжения своих сил. Неряшливость, легкомыслие, леность, тем более предательство причиняют на войне смерть и гибель сотням и тысячам других. Виновники подобных преступлений должны сами караться смертью.

Прилив в армию лучших работников, как и суровая расправа над худшими являются необходимым условием скорого возрождения армии.

Одновременно с этим, пролетариат встрепенувшегося Петрограда решил не вверять судьбы своей Красной столицы одним только полевым войскам,—он решил, если понадобится, оборонять город Октябрьской Революции в границах его собственных стен. Все рабочие и работницы, которые, по тем или другим причинам, не могут сражаться в поле, привлекаются ныне к организации городской обороны. Революционная решимость отстоять себя сочетается в этой работе с применением всех технических сил и средств, какими богат Петроград. Задача превратить каждый квартал в бронированную часть одного грозного лабиринта как раз по плечу передовым петроградским рабочим и успешно разрешается ими в настоящие дни и часы.

Линия фронта за истекшие сутки стала хуже. Но пролетариат Петрограда глубже понял опасность. Он хочет и может ее устранить. А это значит, что общее положение стало лучше. Через день, через два на Петроградском фронте наступит неизбежный перелом!

Л. Троцкий.

18 окт 1919 г.

Питер будет наш.

Питер будет наш. Это теперь уже вполне ясно. Враг надеялся взять петроградских рабочих на испуг. Наглая шайка офицеров, сильная только своею наглостью, рассчитывала путем внезапного набега добиться решающего успеха. Притивник знал, что мы отправили на Южный фронт лучшие силы, как гражданские, так и военные. И шайка головорезов, руководимая генералом Юденичем, повидимому, получила приказ от Деникина напасть на нас, для того, чтобы добиться, во-первых, отвлечения наших южных сил назад в Петроград, а, во-вторых, если удастся-то и захватить самый Петроград.

Вопрос зависел и зависит от того, как реагирует петроградский рабочий класс на этот набег. Если бы петроградские рабочие выказали опять равнодушие, усталость, если бы хоть на одну минуту среди петро, градского пролетариата обнаружились колебания, тогда план офицерский мог бы удаться. Но дело пошло иначе. Питерские рабочие не были бы питерскими рабочими, если бы в такой момент они поколебались хоть на секунду. Угроза родзянковских банд вызвала удесятеренную энергию со стороны петроградских рабочих и работниц. Твердой решимостью биться до конца ответил петроградский пролетариат.

И это решит дело.

Решение драться и внутри города, защищать Петроград и в том случае, если бы в стены его ворвался противник, имеет колоссальное значение. Среди обывателей, среди тупых мещан это решение, как нам сообщают, воспринято, как признак безнадежности положения. А между тем дело обстоит как раз наоборот. Принятое решение отнюдь не означает, что защита Петрограда за пределами города признана безнадежной. Нисколько. Напротив, на фронте наше положение усиливается с каждым днем. Но это решение свидетельствует о несокрушимой воле к победе, свидетельствует о ясном сознании того, что поставлено на карту, сви-

детельствует о том, что на испуг петроградских рабочих не возьмешь. А ведь только на испуг и может рассчитывать противник.

Мы уже выиграли несколько времени и, разумеется, ни одна минута не пропала даром. Вся Республика встрепенулась, как только пришла весть, что Петрограду опять угрожает опасность. К Петрограду, на защиту его стен, брошены громадные силы, и через самое короткое время результаты будут налицо.

Еще и еще раз удесятерим энергию, товарищи, петроградские рабочие. Все на фронт. Все, способные носить оружие, немедленно поступают в распоряжение военных властей. Поднять дисциплину во что бы то ни стало, уничтожать беспощадно бегунов, дезертиров, сеятелей паники и трусов. Задания военных властей должны исполняться не за страх, а за совесть. Нам нужны шинели. Военная власть требует от нас по 3.000 шинелей в день. Дадимте не по три, а по шесть тысяч. Дело организации обороны внутри города должно закипеть. Ни тени сомнения в нашей победе, и тогда дело будет выиграно. Не пройдет и нескольких дней, как рассеется кошмар, и вся рабочая и крестьянская Россия вздохнет свободно, когда узнает, что Красному Питеру больше опасность не угрожает, и камень спадет с души у каждого сознательного рабочего и крестьянина.

За дело! Петроград будет наш!

Г. Зиновьев.

19 окт. 1919 г.

Речь тов. Зиновьева.

В порядке дня только один вопрос о положении на нашем ближнем фронте. В качестве вступления я позволю себе сказать несколько слов о том, как мне рисуется положение в данный момент.

Прошла уже почти целая неделя с того часа, как был сделан сильнейший нажим на наш фронт. За эту неделю—нельзя сказать, чтобы мы успели сколько-нибудь восстановить положение, нельзя сказать, чтобы перелом был уже совершенно определившимся фактом. Но за эту неделю, мне кажется, с несомненностью обрисовался только один факт, однако, немаловажный, и этот факт заключается в том, что против нас действуют еще несравненно меньшие силы, чем мы этого ожидали. Я только-что приехал из одной дивизии, которая больше всех пострадала от внезапного удара противника, которая больше всех измучилась в болотах, и во главе которой стоят люди, лично перенесшие крайне много в течение последних недель, и им было бы простительно увеличивать силы противника. Но, тем не менее, все они, как один человек, начиная от финских солдат, которых я там встречал, и кончая начальником дивизии, все они в один голос уверяют, что против них на значительном участке фронта стоят самое бо́льшее четыре полка, из которых один насчитывает двести, другой — полтораста и лишь один — около пятисот человек. Это почти половина всего нашего фронта. Вот почему, мне кажется, можно считать незыблемым тот факт, что против нас на всем участке фронта, протяжением в 200 верст, выступает самое большее 3 — 4 тысячи белогвардейцев.

Одно время мне казалось, не является ли это для нас просто самоутешением, нашими иллюзиями, когда мы думаем, что против нас так мало народа. Но как-раз в течение этой недели, когда наша армия, противостоящая белогвардейцам, пережила момент упадка своих сил, как-раз в течение этой недели с полной ясностью определилось, что цифра эта, действительно, такова, как я вам сказал. Само собою понятно, что

это решающий фактор. Как бы ни оскудел Петроград, какие бы внезапные удары нам ни нанесли, сколько бы испытаний ни выпало на долю той или другой дивизии и всей армии в целом, как бы ни было голодно в Петрограде, все-таки не может быть и речи о том, чтобы 3—4 тысячи белогвардейцев, самых наглых, дерзких, самоуверенных, ловких, чтобы они могли взять такой город, как Петроград.

Мне кажется, уже теперь можно считать совершенно установившимся, что противник преследовал, примерно, такую же цель, какую преследовал мамонтовский отряд на юге. Они имели задачей, ударив здесь, разрушить одну из основных баз снабжения Красной армии, один из нужнейших источников личных сил, снабжавший нашу Красную армию. С другой стороны, Юденич, несомненно, преследовал задачу отвлечь наши силы от помощи Южному фронту. Вся Россия видела, какие громадные усилия петроградский рабочий класс делал для того, чтобы прийти на помощь Южному фронту, какие громадные усилия делала наша партия. Друзья, как и враги, не могли не заметить того колоссального подъема, который совершен был 2—3 недели тому назад в связи с мобилизацией на на Южный фронт. Всякий понимал, что это событие имеет не местное, а общероссийское значение. Повидимому, в генеральном штабе белогвардейцев загорелась мысль парировать этот удар тем, что они, бросив все имеющиеся силы против Петрограда, таким образом, отвлекут определенное количество наших сил. Удар русских белогвардейцев не может привести к захвату Петрограда. Мне кажется, что это косвенно подтвердится и поведением финских и эстонских белогвардейцев.

Когда бы в самом деле им было ударить, как не теперь, когда Красное Село в руках белых, и наша армия до сих пор не закрепилась на определенных позициях? Более благоприятный момент трудно себе представить. Тем не менее, вы видите, что какого-либо генерального наступления со стороны финской буржуазии против нас нет, точно так же, как и со стороны эстонской буржуазии. Были попытки отдельных отрядов и бронепоездов поддерживать выступления белых против нас, но на открытое вмешательство, на открытое объявление войны эти буржуазные государства не решаются. Это объясняется прежде всего внутренним положением этих стран, тем уроком, который эстонская и латышская буржуазия получила со стороны русских белогвардейцев,

которых она приютила у себя. Мне кажется, не в последней степени их молчание объясняется и тем, что они, как трезвые политики, великолепно знающие соотношение сил, отдающие отчет себе в тех отрядах, которые под их крылышком формировались, учитывают положение. Белые могут нанести некоторые неприятности, заставить нас неделю-другую напрягать последний мускул, могут заставить Петроград мобилизовать всех до последнего человека, но они великолепно понимают, что с такими силами, какие есть у русских белогвардейцев, они нас победить не могут. Надо сказать, что цель отвлечения наших сил с Южного фронта Юденичем безусловно в значительной мере достигнута. Да, действительно, нам пришлось, в связи с нестойкой нашей армией здесь, в связи с нападением на Петроград, апеллировать к общему запасу Красной армии, искать на других фронтах, в частности на таких, где положение было натянуто.

Как ни трудно снимать какие-либо части, однако, ни у одного члена Совета Народных Комиссаров не было ни малейшего колебания, когда вопрос стал ясно обнаруживаться, что для спасения Петрограда надо бросить значительное количество сплоченных лучших воинских частей на наш фронт. С этой стороны Юденич достиг известного успеха; он облегчил положение Деникина и до известной степени положение Колчака. Я думаю, товарищи, что нам остается взять за это реванш в такой форме: раз мы отвлекли силы с других фронтов на некоторое, надеюсь, короткое время, надо добиться того, чтобы использовать внешнее положение полностью, окружить противника и не только отодвинуть, как было в майское наступление белогвардейцев, не только оттолкнуть их назад к границам Эстляндии, но на этот раз полностью и беспощадно истребить те жалкие отряды, которые бросаются на нас! (Аплодисменты).

Товарищи, то обстоятельство, что мы имеем перед собой немногочисленные отряды, создает своеобразное положение на нашем фронте, отличное от других. На Колчаковском фронте месяца 3—4 тому назад, а на Южном еще и в настоящее время мы имеем войска компактных масс, крупнейшие группы, исчисляемые десятками и сотнями тысяч. Между тем, у нас здесь мы имеем лихие наезднические отряды налетчиков, которые, все вместе взятые, составляют каких-нибудь по

численности две, самое бо́льшее, три тысячи человек. Здесь, повидимому, противник имеет квалифицированные силы. Через финляндскую границу переводили офицера за офицером. В течение двух лет они поднакапливались, их одевали, обували, умывали, причесывали на английские деньги и собрали, таким образом, две-три тысячи отборных белогвардейцев.

Между прочим, характерная мелочь: наши товарищи утверждают, что среди белых, борющихся против нас, много представителей офицеров старой гвардии, тех самых, которые воспитывались во всех этих Гатчинах, в Красном Селе, в Детском Селе, во всех местностях, которые они знают, как свои пять пальцев, где многие из них выросли под крылышком своих папенек, где они начинали свою военную карьеру, в местах, с которыми они свыклись, где они знают каждую тропинку. Эти группы людей, превосходно вооруженных англичанами, разбившихся на мелкие кучки и пользующихся тем, что наша армия, стоящая на фронте в болотах уже несколько месяцев, поддавшись иллюзиям, что скоро будет мир с эстонцами, ослаблена, а также пользующихся тем, что из нашей армии взяты некоторые части и переброшены на Южный фронт, равно как и выкачены лучшие политические силы, — эти группы делают ночные набеги. Эти маленькие группки в 50—100 человек, делают ночные набеги то в одном, то в другом месте, действуют нахально, дерзко, опираясь на некоторую рыхлость крестьянских частей нашей армии, и, благодаря этому, достигают тех успехов, которые у них имеются. Они добились того, что наша армия несколько дней переживает нечто вроде эпидемии тревоги, страха, паники, особенно, когда они наступают ночью. Достаточно им пустить две ракеты, сделать один выстрел, достаточно появиться маленькому конному разъезду, и начинается бегство. Это тяжелый момент, когда армия заболевает такой болезнью! Мы это видели в мае. Мы испытали это тогда не в меньшей степени, чем теперь. Полоса эта была пережита, и нам кажется, что того, что мы переживаем сейчас, никогда еще не бывало, а между тем тогда было то же самое, что мы переживаем теперь.

Однако, надо сказать, что между тем, что было тогда и есть теперь—большая разница. В мае и в июне мы не раз должны были констатировать переход на сторону белых. Целый ряд частей, пресловутый Семеновский полк, отдельные роты, батальоны, целый ряд отрядов переходили на сторону врага.

В течение же этой кампании, я должен заявить, что, несмотря на все неудачи, до сих пор не установлено ни одного факта перехода на сторону белых сколько-нибудь крупной части, даже роты и взвода. Этого нет. (Аплодисменты). Напротив, настроение небывалого подъема. Я встретил в болотах две роты в 200 человек, которые говорили, и это правда, что, в силу нашей безрукости, они получили хлеба только полфунта, а за это время прошли 15 верст взад и вперед и еще раз вперед. И, несмотря на это, товарищи рвутся в бой. Без всякого преувеличения! Это не ложно-классическая фраза, это не выдумка, это факт! Они готовы принять бой, они ищут его, они возмущаются тем, что недостаточно опытный командный состав заставляет их трепаться взад и вперед, вместо того, чтобы причинить желанный вред белогвардейцам. Настроение отступающей армии, отступающей при таком отчаянном положении, тем не менее, определенно и ярко враждебно белогвардейцам. Оно совершенно определенно выражается в пользу Советской власти. Разумеется, это не маловажный фактор. Этот фактор, если не скажется сегодня-завтра, через неделю или через две скажется. И это безусловно решающий фактор!.. Своеобразная обстановка нашей войны заставила нас поставить вопрос о внутренней обороне. Может-быть, случится, что белогвардейцам удастся ворваться в Питер, но было бы безумием для них надеяться удержать Петроград. Если они ворвутся только на два дня, это колоссальный успех для них. Они перерезали бы несколько тысяч лучших рабочих, они взорвали бы водопровод, крупнейшие фабрики и заводы, испортили бы железные дороги, нашумели бы, накричали, перебили бы массу посуды. С их точки зрения, что они теряют? Это люди, которым терять нечего. Они уже всё потеряли. Разумеется, за этот лихой набег их ласково погладит по головке и английская, и французская буржуазия.

Вот почему, может-быть, они пойдут на такой лихой набег, не рассчитывая даже удержать Петрограда. Это обстоятельство заставляет нас поставить вопрос ребром. Вчера ночью одно время казалось (ночью положение вообще бывает тревожное, солдаты пугливее, каждый ночной шорох их пугает), что дело склизко. Это может повториться и сегодня, и завтра. Вот почему мы абсолютно не должны допускать небрежности, которая все-таки замечается в наших рядах. Не может быть сомнения

ни на одну секунду, что Петроград останется нашим, что мы похороним эту шайку в две-три тысячи человек, которая идет к нам. Но нельзя, товарищи, закрывать глаза на то, что набег на Петроград все же возможен, что эти господа могут попытаться ворваться сюда и повторить то, что было в прошлом году в Ярославле. Помните, что когда они ворвались в город на несколько дней, то перебили наших лучших товарищей, заставили нас бомбардировать город и разрушить на три четверти. Этой опасности надо смотреть прямо в глаза. Надо будить рабочих. Отклик, который был результатом нашей тревоги, недостаточен. Мобилизация проходит недостаточно удовлетворительно. Число вооруженных людей ничтожно. Пока настоящей военной боевой организации в Петрограде мы еще не имеем. Она еще в самом зародыше. Не видно еще той тревоги, волнения и готовности среди самых широких кругов петроградских рабочих и работниц, которые должны быть и будут не сегодня-завтра. Нынешнее собрание Петроградского Совета должно сделать все зависящее от него, чтобы еще раз ударить в набат, не услаждаться сладкими надеждами. Победа в конечном счете обеспечена, но Петроград пока еще не застрахован от того, чтобы, хотя на короткое время, не попасть в руки белогвардейцев. А это что будет означать? Это будет означать не только гибель тысяч наших лучших товарищей, это будет означать величайший материальный урон и моральный урон Советской Республики.

Что подумают рабочие других стран, если они увидят, что шайка в две-три тысячи человек ворвалась не куда-нибудь, а в Петроград, несмотря на то, что мы были предупреждены в течение недели, готовились, хотели отбить их, что центральная Советская власть щедро шла на помощь? Всякой беспечности, всякой халатности, всякому добродушию должен быть положен конец немедленно. Положение грозное, небывалое, Петроград может любой ночью попасть в положение, в какое попал в прошлом году несчастный город Ярославль. Это не должно быть допущено, и на это есть возможность. Центральная Советская власть делает все, что может, для того, чтобы придти на помощь Петрограду.

Необходимо, с другой стороны, разбудить активность здесь. Я обращаюсь к товарищам железнодорожникам, которые здесь присут-

ствуют; стыдно сказать, но грех утаить, что у нас, несмотря на то, что все зависит от быстрого переброса эшелонов, которые сняты часто с важных фронтов, они все еще иногда простаивают на одном вокзале, ожидая переброса на другой по полтора дня. Переброс бронепоезда с Николаевского на Балтийский вокзал иногда берет полсуток и больше. Говорят, что иначе нельзя, что так было при царе, что все сделано. (Голоса: Позор!). Товарищи железнодорожники должны серьезно взять в руки тех господ, которые вольно или невольно тормозят такие вещи, как переброска эшелонов и бронепоездов. Я обращаюсь к рядовым железнодорожникам и говорю, что не полагайтесь ни на кого, смотрите в оба, проверяйте каждого, заявляйте, если видите халатность, сделайте так, чтобы переброска производилась не так, как при царе и при буржуазии, а чтобы она была самым быстрым темпом, такой, какой она нужна нам, когда судьба Петрограда зависит от быстрого переброса наших эшелонов и бронепоездов.

Петроградские рабочие - железнодорожники и рабочие, живущие в районах железных дорог, должны поставить себе одной из важнейших задач добиться с сегодняшнего вечера строжайшего контроля. Надо смотреть в 50 глаз за каждым чиновником, который имеет возможность оттянуть дело хоть на одну минуту. Надо брать за горло каждого из них, который оттягивает. Мы будем ставить к стенке беспощадно тех, кто допускает небрежность, халатность, не говоря о преступности. То же самое относится к такому делу, как шитье шинелей. Сукно у нас есть в большом количестве. Мы можем одеть пять армий таких, как наша, у нас есть много рабочих портных, портних, есть старики портные, которых мы не мобилизуем и не можем мобилизовать. Тем не менее, у нас недостаток в шинелях есть. Было время, когда у нас шили 200 — 300 шинелей в день. Сейчас армия требует 3.000 шинелей в день, и Петроград должен дать не по 3.000, а по 6.000, 10.000 шинелей в день, раз это надо для спасения Петрограда и Красной армии. Мы можем и должны это сделать! Каждый район должен поставить среди работниц этот вопрос, двинуть его немедленно.

То же самое с продовольственным делом. Я говорил мимоходом, как обстоит дело с продовольствием. Фронт находится в 15-ти верстах от Петрограда, рукой подать. Но дивизии, находящиеся в тяжелой обстановке, под

перекрестным огнем, тревожимые каждую ночь белогвардейцами, порой отступающие, не успевают быстро налаживать аппарата снабжения. Нужны особые революционные меры снизу, нужна громадная инициатива в рабочих и работницах, нужно, чтобы члены Петроградского Совета нашли пути, не нарушая строгой системы в армии, придти ей на помощь, помогая на каждом шагу, создавая такую обстановку, при которой все движется, как по маслу. А у нас этого нет пока. Достаточно сказать, что даже газет, как я убедился, не сумели во-время доставить армии. По 2—3 дня в обстановке отступления армия не имеет петроградских газет, к которым так привык каждый красноармеец, которые он так ценит, одобряет и которые служат для него учителем... Сегодняшний Совет должен закончиться как можно быстрее, и товарищи должны отправиться в районы для того, чтобы удесятерить число сил, которые есть, не допускать ни малейшей паники, чтобы всякому, кто сеет панику, отрезать язык, чтобы не было такого позора, как, напр., у Нарвских ворот: останавливает товарищ и говорит, что у «Привала» сотни раненых. («Привал» — это трактир за Нарвской заставой). И это повторяют наши взрослые товарищи. Если бы это пошло дальше, если бы это вышло за Нарвские ворота, это вызвало бы такую панику, которая принесет колоссальный вред. Надо запастись достаточной долей спокойствия, нужно проверять каждый слух, каждого человека, который распространяет такой слух, надо отдавать под суд, нужно прибегнуть к строжайшему применению революционного трибунала, надо создать такое положение, при котором каждый понимал бы, что он отвечает за каждое слово. При той обстановке, какую переживает Петроград, мы не позволим шутить.

Вот задачи, которые стоят перед нами. Если мы напряжем силы, если не будет колебаний, которые заметны, если не будет холодности, равнодушия и чрезмерного оптимизма, что, дескать, мы все равно победим, — то мы победим, и тем скорее и вернее, чем менее будем беспечны и чем более будем смотреть опасности прямо в глаза... Положение на других фронтах обнадеживающее. На Южном фронте мы дождались начала перелома. Мне кажется, это можно сказать смело после взятия Киева и после того, как мы подходим к Воронежу и Орлу. Тот перелом, которого мы ждали и глаза проглядели, ожидаючи

его начала, наступил. В тылу у Деникина мы имеем события на Кавказе, Деникин вступает в борьбу с Петлюрой и поляками, на него напирает Красная армия. Это решающий фактор. Маленькая заминка на Восточном фронте на наших глазах сменяется поворотом событий в лучшую сторону. Ясно, что там наша армия опять выздоровела. Те причины, которые привели к некоторой неустойчивости, отпали. Мы опять идем вперед Если так, то у нас есть основание надеяться, что мы победим всех врагов. Все их надежды на то, что в наш юбилей они будут праздновать тризну по Советской власти, развеются прахом. Во вторую годовщину Советской власти мы будем стоять крепче и прочнее на ногах, чем когда бы то ни было. (Продолжительные аплодисменты).

Стеногр. отч. Петрогр. Совета 19 окт. 1919 г.

Речь тов. Троцкого.

Товарищи, мне остается немногое сказать после речи товарища Зиновьева относительно ближайшего к вам и сейчас наиболее важного для всей страны фронта Петроградского. Но я считаю необходимым остановиться, хотя бы в коротких общих чертах, на положении на всех наших фронтах для того, чтобы положение Петрограда уяснить себе в общей связи военных событий. Таким образом я более детально подчеркну те места, которые товарищ Зиновьев охарактеризовал в общих чертах в заключение своего вступительного слова. Как и прошлый раз, когда я докладывал Петроградскому Совету, Северный фронт был наиболее спокойный, так и теперь он остается таким же; там произошли, однако, события целиком в нашу пользу: оттуда эвакуировались англичане, которые перед тем долго угрожали нам. На Северном фронте, вместо английского главнокомандующего, — русский главнокомандующий, белогвардеец, который в своем приказе по войскам и по области в последних числах прошлого месяца призывает не поддаваться панике, с одной стороны, с другой стороны, открыто признает, что белым после того, как англичане покинули Беломорское побережье, придется, вероятно, эвакуировать Архангельск и перенести свою базу на Мурманское побережье. Стало быть, на этом участке фронта мы не можем ждать каких-либо неожиданных неприятностей, хотя несомненно, что те затруднения, которые испытывает за последнее время Петроградский фронт, воодушевят, поднимут бодрость или наглость у остатков белогвардейщины на Северном фронте. Товарищ Зиновьев указал здесь на то, что мы за последнее время переживали заминку на Восточном фронте, который последние месяцы был наиболее победоносным. На фронте, где наши войска в течение двух с лишним месяцев прошли с запада на восток около тысячи верст, несомненно, наблюдалась заминка. Она явилась не следствием какого-либо разложения или распада наших частей, она явилась в значительной мере

результатом механического ослабления сил, их численности. Мы с Восточного фронта — это не тайна ни для кого — сняли не одну дивизию для других фронтов, в частности и в особенности для Южного.

Кроме того, вы знаете, что Колчак, потерпев решительное поражение под Пермью, под Челябинском, оттянул остатки своих войск глубоко в тыл, там их доформировывал, преобразовывал. В течение известного периода времени наши войска Восточного фронта продвигались почти без сопротивления, и, когда они по инерции движения прошли еще сотни и тысячи верст, они натолкнулись на барьер, на пополненные и сколоченные остатки колчаковских войск. Точно так же, как отдельный человек, который разбежится и потом бежит по инерции и в известный момент на известном пункте натолкнется на барьер, отшатнется, — так и армия, которая уже автоматически продвигалась и последние недели без сопротивления, натолкнувшись на сопротивление Колчака на известном этапе, отшатнулась на несколько десятков верст назад и сосредоточилась на западном берегу Тобола. Но за последнее время она подтянула туда свои резервы и перешла в наступление по всей линии фронта. Те события, которые произошли там за последние дни, — я не стану затруднять вашего внимания чтением последних оперативных сводок, — но я могу сказать, что события, которые произошли там за последние дни, имеют для остатков колчаковской армии столь же решающее значение, как большие бои под Пермью, под Екатеринбургом, под Челябинском имели в свое время для всей основы, для всей толщи колчаковской армии. Мы получили донесения за последние два-три дня о разгромленных начисто основных дивизиях Колчака, о захваченных у него десятках орудий, сотнях пулеметов и прочей военной добычи, о том, что враг разбит, рассыпался и отступает панически, и что наши войска победоносно продвигаются вперед по всей линии фронта. Это значит, что временная заминка там ликвидирована. При этом к чести Восточного фронта нужно сказать, что он из нового временного затруднения вышел целиком собственными силами, без поддержки остальных фронтов.

На Южном фронте картина, действительно, еще далеко не так благоприятна, как на фронте Восточном. Здесь борьба гораздо суровее, здесь силы врага несравненно многочисленнее, здесь дело идет именно не о десятках, а о сотнях тысяч солдат с обеих сторон. Как вы знаете, здесь,

на Южном фронте, величайшим орудием Деникина является его богатая донская и кубанская конница, в области которой мы не могли ему противопоставить ничего равноценного, потому что конница всегда была, как я подчеркивал в прошлый раз, во всей истории наиболее консервативным, реакционным родом оружия, и реакционно настроенный по своему политическому и социальному составу. Дон, Кубань, степи, Астраханская губерния, Оренбургская, Тургайская область, Уральская, т.-е. наиболее отсталые части страны, являются той территорией, где выросла и воспиталась коренная русская конница. Русским пролетариям приходится только взбираться на коня, только усаживаться в седло и обучаться кавалерийскому делу после того, как для нас стало ясно, что в гражданской войне, в подвижной, маневрирующей по преимуществу и по существу, нам необходимо создать свою собственную революционную конницу.

Мы ее создадим и в этом отношении нагоним и обгоним нашего врага. Но тот период, в течение которого мы приспособляемся к особенностям Южного фронта, когда мы учимся, создаем свою конницу или свои орудия отпора кавалерийским атакам, этот период явился для нас глубоко болезненным и тяжелым. На Южном фронте мы потеряли ряд опорных важных пунктов и широкие территории, которые явились для Деникина резервуаром для мобилизации многочисленных масс. Я, однако, целиком присоединяюсь к выводам товарища Зиновьева о том, что и там в основном перелом уже достигнут, и достигнут не только непосредственно в военном отношении. Он достигнут прежде всего тем, что, несмотря на предшествовавшие военные поражения на Южном фронте, наши политические силы обнаружились там во весь рост. Мы имеем на Южном фронте, в течение последних полутора-двух месяцев, два гигантского значения политических опыта: во-первых, измена казачьего полковника Миронова, во-вторых, кавалерийский налет—рейд генерала Мамонтова, который ворвался в Новохоперск, в Тамбовскую губернию, захватил Рязанскую губернию, Тульскую, Воронежскую, Курскую, имел в своем распоряжении около семи тысяч сабель и хороший командный состав, и выбирал свой путь по наиболее богатым контр-революционным частям южных губерний. Прежде всего он ворвался в Тамбовскую губернию, губернию кулацкого, контр-революционного, буржуазного

элемента деревни и поднимал везде знамя восстания, подкрепляя его аргументами казацкой шашки и пики, знамя восстания кулачества против Советской власти. Весной этого года почти по всей стране Советской России прокатилась волна крестьянских кулацких, даже середняцких контр-революционных восстаний. Казалось, когда было бы и ожидать восстаний богатых кулаков крестьян в южных губерниях России, как не теперь, теперь, когда на помощь кулачеству явился целый конный корпус, серьезная сила! Этот конный корпус в глазах Мамонтова и его хозяина Деникина был кристаллом, который опускался в насыщенный раствор Советской России; вокруг этого кристалла должна была обрасти сельская и городская буржуазия, развернуться контр-революция в виде открытого восстания буржуазии и сельских и городских масс. Что мы видели на деле? Мы видели, как корпус Мамонтова, подобно комете с грязным хвостом грабежей и насилий, пронесся по целому ряду губерний. Нигде решительно Мамонтову не удалось поднять восстания, хотя бы только кулаков против Советской власти. Чем это объясняется? Тем, что крестьяне, не только середняки, но даже и кулаки поставлены были перед необходимостью выбирать открыто в военном смысле между властью Советской и властью контр-революционного монархического засилья, генералом, и он, кулак, пассивно, а середняк активно, голосовал делом за Советскую власть, не поддержал Мамонтова ничем и без всякого сопротивления вернулся снова в рамки Советского режима.

Товарищи, мы прошли в значительной мере мимо этого факта, не оглянулись на него, не оценили его достаточно, а между тем этот факт знаменует собой колоссально возросшее ко второй годовщине политическое могущество Советского режима в деревне. Это же доказано было по отношению к наиболее реакционному слою и реакционной части населения страны, к середняцкому казаческому населению Дона, восстанием Миронова. Миронов поднял лозунги, какие в свое время поднимались правыми, а затем левыми эс-эрами, лозунги демократии, Учредительного Собрания, под именем так-называемых народных советов: «Долой засилие партии коммунистов, долой чрезвычайки, да здравствуют трудящиеся массы!»—лозунги, популярные для среднего обывателя, для мещанина в городе и для крестьянина и казака-середняка. И Миронов на Дону имел колоссальную популярность. Вся борьба, все восстания

низов против верхов казачества там поднимались в виду дуэли между народным героем Мироновым и генералом Красновым. Этот Миронов, которому мы дали средства формирования, вооружения, снабжения, этими популярными для отсталых масс деревни лозунгами поднял восстание. Он надеялся стать на Дону хозяином положения в течение нескольких недель, может быть, дней. И что же? Дон отверг его в лице нашего конного корпуса, в лице нашей 23-й дивизии, которой он раньше командовал, и которая в значительной части, в большинстве своем, состоит из кавалеристов. В казаках он не нашел никакой поддержки, и несколько сот казаков, под командой одного казака, окружили его отряд и без единого выстрела овладели этим отрядом и самим Мироновым. Миронову нельзя отказать в искренности, он типичный представитель мещанства, середняцких мелкобуржуазных слоев казачества, ему не чужд авантюризм, внешний карьеризм, связанный с интересами средних слоев казачества, но ему не чужда также и искренность. Он первым делом выступил с заявлением, что ответ должен нести он, ибо он других увлекал и вовлекал в то время, как его сподвижники продавали его и отрекались от него. Этот Миронов, наученный опытом того отпора, который дала ему сколько-нибудь пробужденная казацкая среда, заявил,— и его заявление не было трусливым лепетом ребенка, а было заявлением прозревающего революционера, отметающего ряд иллюзий,—он заявил, что его действия были политически глубоко преступными, что падение партии коммунистов, в чем он теперь убежден, было бы величайшим несчастьем для дела революции, и он молил об одном, чтобы ему дали возможность своею смертью в бою загладить преступление, какое он совершил. Вы знаете, что Центральный Исполнительный Комитет даровал ему жизнь, и в той или в другой форме Советская власть даст ему возможность загладить свое преступление и войти в историю донской борьбы в качестве честного борца. Но что означает судьба его восстания, его затеи? Она означает, что если царский генерал Мамонтов не способен поднять восстания самых контр-революционных элементов деревни лозунгами единой и неделимой России (будто бы единой и неделимой, которую они делят и распродают), лозунгами самодержавия, православия, народничества, если он этого не может, то на Дону мы замечаем еще большее чудо: мелкобуржуазный демократ оказывается

уже неспособным поднять восстания средняцких элементов казачества против господства пролетариата и деревенских низов.

Это значит, что мы стали политически несокрушимы, что против нас может бороться концентрированная, вооруженная, организованная сила генералов-империалистов, которые палкой и плетью гонят мужиков и рабочих в свою армию, но между этими генералами-империалистами уже не может быть никакой партии, никакой группы, никакого знамени, вокруг которого способны были бы идейно-политически объединиться сколько-нибудь широкие слои хотя бы отсталого, среднего элемента деревни. Таким образом, политически мы стоим теперь, несмотря на голод, несмотря на разруху, несмотря на двухлетнюю гражданскую войну, крепче, чем когда бы то ни было, и не только в городах, где новые и новые тысячи пролетариев входят в ряды нашей партии, коммунистической партии; уже партийная неделя в Москве, например, дала свыше тринадцати тысяч новых членов, не только в городах, но и в деревнях, не только среди сельской бедноты, но среди средняков, и не только в губерниях, близких к промышленному центру, но и в тяжеловесных, отсталых губерниях юга, даже на Дону, где, чем дальше, тем глубже антагонизм между донцами и кубанцами, с одной стороны, и Деникиным, с другой. Эта колоссальная на вид гора Деникинского могущества все больше и больше подкапывается, с одной стороны, ударами, с другой стороны, внутренним социальным, политическим и национальным антагонизмом. Все сведения и печать Дона и Кубани говорят о том, что антагонизм между этими областями и Деникиным достиг высшей остроты: Дон и Кубань отпали от Советской власти в лице своего казачьего кулачества, которое вело шайку средняков, но, конечно, они не думали о походе на центральную Россию, они не думали о походе на Москву. Они пережили тот самый период, какой переживало крестьянство всей России, когда оно разочаровалось в известных чертах Советской власти и пыталось восставать против нее, до того момента, пока Колчак и Деникин не научили их уму-разуму.

Теперь пришла очередь для Дона и Кубани. Там Деникин выколачивал за этот год со всей энергией, в которой ему отказать нельзя, все предрассудки даже отсталых слоев казачества. Мы стоим перед вероятностью, перед неизбежностью, что три четверти, если не девять десятых донских и кубан-

ских казаков открыто будет вынуждено повернуть свой фронт против Деникина и протянуть нам руку. Они встретят сочувственную руку помощи, которая будет протянута с нашей стороны. Наша политика по отношению к крестьянству за последний период в значительной мере направлялась на соглашение с крестьянами середняками. Даже на Дону и на Кубани, которые в течение известного периода времени были как-будто непоколебимым резервуаром контр-революции, наша политика должна будет в ближайшую эпоху направляться на соглашение с казаками середняками, с теми казаками середняками, которые выдвинули Миронова, как героя, как вождя, и вместе с героем этим провалились. Они должны будут понять и признать, что спасение трудового казачества идет только через соглашение с рабоче-крестьянской властью. Все это, товарищи, явления, которые не в двадцать-четыре часа развертываются. Конечно, дело Красной армии важное, от нее непосредственно зависит исход борьбы, но самое дело Красной армии зависит от соотношения классовых сил, от политического отношения группировок; в этом смысле группировка на Дону и на Кубани складывается, как нельзя быть лучше. Товарищ Зиновьев упомянул о событиях на Кавказе. Здесь я не могу отказать себе в праве прочитать вам свежее телеграфное сообщение, которое я получил третьего дня вечером от одного из выдающихся работников Закавказья, который пробрался теперь в пределы Советской России. Это превосходно осведомленный товарищ, коренной кавказец, который, на основании собственных наблюдений, продолжавшихся более года, в то время, как он был отрезан от нас, дает картину того, что происходит сейчас на Кавказе:

«Всеобщее общественное мнение Кавказа приковано к начавшемуся в конце августа восстанию горных народов Кавказа—дагестанцев, ингушей, чеченцев и кабардинцев. Вдохновителями и руководителями восстания являются духовные вожди горцев, всегда шедшие с народом и за народ—Али-Аджи Окушин. Кроме кучки изменников и предателей офицеров, продавшихся Деникину, все слои горных народов, не имея ниоткуда помощи, но доведенные до отчаяния зверствами Деникина, решительно отказались платить наложенную контрибуцию, дать требуемые полки для борьбы против Советской власти. С одними винтовками и кинжалами, т.-е. без пулеметов и без орудий, бросились они в кровавый

бой с офицерскими казачьими бандами, решив победить или умереть. Всеобщий энтузиазм, доходивший до фанатизма, охватил также женщин, детей и стариков, на которых ложится все сложное дело снабжения фронта и повстанческих отрядов, ибо все мужчины поставлены под ружье. На арбах и лошадях самое небоеспособное население подвозит на фронт для бойцов все, что имеется в аулах. Все новые и новые победы окрыляют повстанцев, проявляющих чудеса героизма, а громадная военная добыча подкрепляет отряды, обеспечивая их вооружением, которого у горцев очень немного. В ряду боев одними дагестанцами захвачено: более трех миллионов патронов, 16 орудий и несколько десятков пулеметов; уничтожен целый гарнизон на горном пункте Дагестана, где убитых казаков более 3.000 человек. По полученным в газете «Айзарбейджан» (белогвардейская газета) сведениям, 28 сентября под Грозным разыгрались крупные сражения между горными повстанческими частями и 4 полками корпуса Шкуры, переброшенными с Советского фронта специально для подавления горного восстания. Взяты громадные трофеи: 28 орудий, 31 пулемет, 48 тысяч винтовок, большое количество патронов, обоз, взяты в плен и изрублены 800 человек; остатки добровольцев отступают к Кизляру. К 7 октября повстанцами были очищены от Деникина опорные укрепленные пункты, заняты города Грозный, Темир-Хан-Шура и Дербент».

Вот, товарищи, картина событий, которые происходят сейчас на Кавказе. Это могучее восстание в непосредственном тылу у Деникина. И мы здесь читаем о том, что он снял часть корпуса Шкуры, — лучшие свои воинские части — с Советского фронта и перебросил туда. Более того, — представителю Мамонтова заявили в Айзарбейджане, что если они не выступят непосредственно против восстания горцев, то он, Деникин, снимет новый корпус с Советского фронта, для того, чтобы сокрушить весь Айзарбейджан. Стало-быть, у нас на Южном фронте прибавилось несколько новых красных дивизий, которых мы не формировали, не вооружали и не снимали с других фронтов. Это горцы, свободолюбивые горцы бедняки, восстали против издевательств, насилий и истязаний Деникинских банд, и мы с вами можем сказать им: Добро пожаловать, товарищи горцы, наши новые союзники, честь вам и место в нашей Советской семье. (Аплодисменты).

Опять-таки я могу только присоединиться к словам товарища Зиновьева относительно огромного политического значения того раскола и той уже вооруженной борьбы, которые происходят теперь между Деникиным и Петлюрой. Конечно, Петлюра не представляет собою ни серьезной военной силы, ни серьезной политической фигуры, но за спиной Петлюры уже сейчас стоят в значительной мере буржуазная Польша и буржуазная Румыния и вооружают и снабжают Петлюру и поддерживают его против Деникина. Почему? Потому что они боятся победы Деникина, который, разумеется, несет смерть и гибель самостоятельному существованию всех маленьких народов. Деникин заявил, что он не признает независимости Польши, а только ее автономию. Он заявил, что не признает хохлацкого языка, что государственным языком должен быть язык великорусский.

Он уже сейчас подверг население, помимо других материальных издевательств, издевательству национальному и восстановил украинское мещанство и украинскую буржуазию против себя. Таким образом, он поколебал ту социальную базу на Украине, из которой мог черпать для себя силы как в военном, так и в социально-политическом смысле. Все это не может не ослаблять Западного фронта. Еще месяца три-четыре тому назад можно было опасаться, бояться, а буржуазия Антанты могла надеяться, что Деникин, соединившись с поляками, т. е. соединив Южный фронт с Западным, пойдет совместно на Москву. Теперь же мы можем с полным основанием сказать, что если Деникин и соединится с поляками, то главным образом для того, чтобы вцепиться друг другу в глотку, потому что они понимают, что они друг другу смертельные враги.

Это нас в политическом смысле чрезвычайно укрепило на Западном фронте. Мы считали Западный фронт второстепенным, а Южный, как раньше,—первостепенным. Когда я говорил о второстепенности Западного фронта, я имел в виду то, что нам противостояли второстепенные военные силы. Мы при этом мысленно, конечно, исключали Петроград, потому что та часть фронта, в которую входит Петроград, как борец, или Петроград, как город, которому угрожает опасность, эта часть фронта не может ни в коем случае быть второстепенной. Мы переживали период, в течение которого казалось, что судьба Петрограда ограждена и обеспечена от каких бы то ни было опасностей, и даже некоторые товарищи, полу-

шутя-полусерьезно, говорили о том, что не пора ли подумать о том, чтобы перенести Советскую столицу снова в Петроград, перенести ее снова на берега Невы. Финляндская буржуазия увидала себя вынужденной отказаться от наступления на Петроград; эстонская буржуазия, боровшаяся с нами, оказалась вынужденной всем ходом внутренних событий и событий внешних отказаться от мысли поддерживать империалистический поход против Москвы и Петрограда. Седьмая армия, которая сражается здесь и защищает нашу Красную столицу, революционная седьмая армия упиралась в границы Финляндии и Эстляндии, и казалось, что у ней нет задачи: она топталась на месте, в ней создавалось настроение как бы бесцельности ее существования; в основном на границах Финляндии и Эстляндии ее задача казалась разрешенной, и мы—этого нельзя утаивать—снимали с фронта седьмой армии и хорошие части, и лучших работников, и командиров, и опытных военно-политических работников. Это, конечно, не могло не ослабить седьмой армии. Но, повторяю, больше всего ее ослабило сознание, что перед ней нет более важных, решающих задач. Это ослабило внутренний режим.

Товарищи, армия не есть естественный организм, армия не есть организм, который создается производством, хозяйственным, промышленным трудом. Те связи, соединения, которые создаются в деревне, в селе, на фабрике или заводе,—я не говорю об отношениях, которые создаются в семье,—гораздо прочнее, естественнее, органичнее. Те связи, те отношения, которые существуют в армии, они в значительной мере чувствуются каждым участником, определяются, как искусственные отношения. Каждый из нас не стремится вырваться из труда, мы знаем, что мы будем работать всегда, но каждый из нас стремится вырваться из армии, скорее закончить дело войны и перейти к хозяйственному, культурному строительству. Вот почему, когда нажим внешних обстоятельств прекращается или ослабевает, ослабевает и внутренний военный режим в армии; это наблюдалось и у вас в седьмой армии, которая считалась за последние недели армией второстепенной не потому, что Петроград второстепенная величина,—ясно, что это не так,—а потому, что казалось, что опасность, ему угрожавшая, отходит в прошлое.

К этому прибавлю переговоры с эстонцами, с латышами. Какую роль играли эти мелкобуржуазные парламентарии Эстонии: были ли они

сознательными обманщиками, провокаторами, агентами Юденича или же поддерживая пассивно, а в значительной мере и активно Юденича, по давлением Антанты, они в то же время стремились как-то найти опору с левого фланга — со стороны Советской России — это для нас все равно. Мы не обязаны распространяться о психологии эстонских и латышских меньшевиков и кадетов, но факт таков, что роль, какую они сыграли, была роль того белого флага, который наиболее предательскими вероломными частями выкидывается иногда для того, чтобы обмануть врага, подпустить его на близкое расстояние и потом всадить ему нож в грудь, в бок или спину. Эти переговоры о мире до настоящего момента со стороны Эстляндии и Латвии имели как бы характер опиума, они имели в виду усыпить сознание значительной части Красной армии, поселив в ней уверенность в том, что война на этом фронте близится к концу, для того, чтобы затем напустить на нас цепную собаку Антанты — Юденича, и позволить ему вырвать клок мяса из тела Советской России. Во всяком случае, в дальнейшем как бы ни шли переговоры, мы под военным углом зрения должны быть гораздо осторожнее, бдительнее, внимательнее и недоверчивее по отношению к этим мелкобуржуазным соглашателям, вольным или невольным агентам Антанты. Мы вместе с тем должны себе сказать, что близится время, когда Эстляндия и Латвия должны будут сказать себе, мирятся ли они с нами, или воюют с нами, ибо мы не можем, как по отношению к Финляндии мы не могли терпеть политики Маннергейма, так же и по отношению к Эстляндии и Латвии Советская Россия не может терпеть долго такого состояния, когда эти страны с нами не воюют, но в то же время поддерживают Юденича, Балаховича, Родзянко, Ливена и от времени до времени выпускают их против нас. Мы мириться хотим, — с каким чувством по адресу буржуазии этих стран, все равно, — но мириться хотим из трезвого расчета, считая, что и худой мир лучше доброй ссоры. Но мы не можем взять на себя всех отрицательных сторон и мира, и войны. Мы заставляем нашу армию топтаться перед границами Финляндии, Эстляндии и Латвии, мы заставляем ее не переходить к открытой борьбе и в то же время даем право буржуазии названных стран накапливать у своей границы силы и выбрасывать на нас, когда это заблагорассудится Антанте. Вот почему наша нынешняя борьба на Петроградском фронте является не

только отпором налету на Красный Петроград, и имеет своей задачей не только истребление банд Юденича, Родзянки, Ливена,—нет! эта борьба должна в своем дальнейшем и скором развитии ребром поставить вопрос перед Эстляндией, перед Латвией.

Я думаю, что мы в течение ближайшего периода здесь сосредоточиваем и сосредочим достаточную силу для того, чтобы поставить эти страны не только перед доводами разума, перед доводами политической логики, но поставить перед доводами реальной силы, чтобы показать, что мы на этом фронте явились достаточно могучими, чтобы мир с нами был выгоден для Эстляндии и Латвии, которой сейчас угрожает небезызвестный атаман Гольцев. Я не буду останавливаться на этой главе; во всяком случае поучительно, что история выдвинула фон-дер-Гольца, бывшего константинопольского пашу, превратившегося в русского атамана. Гольцеву поручили отстаивать единую неделимую Россию; большего издевательства нельзя себе представить. Эти люди нас обвиняли в свое время в союзе с кайзером, в пренебрежении интересами России, говорили о священной национальной ненависти к немцам, как вековому врагу русского народа; теперь история, повторяю, выдвинула самого презренного реакционера, авантюриста, который крестился в мусульман-манскую веру,—его показали, как выразителя высшей идеологии русской буржуазии, все равно милюковской, деникинской, колчаковской или какой-либо другой марки. Фон-дер-Гольц-паша—вот подлинный вождь, то, что мы можем сказать перед лицом всего народа. Это опять до последней степени упрочивает наше политическое положение, наши политические позиции. Дело мелкобуржуазных демократий на западных окраинах становится труднее. Фон-дер-Гольц не столько немецкий агент, сколько агент французской буржуазной республики. Между молотом Антанты, в руках которой фон-дер-Гольц только орудие, и наковальней русской и мировой революции, находится мелкобуржуазная демократия западных окраин. Западный фронт нам не угрожает, но та часть Западного фронта, его северо-западная часть, где живет и дышит израненный, но еще крепкий Петроград, эта часть фронта находится сейчас под угрозой. Товарищи, если употребить вульгарное сравнение, в той игре, которую мы ведем, в той политической, мировой, исторической колоде, которую мы сдаем, есть несколько карт, которые не могут быть

биты. Игра может сложиться так или иначе, но есть карта, которая зовется Петроградом, есть карта, которая зовется Москвой, есть карта, которая зовется Тулой, где сосредоточена военная промышленность, и как бы ни шла величайшая историческая игра, которую мы теперь ведем с контр-революцией, эти три карты не могут быть и не должны быть биты. (Аплодисменты).

Вот почему, товарищи, можно было бы в частных разговорах договариваться, что теперь, мол, Советская власть так крепка, что если бы взяли и Петроград, то, конечно, Советская власть устоит, а потом и Петроград вернет. Это, с точки зрения развития исторического, конечно, верно. Но когда из предположений, из гипотез, из логических доводов крушение Петрограда стало казаться реальностью, когда опасность Петрограду обнаружилась за последние дни вполне на деле, какой-то электрический ток прошел по всей стране, и прежде всего через сердце Москвы, через ее центральные учреждения, и все сказали: Нет! как бы дальше ни шла эта великая борьба, мы вот сражаемся на севере, на востоке, мы гнали Колчака, потом отступили на сто верст, теперь гоним опять, мы открыли ворота на Туркестан, мы поднимаем в Азии знамя Советской власти, из мятежного Афганистана прибыл в Москву посол, представитель афганистанского народа, и он был в кабинете Ленина и приветствовал его от имени угнетенного империализмом азиатского народа; это великая борьба двух миров; тут могут быть отступления, наступления, победы и временные поражения; но есть, товарищи, одно отступление, которого мы себе позволить не можем,— это отступление на восток от Петрограда, и этого отступления не будет. (Аплодисменты).

Товарищи, то, что мы взяли у вас, — а мы взяли у вас слишком много и тем ослабили ваш ближайший Северо-Западный фронт,—теперь мы стремимся с лихорадочным напряжением вам вернуть—вернуть сюда и хорошие части, и хороших работников командиров, и полит-работников. Мы сейчас все же достаточно твердо стоим на ногах, чтобы выполнять эту работу без серьезного урона для других фронтов. Когда мы из центра спрашивали вас, ваших представителей и тов. Зиновьева, что вам нужно сейчас в ближайшие дни, чтобы отстоять Петроград? и когда получили требование, то—тов. Зиновьев,

надеюсь, не станет меня опровергать—мы дали вдвое, втрое более, чем требовал Петроград. Товарищи, подкрепления сейчас идут почти по всем линиям, которые связывают в настоящее время Петроград с остальной страной. Этих подкреплений будет достаточно для того, чтобы выполнить ту задачу, о которой я говорил. Но, товарищи, мы теперь переживаем на Петроградском фронте самый критический период. Новые подкрепления еще не сосредоточены, еще не заняты позиции, не развернулись. Этот период измеряется днями, неделей. Тут указывал тов. Зиновьев на то, как несовершенна работа железных дорог. Она, конечно, несовершенна в значительной мере, в силу общих причин, но, конечно, как и везде, в силу и злой воли, и неряшливости отдельных элементов страны. Все равно, пройдут дни, недели, пока все необходимые силы и средства будут сосредоточены, пройдут дни, пока ослабевшие части 7-й армии будут подтянуты, пока аппарат управления достигнет необходимой степени и силы напряжения, твердости и сноровки. Товарищи, это будет сделано! Это делалось не раз нашими работниками на других фронтах, и это будет сделано теперь на Петроградском фронте. Но пройдут дни, часы, а каждый день и каждый час теперь имеет у вас здесь колоссальное значение, ибо фронт слишком близок от Петрограда.

На других фронтах мы могли себе говорить, что мы отведем ослабленные дивизии на 15—20 верст в тыл и там их переформируем, вольем свежие, крепкие, здоровые элементы, устраним негодные, перевоспитаем их. Здесь, на Петроградском фронте, мы не можем себе позволить этой роскоши отвода в тыл на 15—20 верст ослабленных дивизий. Если они раздадутся, то белые банды—мы здесь имеем небольшие, но искусные, ловкие шайки—могут врезаться острием в тело Петрограда. Конечно, мы отдаем себе отчет, что Петрограда им не взять, это город все-таки с миллионным населением и не может быть удержан в когтях шайки в несколько тысяч человек, но повредить, нанести ущерб, учинить жестокое кровопускание они могут. Мы недавно имели пример: Мамонтову не удалось завладеть ни Тамбовом, ни Козловом. Он пытался завладеть, и у него было больше силы, чем у этих господ, но не завладел, восстания не поднял; он угрожал этим городам, истребил большое число рабочих, работниц, жен красноармейцев, оставил опустошение,

ужас, отчаяние в семьях низов трудового населения... Это они могут произвести и здесь, в этом сосредоточии людского резервуара, который называется Петроградом. Эта опасность есть. Вы знаете, что мы, коммунисты и представители Советской власти, в силу нашей основной политики, не скрываем от широких народных масс опасности, ошибок, угроз, которые открываются перед нами. В этом наша единственная сила. Всегда, в любой день и час, каждый должен иметь возможность выйти на любую трибуну, на любую площадь и сказать народу правду. В этом есть существо Советской политики, и сейчас мы должны сказать с этой трибуны, вы все должны сказать вашим избирателям на заводах, фабриках, на рабочих собраниях, везде, где вы видите борьбу за торжество революции, что никогда еще Петроград не стоял перед такой опасностью, как в эти дни. Другими словами, несмотря на то, что общая раскладка в нашей великой революционной борьбе для нас благоприятна, нашей петроградской карте, для нас бесконечно дорогой и важной, грозит опасность быть битой. Поэтому мы должны себя сразу застраховать двояко: с одной стороны—на фронте, с другой стороны—в самом Петрограде, не только там по близкой линии Детского Села, но обороняться и той организацией, которая создастся здесь в самом сердце Петрограда, ибо, товарищи, те, которые попытаются, может-быть, нагрянуть ночным налетом на Петроград, чтобы здесь перерезать горло спящим рабочим и работницам и их детям, они должны узнать, и они это уже знают, что Петроград при всех тех недочетах, на которые справедливо указывал тов. Зиновьев, лихорадочно работал и лихорадочно будет работать эту ночь, завтра днем и в следующую ночь и во все эти наиболее критические для него часы над тем, чтобы упорядочить, укрепить свою внутреннюю организацию, чтобы свои районы и части этих районов превратить в ряд неприступных фортов, которые в совокупности дадут мощную организацию внутренней обороне Петрограда.

Я это писал, я это повторю, и я в это глубоко верю, что мы все же в ослабевшем Питере достаточно сильны, чтобы сокрушить, стереть в порошок белогвардейских налетчиков, если бы их было даже не 3—4—5 тысяч, а даже 10 тысяч. Это огромный город-лабиринт, который охватывает около 100 кв. верст, город с миллионным

населением, в руках у которого, т.-е. у рабочего населения, имеются могучие средства обороны, инженерные средства, артиллерийские средства и, наконец, имеются советские, профессиональные и партийные аппараты. Этот город может создать одну сплошную западню, один капкан для белогвардейских налетчиков. Петроград не Тамбов, Петроград не Козлов, Петроград—это Петроград! Товарищи, вот в эти дни, в эти часы мы должны мобилизовать здесь для внутренней обороны все то, что не годится или не может быть оторвано для обороны внешней. Если для женщин слишком непосильны лишения, трудности походной жизни и полевых боев, то здесь, в рабочих кварталах, в домах, превращенных в рабочие крепости, женщина-работница, женщина-жена и женщина-мать будет не хуже мужчины вооружаться винтовкой и наганом и ручной гранатой для защиты на улицах, площадях и в домах Петрограда будущности русского и мирового рабочего класса. (Аплодисменты). Все сейчас делается для того, чтобы дать полевым войскам необходимую сноровку, чтобы заставить их понять, что перед ними не какой-либо сплошной фронт, не серьезные тяжеловесные части, против которых надо действовать планомерно, систематически и методически, перед ними отдельные шайки банд, которые наносят уколы, порезы, и их нужно душить, их нужно громить.

Единственная тактика, единственная стратегия, которая диктуется этой войной, с ее исключительными особенностями, на этом фронте, это—наступать и душить. В тех случаях, когда наш полк, двинутый вперед хорошим командиром или комиссаром полка, уверенным, решительным, начинает наступать, белые не принимают боя. Почему? Потому что их мало. Они хорошо вооружены, у них автоматические ружья, пулеметы, но их мало, их втрое, вчетверо, в пять раз меньше, чем нас. Когда они на расстоянии или ночью поднимают массовую стрельбу, тогда наши солдаты не могут отдать себе отчета, сколько белых и сколько их. Но в тот момент, когда наши солдаты видят белых, и когда белые видят наших, то они убеждаются, что красных много, а белых ничтожная горсточка. И это происходит при всех столкновениях. Вот почему белые систематически уклоняются от прямой встречи, от рукопашной, от штыкового боя, а стараются действовать с фланга, с тыла, путем обстрела с неожиданных мест, поддерживая предста-

вление о своей многочисленности и о своем могуществе. Какой для нас отсюда вывод? Тот, что нужно, чтобы наша Красная армия, наши солдаты увидели белых и поняли, что их мало; надо, чтобы белые увидели красных и поняли, что их много. Как до этого достигнуть? Очень просто,—свести белых с красными. Как до этого достигнуть? Вести красных вперед, толкать, если надо, гнать вперед. Кто это может сделать? Питерские рабочие, мужественный комиссар. Для этого не надо большой стратегии, для этого не надо кончать генеральной академии, говорить о сплошном фронте; это не позиционная война, не надо непрерывной цепи войск, надо крепкий кулак бригады, твердого командира, который идет на опасность, на шум врага, на угрозу, ибо, куда бы мы ни пришли, мы везде сильны и многочисленны, и эту простую истину надо преподать нашим командирам и комиссарам. Единственная сейчас стратегия на Петроградском фронте, это идти вперед, наступать; белые будут отступать, и мы сокрушим их. В течение нескольких дней мы к этой стратегии перейдем; завтра, послезавтра совершится перелом психологический, как предпосылка перелома боевого и обстановки на фронте. Последнюю ночь мы все-таки показали, что на призыв тревоги, на набат, хотя с некоторым опозданием кое-где, но питерский пролетариат умеет откликнуться и в лице лучших боевых элементов. Он стал прошлою ночью на ноги, и, если потребуют обстоятельства, он станет сегодня ночью или завтра днем с удвоенной и даже утроенной силой. В этом не может быть сомнения, и это несомненно является единственной гарантией того, что белые банды десять раз подумают, прежде чем сунуть свою преступную голову сюда, в Петроград. Стало-быть, мы отдаем себе отчетливое представление в том, что Петрограду сейчас угрожает непосредственная опасность. Это вы должны сказать, разумеется, борясь против всяких бессмысленных панических слухов. Проверяя их через ваши районы или в Совете Внутренней Обороны, проверяя эти слухи и беспощадно карая всякого, кто распространяет эти панические сведения, в то же время вы должны во всей остроте преподнести сознанию питерских рабочих, что сегодня-завтра Петрограду угрожает непосредственная опасность. Через несколько дней мы будем несокрушимы на этом фронте, благодаря перелому, который произойдет, и благодаря войскам, которые подходят, но сейчас у нас еще

много незащищенных мест на теле Петрограда. Мы защищаемся укреплением фронта и организацией внутри. Советом Народных Комиссаров посланы сюда войска для того, чтобы здесь на месте оказывать содействие вашему центральному органу и военным властям в их работе по укреплению Петрограда. Я не скрою от вас, что я ехал сюда с тревогой в душе...

Конечно, мы это повторяли не раз, что Петроград является неисчерпаемым резервуаром работников и революционной энергии, но эту неисчерпаемость нельзя понимать абсолютно. Ни один город в мире, может быть, не пережил того, что пережил Петроград. В конце-концов притупляется чувствительность, в конце-концов опускаются нервы, растягиваются и опускаются, как ненатянутая струна, люди перестают реагировать, откликаться на опасность. Если бы это произошло с Петроградом теперь, это было бы смертельной опасностью, это было бы величайшей опасностью не только для Петрограда но и для всей страны, ибо Петроград не только часть страны, но он барометр, революционный барометр Красной Советской Республики. Но этого нет, товарищи. Конечно, тов. Зиновьев, как призванный руководитель петроградского рабочего класса и рабочего класса всей страны, с полным правом отмечает здесь недочеты, нехватки, прорехи, неряшливость, халатность в тех или других сторонах вашей организационной подготовки. Но позвольте все же сказать, что, несмотря на эту и неряшливость, и халатность, которые кое-где наблюдаются, все же Петроград в эти сумрачные, холодные, голодные, тревожные, осенние, ненастные октябрьские дни дает нам снова величавую картину подъема, уверенности в себе, энтузиазма и героизма. Город, который так страдал, внутренно горел, столько раз подвергался опасностям, который так не жалел себя, который так опустошал себя, этот Красный Петроград остается тем, чем был—светочем революции, стальной скалой, на которой мы строим церковь будущего. И этого Петрограда мы объединенными силами всей страны не сдадим никаким врагам. (Продолжительные аплодисменты).

Стеногр. отч. Петрогр. Совета
19 окт. 1919 г.

Резолюция Пгр. Совета.

Т. Зиновьев. Товарищи, позвольте, не открывая прений, предложить вам выразить наше общее настроение в форме следующей резолюции:

«Петроградский Совет постановляет: Положение Петрограда грозное. Не может быть никакого места беспечности. Опасность велика. Надо бить в набат. Надо указывать всем трудящимся, как велика опасность. Надо поднять на ноги все рабочее население. Надо всем вооружиться. Надо готовиться отстаивать каждую пядь нашей земли, каждый дом и каждую улицу в самом Петрограде.

Петроградский Совет одобряет учреждение Совета Внутренней Обороны Петрограда, к которому внутри Петрограда должна перейти вся военная власть.

Петроградский Совет требует от железнодорожников самого быстрого и самого энергичного продвижения воинских эшелонов. Петроградский Совет предлагает Совету Внутренней Обороны немедленно учредить специальный трибунал на железных дорогах и всех виновных в затягивании перебросок предавать немедленному суду этого трибунала.

Петроградский Совет требует от всего трудящегося населения Петрограда напрячь все силы для помощи нашей Красной армии: усилить производство шинелей, обуви, усилить мобилизацию, усилить охрану, подтянуться всем до единого. Глубоко уверенный в победе нашей над белыми бандами, которые бродят вокруг Красного Питера, Петроградский Совет зовет всех трудящихся отдать все на дело обороны великого нашего города».

Голосую резолюцию. Кто за эту резолюцию? Резолюция принята единогласно. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 17 ч. 55 мин. под звуки всеобщего пения Интернационала.

Стеногр. отч. Петрогр. Совета
19 окт. 1919 г.

От начальника внутренней обороны Петрограда.

Приказ № 1.

§ 1. В общем деле внутренней обороны города предстоит принять участие и всем речным плавучим средствам.

§ 2. Для успешной подготовки судов к предстоящим им действиям и работе по обороне все паровые и моторные речные суда, находящиеся в пределах Петроградского порта, за исключением речных судов, находящихся в ведении Балтийского флота и городской пожарной команды, переходят в ведение Петроградского речного портового управления.

§ 3. Военные и гражданские учреждения, имеющие в постоянном ведении или во временном пользовании паровые и моторные речные суда, обязаны со времени распубликования настоящего приказа в 12-ти-часовой срок представить в речное портовое управление (Воскресенская набережная, 30, тел. № 251—27 и № 411—70) сведения о судах, состоянии по пригодности для плавания и списки личного состава судов.

§ 4. Все материальные расходы по эксплоатации этих судов продолжают нести учреждения, передавшие суда; расходы же по новым оборудованиям, если таковые придется делать, производятся речным портовым управлением.

§ 5. Распоряжения по эксплоатации в период, предшествующий особому назначению судов по обороне, производятся только речным портовым управлением.

§ 6. Речное портовое управление, сосредоточивая в себе распорядительные функции по эксплоатации судов, руководствуется теми заданиями и указаниями, которые будут ему даваться мною или моим штабом.

Начальник внутренней обороны Петрограда *Авров*

За начальника штаба *Бобрищев.*

---

19 окт. 1919 г.

По морской крепости «Кронштадт» и крепостному району.

Приказ.

Создавшаяся на нашем фронте боевая обстановка призывает каждого гражданина, верного делу революции, всеми мерами и средствами содействовать отражению и уничтожению врага рабочего класса. Непрерывная и прочная связь на театре военных действий есть одно из непременных условий успеха.

Враг в своей жажде уничтожить завоевания пролетариата, не имея достаточной силы для открытой борьбы, широко пользуется своими агентами, применяя для этой цели преступный и малосознательный элемент. Наблюдаются случаи злостной порчи телефонных и телеграфных проводов и аппаратов, что нарушает непрерывность связи.

Возлагаю охрану телефонных и телеграфных проводов, а также аппаратов на местных жителей под ответственностью местных властей. В виду осадного положения крепости и крепостного района виновные в неисполнении сего приказа, будет ли это из злого умысла или от несознательности, понесут самую суровую кару—расстрел.

Комендант крепости ***Унковский.***

Комиссар крепости ***Загвоздкин.***

Начальник штаба ***Козловский.***

---

18 окт. 1919 г.

Колчак, Деникин, Юденич.

С востока, юга, северо-запада одновременно грозят Советской России царские генералы. Однако вдохновляющему их действия империализму Антанты, мечтающему о концентрическом наступлении против нас, никак не удается согласовать их действий, несмотря на то, что генералы эти стремятся протянуть друг другу руку, своим наступлением думают помочь своим соратникам, движущимся на Советскую Россию с других концов света.

В марте месяце начал свое наступление на Восточном фронте адмирал Колчак.

Против Колчака была объявлена всероссийская мобилизация,—во главе которой, как всегда, шел питерский пролетариат, двинувший на Восточный фронт лучших своих работников, и уже в начале мая началось победоносное продвижение красных войск на востоке, успевших с тех пор пройти уже больше тысячи верст.

И вот этот-то момент русские белые сочли подходящим для похода на Петроград с северо-запада.

В конце мая началось наступление банд Юденича и Родзянко, но уже слишком поздно,—оно не спасло Колчака, он неудержимо откатывался назад.

К июню относится начало успехов на юге генерала Деникина, но и оно не в состоянии было помочь сколько-нибудь существенным образом ни Колчаку, ни авантюре северо-западной армии.

Несомненно, что успехи Деникина на время спасли как Колчака, так и Юденича от полного уничтожения, ибо помешали нашему верховному командованию бросить как на Восточный фронт, так и против северо-западной армии столько сил, сколько было потребно для полного разгрома врага. Все же удачи «наследника» Колчака не помешали нашим войскам очистить от белых значительную часть захваченной ими территории как на востоке, так и около Петрограда.

Непрекращающееся наступление Деникина заставило, однако, Советскую Республику перейти к новому могучему напряжению всех сил, провести новую грандиозную мобилизацию для нужд Южного фронта. Авангард российского рабочего класса, питерский пролетариат сделал новое усилие и направил своих лучших борцов на Южный фронт, и теперь Петроград пошел во главе всей Советской России. Тут наши враги поняли, что перелом на Южном фронте уже не заставит себя долго ждать, и они решили сделать диверсию для упрочения положения Деникина,—ударить во фланг Красному Петрограду,—они спустили с цепи банды Родзянки и Юденича.

Весьма возможно, что белые, если только они сохранили трезвость суждения, и не рассчитывают на захват Петрограда, но они надеются облегчить положение Деникина, задержав приток к нему свежих сил из Питера.

Однажды Деникин своим наступлением спас Юденича от полного разгрома, теперь Юденич и Родзянко собираются оказать ту же услугу Деникину, приковав живую силу питерского пролетариата к стенам своего родного города, полагая вместе с тем, что деникинский напор помешает Советской Республике двинуть новые части для выручки Петрограда.

Наши враги просчитались. Как Деникин в свое время не спас Юденича от поражения, так и Юденич своим натиском не помешает красным войскам одержать победу над Деникиным на юге,—это показали взятие нами Орла, победа под Воронежем.

А для защиты Петрограда, первым поднявшего знамя Октябрьской революции, у рабоче-крестьянской России всегда найдутся силы, которые в союзе с рабочими Петрограда сокрушат врага.

Красные войска, перешедшие на юге от обороны к нападению, перейдут теперь в наступление и на Северном фронте,—они наносят поражение Деникину—они разобьют и Юденича!

---

21 окт. 1919 г.

Приказ.

Рабочие, красноармейцы!

Трудящееся население Петрограда все еще не вполне сознало опасность, нависшую над нами. Враг ничтожен по количеству. Но он дерзок, ловок, действует нахрапом. Если мы не напряжем все силы, белые ворвутся в Питер. И если белые останутся в Питере хотя бы один-два дня, они перережут сотни и тысячи петроградских рабочих и работниц.

Враг все еще находится в Гатчине, Красном Селе и стремится захватить Стрельну. Беспечности не может быть места. Надо бить в набат. Надо, чтобы все до единого поняли серьезность положения.

Товарищи! Все, призванные по мобилизации, должны явиться немедленно. В заводские и районные отряды должны вступать все честные рабочие. Против сеятелей паники и ложных слухов надо принять меры беспощадного террора. Надо вооружаться. Надо, не откладывая дела ни на минуту, готовиться защищаться и в самом городе, если белым бандам удастся ворваться в стены города.

За дело. Все в ряды. Бейте тревогу, враг у ворот.

Троцкий, Зиновьев.

---

21 окт. 1919 г.

Приказ.

Красноармейцы, командиры, комиссары!

Завтрашний день решает судьбу Петрограда. В то время, как на юге красные армии перешли в решительное и победоносное наступление, вернули Орел и разбили 10 полков Мамонтова—в Петрограде ряд неудач заставил наши войска откатиться до Пулковских позиций. Дальше отступать нельзя. Петроград сдавать нельзя, ибо даже временная сдача Петрограда означала бы гибель тысяч рабочих жизней и неисчислимых культурных ценностей. Петроград необходимо отстоять какой-угодно ценой.

Все меры приняты. Подтянуты свежие части, которые обеспечивают нам огромный перевес. Освежен и обновлен командный состав. Привлечены к делу лучшие, закаленные в боях пролетарии. Все условия победы налицо. Нужно только, чтобы вы захотели и поклялись эту победу обеспечить.

Помните: на вашу долю выпала великая честь защищать тот город, в котором родилась рабочая и крестьянская революция.

Вперед! В наступление!

Смерть наемникам чужеземного капитала!

Да здравствует Красный Петроград!

Л. Троцкий.

---

20 окт. 1919 г.

К рабочим и красноармейцам Петрограда.

В теперешний грозный час, когда банды Родзянко, Юденича исключительно благодаря наглости своей стараются ворваться в Питер и когда мы все идем под ружье, чтобы дать должный отпор негодяям, в тылу должна быть обеспечена санитарная помощь всем нашим доблестным защитникам. Пусть товарищи не беспокоятся. Коллегией начальника санитарной обороны разработан для этой цели подробный план, который будет планомерно проводиться на местах через местные Революционные Тройки, под их контролем, согласно общим директивам из центра. Централизация необходима, чтобы все имеющиеся перевязочные средства, равно как и медикаменты, транспорт и пр. пр. расходовались бы наиболее плодотворно.

Летучие питательно-перевязочные отряды Красного Креста формируются беспрерывно, число товарищей, предлагающих для этой цели свои услуги, с каждым часом растет.

Таким образом больницы, амбулатории, медицинские пункты готовы к работе, в работниках недостатка нет, транспортом, медикаментами и проч. вполне обеспечены. Будем же стойки, наши защитники получат всю необходимую помощь без всякой задержки.

Нашей дружной работой как на фронте, так и в тылу создадим ту преграду, о которую разобьются усилия помещичьих банд.

Больше бодрости, смелости, все дружно за работу. Победа за нами.

Начальник санитарной обороны гор. Петрограда ***Первухин***

---

21 окт. 1919 г.

Победа на Южном фронте.

Тов. Зиновьеву тов. Склянский сообщает по телефону:

«Орел взят нашими войсками. Взяты громадные трофеи.

«Под Воронежом нашим конным корпусом разбито 10 конных полков противника, разгромлена вся неприятельская пехота, прикрывавшая конницу, взяты 60 пулеметов, 24 орудия, бронепоезд имени одного из деникинских генералов и масса других трофеев. Под Воронежом нанесен удар главным силам противника».

Дополнительно сообщают, что под Воронежом нами разбит корпус Мамонтова.

---

21 окт. 1919 г.

Перелом.

Сегодняшний день был критическим. Наши войска отступили на Пулковские высоты, стало быть на последний рубеж перед Петроградом. Отступление отсюда означало бы, что борьба будет вестись уже в стенах города, т.-е. превратится во внутреннюю оборону.

Показания перебежчиков и другие данные свидетельствуют о том, что противник отдал приказ в ночь с 20 на 21 овладеть Пулковской высотой. Приказа этого белая армия однако не выполнила. Мы не только не покинули важнейшего рубежа, а, наоборот, по всему фронту продвинулись с боем вперед. Нами захвачены пленные, пулеметы и другие трофеи. При этом даже наиболее слабые части обнаружили упругость и силу сопротивления. В боях приняли с несомненным успехом участие первые танки петроградского производства. Красные войска с восторгом приветствовали появление первой бронированной гусеницы.

Исход сегодняшнего дня можно оценить, как вполне благоприятный. Благодаря свежим резервам с одной стороны, освежению командного и комиссаровского состава с другой, в N армии произошел несомненный внутренний перелом: части вернули себе самообладание и стремятся вперед. Снабжение поставлено более, чем удовлетворительно. Настроение вполне уверенное. Особенно курсанты стремятся вознаградить себя за ряд неудач.

Тем не менее, положение по смыслу самой обстановки остается напряженным: враг в расстоянии одного перехода от Петрограда. Следовательно, чтобы застраховать себя от случайностей, мы обязаны, не покладая рук, продолжать работу над укреплением Петрограда, над организацией его внутренней обороны. Обеспеченный изнутри Петроград является в то же время превосходным тылом для возродившегося фронта.

Перелом произошел. В ближайшие дни это должны будут признать столь лживые англо французские радио.

Л. Троцкий.

---

21 окт. 1919 г.

Оборона Петрограда.

Передвижные средства.

I.

Назначаю чрезвычайную комиссию по учету и распределению всех передвижных средств в Петрограде и его окрестностях в составе председателя тов. Петерс и членов т.т. Кольцова и Федотова, в ведении каковой находятся все передвижные средства, как-то: автомобили, лошади, трамвайные платформы и пр.

Мобилизация и реквизиция означенных средств передвижения без ведома означенной комиссии категорически воспрещаются.

Предс. Рев. Военн. Сов. Респ. *Троцкий.*

II.

Приказ № 1.

Чрезвычайная комиссия по учету и распределению всех передвижных средств извещает, что начиная с 23 октября 1919 г. в гор. Петрограде и его окрестностях все передвижные средства, как-то: автомобили, лошади, трамвайные платформы и пр., объявляются мобилизованными для военных надобностей, а посему вменяется в обязанность всем учреждениям и отдельным лицам военных и частных учреждений под страхом строгой ответственности представить в течение 24 часов точные сведения о количестве, состоянии и работе имеющихся в их ведении вышеперечисленных видов транспорта.

Адрес комиссии: Кирочная ул., д. № 5.

III.

Приказ № 2.

Чрезвычайная комиссия по учету и распределению всех передвижных средств в городе Петрограде и окрестностях объявляет всех рабочих и служащих по ремонту автомобилей и пр. транспортных средств, независимо от их возрастов и пола, военнообязанными и мобилизованными, а посему самовольные переходы из одного учреждения в другое категорически воспрещаются и виновные будут караться наравне с дезертирами.

Предс. ком. ***Петерс.***

Члены ком. ***Кольцов, М. Федотов.***

От Совета Внутренней Обороны гор. Петрограда.

Приказ № 28 гр.

В дополнение к приказам начальника внутренней обороны гор. Петрограда за № 960 и 2412 доводится до всеобщего сведения о нижеследующем:

Все лица мужского пола от 18-ти до 50-ти лет, зарегистрированные в Петроградском губернском отделе труда в подотделе учета и распределения рабочей силы, не явившиеся своевременно на регистрацию, или имеющие по каким-либо причинам отсрочку явки до особого распоряжения, а также те из них, кои поступили на работу или службу без разрешения подотдела распределения рабочей силы, обязаны явиться в подотдел (Дворец Труда, 5-й этаж, комн. № 36) в течение двух дней 27 и 28 сего октября для перерегистрации.

По отношению к лицам, не подчинившимся настоящему приказу, будут приняты строгие меры осадного положения.

---

23 окт. 1919 г.

Первый удар.

До 21 Юденич наступал, встречая слабое сопротивление. 21-го 7 я армия закрепилась на линии Пулково и дала отпор. Наступление Юденича приостановилось. 22-го Красная армия перешла в наступление. Сопротивление белогвардейских войск оказалось очень упорным. В течение 21-го и 22-го октября, когда продвижение Юденича приостановилось, он успел подтянуть резервы и тем самым уплотнить свои ряды. Бои получили ожесточенный характер.

К вечеру 23-го мы завладели полностью Детским Селом и Павловском. Это—серьезный успех. Мы не только остановили наступление, но и нанесли противнику крупнейший удар.

Наши части переродились. Аппарат связи и управления действует без перерывов и перебоя. Благодаря усилиям лучших работников Петрограда, снабжение поставлено на должную высоту. Части, застигнутые наступлением Юденича врасплох и ожесточенные рядом неудач, ныне соперничают в самоотвержении и героизме.

В рядах врага произошел первый надлом. В прошлые дни почти не было пленных, перебежчики насчитывались единицами. Теперь число перебежчиков и пленных сразу возросло. Они прибывают десятками и скоро начнут прибывать сотнями и тысячами.

Успех велик. Но до окончания задачи еще далеко. Нужно раздавить Юденича, стереть его с лица земли и тем раз навсегда обеспечить спокойствие Петрограду. Мы же нанесли пока белым бандам лишь первый удар.

Опасность, нависшая над Петроградом, отодвинулась, но не исчезла. Враг стоит на расстоянии двух переходов от Петрограда. Работы по укреплению города должны поэтому идти полным ходом. С неменьшей энергией должны вестись работы по укомплектованию полевой армии людьми, по обеспечению ее лошадьми и всеми необходимыми предметами снабжения.

Было бы непростительно, если бы первый успех послужил причиною легкомысленного успокоения. Наоборот: он должен стать сигналом

к новому напряжению энергии. Враг поколеблен, но не разбит. Мы сорвали его с важной позиции. Теперь нужно преследовать его неутомимо. Нужно привести в движение все силы и средства наступления; не давать бандам Юденича ни отдыха, ни срока; улучшать армейский аппарат, укреплять связь, повышать дисциплину, наступать, преследовать, бить до конца, до полной победы. Тогда за первым ударом скоро будет нанесен последний.

Л. Троцкий.

---

24 окт. 1919 г.

Первая победа.

День 23 октября будет иметь решающее значение для судеб нашего Красного Петрограда. Бои под Детским Селом, происшедшие 23 октября, имеют не меньшее значение, чем бои под Гатчиной и Красным Селом два года тому назад с войсками Керенского и Краснова. Белогвардейцы надеялись взять еще вчера Пулковские высоты.

Они захватили уже было Ям-Ижору, т.-е. были в расстоянии нескольких верст от Ник. ж. д. Но в это время мы сорганизовали серьезнейший кулак из Колпина и оттуда нанесли удар. После ожесточенных боев мы вернули назад Детское Село. Белые успели уже подвезти в Детское Село артиллерию. Они засели в домах и отстреливались из пулеметов из окоп. Борьба стоила больших жертв с обеих сторон. В результате белые разбиты.

Мы захватили их батарею (4 орудия), 5 пулеметов, много пленных. В тот же вечер мы взяли после крупных боев Павловск, где тоже сидели отборные офицерские силы противника. И здесь, как и на других участках фронта, мы взяли пленных, пулеметы и другие трофеи. Красное Село окружено и скоро падет. Настроение наших красных войск превосходное. Все участники борьбы превосходно сознают, какой город они защищают. Связь налажена. Снабжение тоже. Командование улучшилось. Перелом совершился. В то же время подготовка внутренней обороны города заканчивается.

Работа кипит. Город преобразился. Везде окопы, артиллерия, проволока и другие укрепления, тысячи и тысячи рабочих работают не покладая рук. Самоотверженность рабочих выше всяких похвал. Рано англо-французские радио разносили по всему миру, что Питер обречен, что штаб Юденича уже в Детском, что Кронштадт и Красная Горка взяты белыми. Рано пташечка запела... Питер будет наш. Юденич будет разбит. Его английские хозяева проиграют последнюю ставку.

Г. Зиновьев.

---

24 окт. 1919 г.

Две Англии.

Красные воины!

На всех фронтах вы встречаетесь с враждебными кознями Англии. Контр-революционные войска стреляют по вас из английских орудий. На складах Шенкурска, Онеги, Южного и Западного фронтов вы находите снабжение английского производства. Захваченные вами пленные одеты в английское обмундирование. Женщины и дети Кронштадта и Астрахани убиваются и калечатся английскими летчиками при помощи английского динамита. Английские корабли обстреливают наши побережья. Английское золото сеет разврат, подкупая бесчестные элементы на фронте и в тылу. Английское радио лжет и клевещет изо-дня-в-день на рабоче-крестьянскую Россию и ложью пытается отравить весь мир.

Солдаты! Матросы! Ваши сердца не раз переполнялись ненавистью против хищной, лживой, лицемерной, кровавой Англии. И ваша ненависть справедлива и священна. Она удесятеряет ваши силы в борьбе против врага.

Но и сейчас, в минуту наших ожесточенных боев против наемника Англии Юденича, я требую от вас: *не забывайте никогда, что существуют две Англии.* Наряду с Англией барыша, насилья, подкупа, кровожадности существует Англия труда, духовного могущества, великих идеалов международной солидарности. Против нас борется биржевая Англия, низменная и бесчестная. Трудовая, народная Англия за нас. Мы твердо верим, что она скоро выпрямится во весь рост и наденет смирительную рубашку на преступников, которые ныне руководят заговором против трудящихся масс России. Движимые этой несокрушимой верой, мы восклицаем в огне и дыму борьбы: «Смерть хищникам империализма!

Да здравствует рабочая, трудовая народная Англия!»

Предс. Рев. Военн. Сов. Респ. *Л. Троцкий.*

---

24 окт. 1919 г.

Танки.

Мы наступаем и бьем Юденича. Теперь самому молодому солдату 7-й армии ясно, что мы сильнее белогвардейских банд.

А между тем всего несколько дней тому назад части 7-й армии отступали перед войсками Юденича с чрезвычайной быстротой. По какой причине? По причине паники. Застигнутые врасплох вследствие беспечности многих командиров и комиссаров, красноармейские части не успевали ни остановиться, ни оглянуться, ни обдумать действительного положения,—они откатывались без мысли назад.

В этой временной панике большую роль сыграли танки. Мало кто от них пострадал, даже мало кто их видал. Но самое слово «танк» производило страшное впечатление на многих простачков. Этим пользовались изменники, агенты Юденича и запугивали танками молодые красноармейские части: «На левом фланге танки», «справа у нас танки», «в тылу появился танк»... Стоило пустить такой слух, и начинался повальный откат.

Страх перед танками—бессмысленный страх. Танк есть особого устройства металлическая телега, в которой передвигаются пулеметы и орудия. Никаких особых средств для истребления людей танк не имеет. Он действует пулеметным и пушечным огнем. Пулемет или орудие на танке ничем не отличается от пулеметов и орудий вообще.

Танк есть металлическая повозка. Особенность этой повозки состоит в том, что она может передвигаться через рвы. Но на Петроградском фронте много прекрасных шоссейных дорог, по которым броневик проходит не хуже танка. А через реки и болота танк бессилен переползать, как и броневик.

Танки играют большую роль в позиционной войне. Там, где на определенном участке сидят неподвижно в окопах солдаты, танки, способные переползать через окопы, могут причинить большой вред. Нужно только, чтобы они действовали сразу, большими массами, десятками—сотнями. Но в нашей полевой войне два — три танка не могут играть серьезной роли.

Отчего же такой страх перед танками? От новизны. Чего люди никогда не видали, того нередко пугаются. И не только люди, но и животные. Кто из нас не видал, как деревенская лошадь пугается автомобиля: увидав диковинную машину, лошадь начинает хрипеть, глаза наливаются кровью, передние ноги вверх, задом лошадь напирает на телегу, воротит ее в сторону, нередко опрокидывает в канаву и калечит при этом себя.

Бессмысленный страх перед танками ничем не лучше лошадиного страха перед автомобилем. От танков погибли может быть немногие единицы, а от страха перед танками погибли десятки и сотни, ибо перепуганные откатывались, ничего не видя, а неприятель стрелял по бегущим, как хотел.

Танки теперь производятся у нас на петроградских заводах. Некоторые наши русские танки уже действуют на фронте, и действуют не хуже английских. Но сами по себе танки—ни английские, ни наши—решить дела не могут. Все зависит от живых людей, от их храбрости, сознательности, твердости и преданности делу рабочего класса. Мужественной, решительной части всякое оружие на пользу. Паническим, т.-е. легко пугающимся, солдатам ничто не идет впрок: они и винтовку, и пулемет, и танк сдадут врагу.

Товарищи красноармейцы! Когда внезапный и бессмысленный страх охватит твое сердце при слове «танк», вспомни перепуганную лошадь перед автомобилем, вспомни и устыдись: ведь человеку даны не лошадиный разум и не лошадиное сердце.

Паника—мать всех бед. Оттого враг прилагает все силы к тому, чтобы вызвать панику. Если кто-либо в бою начнет пугать тебя разными страхами, особенно танками, знай: это провокатор-наемник Юденича, который хочет взять подлостью потому, что не может взять силой.

Красноармеец, помни, что нас более, что мы сильнее, что дело наше правое. Помни, что в рядах Юденича сражаются люди, которые телом не сильнее тебя, а душой слабее. Как только поймешь свою силу и раз навсегда изгонишь подлую панику из своих рядов, ты станешь непобедимым. Тогда закончим борьбу в короткий срок на севере и на юге. Раздавив врага, вернемся все домой в города и села к мирному труду.

Предс. Рев. Военн. Сов. Респ. *Л. Троцкий.*

25 окт. 1919 г.

Великая победа.

Буденный разбил Мамонтова и Шкуро.

Кто такой Буденный? Это верный воин Рабоче-Крестьянской России; бывший кавалерийский унтер-офицер, ныне командующий красным конным корпусом на Южном фронте. Корпус Буденного слагался постепенно, в непрестанных боях: сперва с Красновым, потом с Деникиным. В корпусе не мало красных казаков, донских и кубанских. Не мало также крестьян и рабочих. Корпус Буденного — первое крупное кавалерийское соединение Красной армии. Первое, но не последнее. Другим корпусом на том же Южном фронте командует герой Думенко, при котором Буденный в течение нескольких месяцев был помощником.

Командиры дивизий, бригад и полков, входящих в состав корпуса Буденного — в большинстве своем заслуженные герои. Многие из них, как и сам Буденный, отличены орденом Красного Знамени. «Прикажите идти на Мамонтова», ходатайствовал Буденный во время Мамонтовского налета на Тамбов—Козлов. Застигнуть Мамонтова на-лету пехотным частям не удалось. Буденный был отправлен в догонку. В конце-концов он нагнал его и приковал к себе, а, за одно с ним, пресловутого Шкуру. В течение нескольких дней Буденный, как приготовившийся к прыжку лев, стоял выжидательно между обоими генеральскими корпусами. Прыжок последовал,—гибельный для Шкуро и Мамонтова прыжок.

Вся сила Деникинской контр-революции—в коннице. Основу белогвардейской конницы составляли два корпуса: Мамонтова—Шкуро. Если мы на юге терпели поражения, временами очень тяжкие, то потому, что не могли противопоставить врагу равносильной конницы. Кавалерию труднее всего создать,—поэтому создается она медленно. Но вот теперь, под Воронежем Красная армия блестяще сдала свой кавалерийский экзамен. Красный конный корпус Буденного разбил белые корпуса Мамонтова—Шкуро.

Борьба на юге еще далеко не закончилась. Но врагу нанесен удар, от которого он уже не оправится.

До второй годовщины со дня возникновения Советской Республики остается еще почти две недели. За это время события на юге пойдут своим ходом; за победами под Орлом и Воронежем последует ряд других. Нет сомнения, что и на северо-западном Петроградском фронте ближайшие две недели принесут окончательную развязку. 7-ая армия не отстанет от победоносных войск юга и ко второй Советской годовщине добьет банды Юденича.

Л. Троцкий.

---

25 окт. 1919 г.

Вперед на Ямбург!

Гатчина взята. Ропша взята. Высоцкое взято. Враг отступает по всему фронту. Враг скоро побежит.

В то же время соседняя нам 15-я армия, разбив белые банды под городом Лугой, быстро двигается вперед: заняла станцию Преображенскую и идет на Мшинскую и Гдов.

Вокруг белых образуется железное кольцо. На этот раз банды Юденича не уйдут от заслуженной расправы. Мы хотели не только отогнать белую армию Юденича, но и истребить ее. И теперь это нам без сомнения удастся. Мы окружим белых разбойников и перебьем их до единого.

Теперь начнутся массовые перебежки к нам. Мы требуем от вас, чтобы перебежчиков вы ни в коем случае не расстреливали. Среди белых много обманутых крестьян, много бывших красноармейцев, захваченных белыми насильно. Этих перебежчиков встречайте, как братьев.

Товарищи! Теперь усталости не должно быть места. Усталость вашу должно как рукой снять. В неудержимом порыве вы должны броситься вперед. Забудьте все другие слова, кроме слова *«вперед»*. Не останавливайтесь ни на минуту, пока не дойдете до *Ямбурга*.

Отомстим за смерть наших лучших товарищей! Освободим наш Красный Петроград от вечно висящей над ним опасности!

Вперед на Ямбург!

Да здравствует Красный Петроград!

Да здравствуют славные бойцы седьмой армии, защитившей первый город рабоче-крестьянской революции!

Г. Зиновьев.

Благодарность защитникам Петрограда.

Отстоять Красный Петроград от банд, нанятых англо-французскими империалистами, означало оказать мировому пролетариату, а стало быть и Коммунистическому Интернационалу, неоценимую услугу. Первое место в борьбе за Петроград принадлежит, разумеется, вам, дорогой товарищ Троцкий.

От имени Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала я передаю вам знамена, которые прошу передать наиболее заслуженным частям руководимой вами славной Красной армии.

С коммунистическим приветом

Предс. Исполн. Ком. Коммун. Интерн. ***Г. Зиновьев.***

---

5 ноября 1919 г.

Речь тов. Зиновьева.

Товарищи, первое слово на сегодняшнем нашем собрании, само собою разумеется, должно быть посвящено нашим товарищам и братьям, павшим в борьбе за наш родной Красный Петроград. Сейчас нет не только ни одного района, но, пожалуй, ни одного крупного завода, на котором не насчитывалось бы нескольких покойников из среды тех товарищей, которые в последние дни отправились защищать Петроград. Может быть, можно даже сказать, что в каждой рабочей семье в Петрограде теперь не досчитываются того или другого члена семьи. К именам наших погибших товарищей, к таким именам, как Володарский и Урицкий, в последние дни прибавились имена не менее славные.

Достаточно вспомнить товарищей: Мазина, Жука, Чекалова, Григорьева, Трубачева и многих, многих других. Я называю имена наиболее старых, наиболее известных товарищей, но, разумеется, нам не менее горестна потеря и тех рядовых товарищей, имена которых, быть-может, еще надолго останутся безвестными.

Товарищи, много жертв понес Красный Петроград за последние дни и недели, много дорогих жизней погибло, но никогда еще люди не умирали за более светлые, за более благородные цели, чем те наши товарищи, которые погибли, защищая Петроград, защищая столицу мировой революции, на которую покушался двуглавый орел мировой реакции.

Последний месяц можно назвать *месяцем о Петрограде.* Теперь можно уже подвести некоторые итоги тому, что было. В вихре событий мы не сразу отдавали себе отчет в том, что происходит. Теперь можно ясно ответить на вопрос, что случилось.

Мы имеем теперь английские, эстонские, русские белогвардейские газеты, и нам рисуется уже с полной ясностью картина того, что здесь готовилось.

В 10-х числах октября началось наступление генерала Юденича, и пал Ямбург, а за несколько дней до этого, как оказывается из английских газет, лондонские буржуазные газеты аршинными буквами писали уже, что через неделю—две Юденич будет в Петрограде.

Теперь совершенно ясно, что план нападения на Петроград вырабатывался долгими неделями, а может-быть, и месяцами, обсуждался в тиши кабинетов в Лондоне и Париже, и величайшие «светила» буржуазной военщины принимали участие в выработке этого плана.

Все было обдумано до последней детали, все было взвешено, все было предусмотрено. Это шел на нас не генерал Юденич, а вся мировая реакция, весь европейский империализм, оставшийся в живых после тех громадных катастроф, какие переживал мир.

Юденич был только пешкой в руках английского министра Черчилля, Юденич и Родзянко были простыми агентами, исполнителями того, что задумали в Париже, в Лондоне, в Нью-Иорке представители империализма.

Вокруг Петрограда плетется сеть интриг в течение долгих и долгих месяцев. Петроград как нельзя более приспособлен и по своему местоположению и по своему историческому значению к тому, чтобы служить точкой притяжения внимания всех империалистов.

Петроград окружен Финляндией, Эстляндией, в которых буржуазия все еще стоит у власти. К Петрограду англичане могут подойти с моря, а вы знаете, что англичане теперь на море сильнее, чем когда бы то ни было.

Петроград пользуется заслуженной ненавистью со стороны буржуазии всех стран, потому что наш Красный Петроград—первый город-бунтовщик, первый город, поднявший красное знамя, первый город, давший рабочему классу победу, первый город, который притянул к себе внимание рабочих всего мира. Вот почему против этого города-бунтовщика интригуют все время палачи мирового империализма.

Они задумали нанести удар с наибольшим эффектом: они хотели именно ко дню 2-й годовщины взять Петроград. Не так давно в белогвардейских газетах, издающихся в Ревеле и в Гельсингфорсе, писали, что нам с вами не праздновать 2-й годовщины в Петрограде.

Теперь, товарищи, вы видите, что мы празднуем здесь 2-ю годовщину.

(Аплодисменты). Еще совсем недавно, когда Детское Село было захвачено бандой белогвардейцев, Родзянко отказался в бинокль смотреть на Петроград, ибо,—говорил он,—«мы через два дня будем гулять в Петрограде». Я не знаю, где гуляет Родзянко, во всяком случае, где-то довольно далеко от Петрограда, и не далеко то время, когда вся его шайка сделает последнюю «прогулку» на виселицу. (Аплодисменты).

Вокруг Петрограда плетется густая сеть интриг. Нам с вами надо вдуматься в нее и понять основу этой «хитрой механики».

В Латвии имеется свой Юденич: там действует нашумевший русско-немецкий полковник, белогвардеец Авалов-Бермонт. Под крылышком у белых латышей он собрал шайку белогвардейцев, как Юденич сделал это в Эстляндии и Финляндии. В решающий момент он наплевал на самостоятельность Латвии, и он, как вы знаете, взял силою оружия Ригу.

Английское и французское правительства делают вид, что они недовольны Бермонтом, и требуют отозвать немецкие войска, которые помогают ему. С самого начала нам казалось подозрительным, почему английской и французской буржуазии стоять за отзыв немецких белогвардейских войск из Курляндии. Теперь ясно: это простое шулерство.

Английские империалисты втирали очки и английским рабочим и нам, изображая дело так, будто англичане и французы требуют, чтобы немецкие белогвардейские войска ушли.

На самом деле этим немецким белогвардейским войскам говорили: «Не уходите, готовьтесь идти на Петроград». Повторялась картина, которая была не так давно с Венгерской советской республикой.

Английские империалисты посылали румынских белогвардейцев на столицу Венгрии: «Идите, душите Венгерскую советскую республику», а в то же время писали ноты, которые говорили румынам: «Не ходите на Венгрию, мы против этого»... Обычное шарлатанство!

А когда румыны подошли к Будапешту и задушили Венгерскую советскую республику, тогда только стало ясно, что англичане и французы именно это подготовляли. Такая же картина происходила и происходит теперь в Курляндии, и все это имеет целью свить веревку для нашего Петрограда. Одной рукой Бермонту писали ноты на счет того, что от него требуют известного невмешательства, писали, что требуют

отозвать немецкие белогвардейские войска, а другой рукой писали, чтобы он готовился и вместе с немецкими войсками пошел против нас.

И приятели Бермонта участвовали в выступлении против нас.

Немецкие генералы участвовали в борьбе против нас. На это есть достоверные свидетельские показания. В деревне Ропше погиб начальник Ливенского полка генерал фон-Раббе, и я имею в Смольном доску, которая была прибита на могиле этого царского пса, когда он пал от нашей красноармейской пули.

Этот немецкий генерал явился к нам сюда, под Петроград, для того, чтобы помочь русским белогвардейцам взять нашу столицу. Все было сделано для того, чтобы против нас собрать возможно бóльшее количество сил.

Этот самый генерал или полковник Бермонт, который будто бы нарушает волю немецкого правительства, обращался с самыми любезными телеграммами к немецкому правительству. Игра шла тонкая. Немецкое правительство делало вид, что оно отзывает свои войска, посылало телеграммы с требованием, чтобы немецкие белогвардейские войска ушли в Германию... но все это шито белыми нитками.

Немецкое правительство, состоящее, как известно, не только из буржуев, но и из господ социал-демократов, во главе с Шейдеманом и Эбертом, убийцами Карла Либкнехта, также помогало этой шайке. Оно писало приказы, в которых требовало, чтобы немецкие войска ушли назад в Германию, а в то же время подучивало немецкие войска идти против Питера.

Генерал Бермонт обратился 7 октября со следующим радио к социал-демократическому меньшевистскому правительству Германии. Я цитирую по газете русских белогвардейцев, издающейся в Берлине.

Он писал: «Германскому правительству. По просьбе образовавшегося 7 октября Центрального совета западной России, я принял на себя задачу восстановления государственного порядка и спокойствия в освобожденных от большевиков частях западной России.

«Как представитель русской верховной власти, я не хочу упустить случая для выражения благодарности германскому правительству за несравненную помощь германских войск при защите от большевиков русских окраин. После ухода германских войск я принимаю на себя

ответственность за порядок в занимаемых моими войсками областях. Особенное внимание обращаю на поспешную отправку германских войск. Я верю, что в борьбе с разрушающим весь мир большевизмом я встречу среди всех народов сочувствие, которое необходимо, чтобы устранить мировую опасность и обеспечить всем государствам мир, свободное развитие и спокойствие.

Полковник Авалов-Бермонт.

Председатель сенатор граф Пален».

Товарищи, это документ большой важности, который вам сразу показывает, кто шел против нас. Против нас шли не только русские черносотенные царские генералы и офицеры, но и немецкие белогвардейцы, засевшие со времени старой войны под Ригой и Митавой. Против нас шли не только лондонское и парижское правительства, но и белогвардейские «социал-демократические» банды, стоящие во главе Германской—с позволения сказать—республики. Вот кто шел против нас!

Это была не маленькая группа. Мы сначала не дооценивали силы своих врагов. Это была значительная группа, и она была вооружена до зубов. Они имели: пять танков, очень большое количество пулеметов, достаточное количество артиллерии и командного состава; генералов и офицеров было столько, что на каждых 5—6 солдат хватало одного офицера.

Вот почему противнику в первые дни выпал на долю успех. Надо отдать справедливость, все было задумано достаточно хитро и тонко: бдительность наша была усыплена,—эстонцы как-будто готовы были подписать с нами мир, нам казалось на одну минуту, что немецкие белогвардейские войска и впрямь отзываются назад, в Германию. Удар был рассчитан на внезапность, и, действительно, вначале, как вы знаете, это противнику удалось. Он дошел не только до Гатчины, но и до Красного и до Детского Села. Противник опьянел от успеха и мечтал о том, как через несколько дней он будет в Петрограде.

Финляндская и русская буржуазия в Финляндии укладывала чемоданы, собираясь сюда. Она, по ее собственному признанию, переживала «петроградскую лихорадку». Был назначен петроградский градоначальник, генерал Владимиров; распределялись и другие должности. Я не

знаю, какая лихорадка треплет этих господ теперь, когда Юденич улепетывает так, что его невозможно догнать, во всяком случае—не лихорадка радости, которая была у них две недели тому назад.

Противник, дойдя до Гатчины, обнаружил себя во всей наготе. Мы были в Гатчине. Первое, что они сделали там, они сожгли до тла здание Гатчинского совета, чтобы им ничто не напоминало, что на свете существует Советская власть.

Выяснилась еще следующая подробность: господ русских белогвардейцев сопровождала американская миссия, которая ставила себе задачей кормить якобы наших детей, и первое, что она сделала, она разграбила наши детские приюты в Гатчине, на что имеются точные протоколы. Когда белые заняли Гатчину, они устроили там еврейский погромчик. Граф Пален, глава Бермонтовского правительства, выпустил в Гатчине листовку, где говорится: «Произошли еврейские погромы, очень жаль! Но это, вероятно, устроили большевики, оставшиеся в Гатчине».

Таким образом Пален хотел двух зайцев убить: и погромчик устроил, и, с другой стороны, ответственность на нас свалил. О белых булках и помину не было. Население Гатчины во время пребывания там белых не получило ничего, кроме как по две селедки. Ни фунта хлеба! Даже железнодорожники, от которых зависел Юденич, не получили ничего.

Вот как шло дело!

Удар, нанесенный нами по Детскому Селу и по Павловску, решил дело. Белые бандиты покатились обратно. Первый испуг, вызванный появлением танков, прошел. Скоро красноармейцы разобрали, что танки против артиллерии не представляют ничего непреодолимого.

В белогвардейских газетах я с удовлетворением читал, когда они писали о «безумной храбрости» красных курсантов, в частности—финских товарищей курсантов, которые, по словам белогвардейцев, с ружьем на изготовку дрались против танков.

Товарищи, вы знаете, что враг попятился. В это время соседняя армия, 15-я армия, нанесла им решающий удар. Я должен здесь перед петроградским пролетариатом принести горячую благодарность руководителям 15-й армии и красноармейцам 15-й армии, которые оказали Петрограду неоценимую услугу. Когда 15-я армия взяла Лугу и стала

выходить на линию Мшинскую, белые поддались панике и стали поспешным образом отступать. С тех пор две армии—7-я и 15-я—в течение 3-4 дней преследуют по пятам белых, которые утекают так, что до сих пор мы не можем, как выражаются на военном языке, придти в соприкосновение с противником. Только издалека дальнозоркий красноармеец видит, как сверкают пятки господ русских и немецких генералов, утекающих от Петрограда. (Аплодисменты).

Товарищи, непосредственная опасность для Петрограда прошла. И как мы отдали себе отчет в том, кто подстроил это, так надо отдать отчет, *как*, *чем*, *благодаря чему* мы победили этот натиск?

Мы победили натиск, разумеется, прежде всего потому, что среди наших красных войск оказались, несмотря на нехватки, достаточно стойкие части. Но, товарищи, не только поэтому победили мы. Победа зависела прежде всего от петроградских рабочих и работниц.

Когда белые подходили на 15 верст к Петрограду, когда они подходили к ст. Лигово, тогда, товарищи, дело зависело не столько от войск, сколько от настроения петроградских рабочих и работниц. Один момент колебаний, одна минута шатания, паники, и Петроград погиб бы, по крайней мере, на время.

Петроградские рабочие и работницы сдавали испытание.

Прав был один товарищ, который воюет пять лет, который проделал всю империалистскую войну, и который сказал мне: «У вас, петроградских рабочих, не нервы, а канаты, у вас железные нервы». Да, это так. В самый опасный момент петроградский рабочий не дрогнул ни на одну секунду. Петроградский рабочий принялся укреплять свой город.

Мы воздвигли баррикады и проволочные заграждения. Войска, уходившие из Питера, чувствовали, что мы будем защищать каждый дом. Каждый думал не об эвакуации, а о защите своего родного города. И это решило дело.

Я должен здесь перед представителями петроградских рабочих принести особенную благодарность рабочим Путиловского и Ижорского заводов. Рабочие путиловцы, где остались главным образом старики, а молодежь ушла на фронты,—путиловцы работали над броневыми поездами и над артиллерией день и ночь, в буквальном смысле слова. Был случай, когда броневой поезд, на ремонт которого требовалось

Сторожевой окоп у Смольного.

Окопы и заграждения у Смольного.

Приспособление к обороне набережной у Биржи.

Батарея у Смольного.

10 дней в обычное время, благодаря героизму рабочих путиловцев, починен был в 4 часа. Так же работали и рабочие колпинцы с Ижорского завода. Они не знали ни дня, ни ночи, они делали все человечески возможное, чтобы давать против танков броневые поезда и броневики. И в первую минуту эти поезда и машины решали судьбу Петрограда. Петроградские рабочие—вот кто одержал главную победу над Юденичем.

Я должен дальше указать, как вели себя товарищи коммунисты. Я слышал от начальника дивизии, находившейся на самом опасном участке, следующее замечание: «Товарищи коммунисты идут на смерть так, как шли бы на завод выполнять важное и трудное дело, не волнуясь, не рисуясь героизмом, идут умирать, защищая Советскую власть и рабоче-крестьянскую Россию».

Вот, товарищи, что сказали о наших коммунистах, о тех сотнях и тысячах рядовых рабочих красноармейцев коммунистов, которые, как всегда, где было опасное место, были впереди, затыкали каждую дырку партийным мясом, в каждом трудном случае выступали первыми, заражали энтузиазмом рабочих и крестьян, боровшихся против Юденича.

Я должен далее отметить героизм матросов Балтийского флота, которые, за немногими исключениями, в очень трудной обстановке держали фронт. Красная Горка, которая летом попала в руки противника, на этот раз не была потеряна, но она переживала очень трудные минуты, она пережила несколько жутких дней и ночей, когда в нее палили из 15-дюймовых орудий.

Мы не могли послать большой помощи гарнизону. Бывали многочисленные налеты аэропланов на крепость, но ни на одну минуту никто не дрогнул. В общем и целом Красная Горка и передовой форт (Серая Лошадь) вели себя геройски.

Вот, товарищи, кто спас Петроград.

Затем мы должны отметить, что, узнав об опасности, угрожавшей нам, стали торопиться на помощь провинциальные города северной России, они прислали десятки и сотни лучших ответственных работников, которые шли на фронт в качестве рядовых. Москва прислала несколько тысяч курсантов и других отборных войск, которые сражались вместе с нами.

Советские работники, находящиеся в хлебных местах, посылали, отрывая последний кусок от себя, поезда с хлебом, чтобы мы могли кормить войска. Общим напряжением сил мы добились результатов, перед которыми сейчас стоим.

Мы обезопасили Петроград от нападения Юденича, мы отбросили его и уверены, что в ближайшие дни от армии Юденича останется только воспоминание.

Говоря о последних событиях, я должен остановиться на роли эстонцев и финнов. Установлено точно, документами, что под деревней Гостилицы против нас стоял 4-й эстонский полк. Нам сообщали, что три эстонских полка отказались идти против нас, но один полк они все же бросили против нас. Сейчас, когда я говорю перед вами, эстонская белогвардейская армия делает попытку нажима на Псков, чтобы спасти положение под Гдовом. Эстонская буржуазия играет опасную игру. Она отдавала отдельные полки как бы напрокат Юденичу. Она хотела застраховать себя на оба случая жизни, на случай нашей победы и победы Юденича. Она хотела быть именинником и на Антона, и на Онуфрия. Она играет на две стороны. Как бы не проигралась!

Ставка, которую она ставила на Юденича, Ллойд-Джорджа, Клемансо, Черчилля—птиц бóльшего полета, чем карлики из Ревеля,—эта ставка проиграна. Как бы не проиграли ревельские буржуа и своей ставки.

Если они нам бросят вызов, мы его примем и обезопасим себя от «добрых соседей», которые в любую минуту готовы спустить на нас стаю цепных псов—Юденича и Родзянко.

Питерские рабочие должны быть готовы к новой борьбе.

То же должен сказать о Финляндии. Маннергейм был в Париже. Теперь он, сломя голову, спешит в Гельсингфорс. И по дороге шлет письмо президенту Финляндской республики:

«Долго ли Финляндия будет ждать? Почему она не идет против Питера? Меня (Маннергейма) в Европе все спрашивали, когда же Финляндия исполнит свой долг, когда пойдет она против Питера?»

«Вся Европа» для Маннергейма, это—кучка банкиров и Клемансо. Но вся Европа, рабочая и солдатская, она в Стокгольме и в Париже встречала Маннергейма свистками. Маннергейм должен был пробираться закоулками, ибо рабочие встречали его враждебными демонстрациями.

Не исключено, что генерал Юденич, прогнанный нами отсюда, поведет свои войска, посадит на корабли, переберется через Копорский залив в Бьёрке, в финляндскую гавань, и попытает счастье со стороны финской, откуда до нас всего 25 верст. Такая возможность есть. К этому мы также должны быть готовы.

Товарищи, против нас ополчились серьезные буржуазные силы—английский и французский капитал. Они так легко не откажутся от своей задачи. Они после первой неудачи не склонят головы, они попытаются с другого места на нас напасть. Надо быть готовым к этому. И наше военное командование готово к этому.

Надо, чтобы питерский пролетариат был готов. Если завтра или через пять дней придется встретить незванных гостей со стороны финляндской, будем стойки, бодры, уверены и спокойны, как были тогда, когда враг прошел через Красное Село и стучался в Лигово. И победа будет за нами. Ибо на нашей стороне правда, на нашей стороне рабочий класс, а на стороне их—отребье, жалкая кучка буржуазии, по которой плачет веревка.

Потому-то они так и беснуются, что они чувствуют, что приходит последний момент их власти. Мы встретим теперь, если надо, непрошенных гостей с севера гораздо более закаленными, подготовленными и организованными, чем это было, когда они шли из Эстляндии.

Вот почему я говорю: «да, сегодняшний день мы победили Юденича но это не значит, что борьба вокруг Петрограда окончена. Эта стая псов рыщет вокруг ворот нашего города, она не хочет примириться, что красный бунтовщик остался красным. Эта стая псов будет пытаться еще раз укусить нас и возобновить на нас поход».

Поэтому мобилизация продолжается, работы по внутренней обороне продолжаются, *ни один работник с фронта не должен быть отозван*, пока Ямбург и Гдов не взяты нами, и пока мы не убедимся, что финляндские и эстляндские буржуи не посмеют замышлять против нас. Петроград должен помнить, что он стоит на особом посту, что это город на горе стоящий и вокруг этого города слишком много страстей бушует. Европейская буржуазия во что бы то ни стало попытается довести свое дело до конца. Будем на посту, будем помнить, что приходится стоять под ружьем и придется стоять не одну неделю или месяц.

Я говорил до сих пор на злобу дня, на тему о том, какие события происходили в последние дни и недели у нас. Но эти события имеют не только злободневный характер, они имеют всемирно-исторический характер. Это великолепный итог двухлетней Советской власти. То, что происходило здесь, было борьбой двух миров, двух классов. Это была гигантская борьба между мировым пролетариатом и мировой буржуазией. Товарищи! 7 ноября 1918 года, год тому назад, произошли, как известно, события всемирно-исторической важности, произошли австрийская и германская революции. Правда, Германия, которая назвала себя социалистической республикой, за это время успела благодаря социал-предателям выродиться в республику буржуазную. Германскую коммунистическую партию обезглавили. Мы потеряли там наиболее видных вождей III Интернационала, мы потеряли Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Германскую партию коммунистов распинают на всех перекрестках, все тюрьмы полны, за малейшее коммунистическое слово социал-предатели меньшевики в Германии расстреливают направо и налево. Там и в Австрии мы видим, что партия закаляется в борьбе. Рабочий класс теряет последние иллюзии, теряет доверие к буржуазии, к социал-предателям и группируется вокруг наших товарищей коммунистов. Потребовался опыт очень жестокой и трудной борьбы. Но массы людей, миллионы, иначе не учатся, как на собственных уроках, на собственных ошибках.

За истекший год кончилась мировая империалистическая бойня. За этот год был заключен Версальский мир. Мне кажется, что ничто так не подтвердило правильности наших взглядов, как этот Версальский мир.

Конец венчает дело. Этот версальский конец достойно увенчал разбойничье дело империалистов, которые превратили Европу в мировое кладбище, залили мир кровью. Товарищи, если были люди сомневающиеся, не понимающие, если были темные, отсталые рабочие и крестьяне, которые не знали, что происходит на белом свете, то теперь, когда кончилась война, когда догорели огни, кончились пышные, парадные фразы и заключен этот подлый мир, теперь и слепому ясно, из-за чего люди воевали в течение четырех лет: из-за того, кто будет угнетать такой-то народ, издеваться над такой-то колонией. Ясно, что вся война была сплошным, небывалым в истории, вопиющим преступлением против

человечества. Всякому ясно, что вся империалистическая война была продиктована исключительно интересами наживы, интересами кошелька. И, товарищи, человечество так это и поняло. Человечество, к счастью, не сошло еще с ума. Оно сделало правильные выводы из жестокого урока, который получило за эти четыре года войны.

Посмотрите, что делается кругом.—Мы не знаем и сотой части того, что происходит в Европе и в Америке. Везде стачечное и повстанческие движения: в Америке бастует около миллиона шахтеров, в Англии была грандиозная железнодорожная забастовка, в Италии нет профессии, где бы рабочие не устраивали несколько раз всеобщих забастовок.

То же происходит во Франции, в стране, где сидят Клемансо и компания.

Товарищи, на-днях мне попалась распространенная буржуазная бульварная парижская газета. Там помещена следующая, крайне характерная, карикатура: изображена парижская мерия, районная управа. Рабочий пришел получать какую-то справку. Он стоит перед чиновником, который склонился и пишет справку. Чиновник задает формальные вопросы: сколько лет, где родился и т. д.? Наконец чиновник доходит до вопроса: «А ваша профессия?» Рабочий отвечает: «Моя профессия?—Я стачечник, как все французские рабочие».

Эту карикатуру помещает французский буржуазный листок. Когда на нее смотришь, хочется сказать: «Над кем смеетесь, господа французские буржуа? над собою смеетесь! Вы довели дело до того, что в вашей хваленой демократической республике профессией каждого рабочего стала—стачка. Когда французские рабочие устраивают стачки, они всякий раз неизменно провозглашают: «Да здравствует Советская власть в России! Не смейте вмешиваться в русские дела, уберите грязные руки от России!»

Нам, конечно, приходится тяжело оттого, что английский и французский капитал смеет вмешиваться в наши дела. Но вместе с тем то обстоятельство, что они вмешиваются в наши дела, служит, как свидетельствуют английские и французские коммунисты, лучшим возбудителем против них и ускоряет революцию во Франции и Англии. Ибо французские и английские рабочие видят, за что они идут на Россию, почему они не хотят примириться с тем, что в России стоят у власти рабочие и крестьяне?

И прозревают самые слепые английские и французские рабочие и крестьяне.

За этот год мы изжили одну опасность: английские и французские капиталисты не могут открыто послать сюда свои миллионные армии, не могут открыто произвести так называемую интервенцию. Они вынуждены это делать крадучись, как мелкий воришка. Они не скажут открыто, что это они из 15-дюймовых орудий палят по Красной Горке. Они говорят, что это делают: русский белый флот, эстонцы, Юденич и т. д. Им ничего не остается, как лгать направо и налево. Три недели их газеты были полны самой неслыханной лжи. Они писали, что часть Петрограда они уже захватили, что Деникин стоит под Москвой, что Колчак в Самаре и т. д. Они не могут открыто сказать английским и французским рабочим того, что есть. Английские и французские рабочие не бессловесный скот,—они интеллигентнее и образованнее многих из нас. Английский и французский рабочий отлично понимает их игру, рабочий сдирает маску с них, бросает ее им в лицо. На всех конгрессах, съездах, во время миллионных стачек, потрясающих весь буржуазный организм, во всех этих стачках красной нитью проходит одно требование—невмешательства в русские дела и лозунг «за Советскую власть». Этот лозунг гремит во всем мире, всюду находя себе многотысячное, многократное эхо. Всюду подхватывают его рабочие и крестьяне, на самых различных уголках Европы и Америки.

За этот год, товарищи, что мы с вами прожили, за этот год борьбы и испытаний произошло еще одно, не последнее, а первое по важности, событие—за этот год *родился Коммунистический Интернационал*, за этот год родилась международная организация рабочего класса. Идея III Интернационала была брошена давно. Но, товарищи, одно дело провозгласить идею, а другое дело облечь ее в плоть и кровь. Теперь мы видим, что Коммунистический Интернационал из идеи превратился в факт. За это время Коммунистический Интернационал стал великой державой. Он насчитывает около полутора миллионов организованных членов. Всюду, где живут и борются рабочие, есть коммунистические партии. Десятки партий входят в III Коммунистический Интернационал.

Сейчас все, что есть честного, боевого, благородного в рабочем классе, сплачивается именно вокруг Коммунистического Интернационала,

который стал великой державой. Когда-то Маркс говорил о I Интернационале, Международном Товариществе Рабочих, что в течение первого десятилетия Интернационал правил одной стороной мировой истории. Не пройдет и года, самое большее—двух лет, и мы сможем сказать, что III Интернационал является хозяином мира, управляет не одной только страной мира, не одной частью земного шара, а является настоящим вождем всего мира.

Вот события, которые произошли за этот год.

Нашему Красному Петрограду за этот год пришлось испить тяжелую чашу до дна. Нашему Красному Петрограду за этот год, за эти 12 тяжелых, но полных исторического смысла месяцев, не раз пришлось жить под угрозой. Кто не помнит того момента, когда Красная Горка была взята? Кто забудет недели, только-что истекшие, которые навеки запечатлеются в душе каждого из нас? Эти осенние сумрачные дни, когда каждый думал тяжелую думу о том, устоит ли родной Петроград, не ворвется ли банда Юденича? Когда мне случалось ездить эти дни по рабочим заставам, по Нарвской, например, заставе и видеть это, сплошь рабочее, население, я думал: «если сюда ворвется, хотя бы на один день, банда Юденича, сколько будет жертв, сколько рабочих, работниц, их детей погибнет! если даже хоть на 24 часа эта стая разъяренных псов ворвется в город!»

Много таких тяжелых дней и недель было за этот год, много страданий, лишений, холода и голода пришлось нам испытать. Каждый из нас, кто прожил этот год, состарился на десять лет. Мы можем с гордостью сказать, что, несмотря на все это, мы ни на секунду не дрогнули, не отказались от исполнения своего долга.

Мы первые бросили идею партийных недель, которые прошли по всей России. Это не только партийное дело, это, товарищи, всемирно историческое дело...

Партийная неделя в Москве, происходившая тогда, когда Деникин рвался на Тулу, дала 15 тысяч новых членов. Это всемирно историческое событие, более важное, чем какие-угодно великие битвы в империалистической войне. *В эти тяжелые дни, когда Юденич был в Красном Селе, в петроградскую организацию записалось около пяти тысяч новых членов.* Это также величайшее историческое событие. Это пока-

зывает, что, чем труднее нашей партии, тем больше душа рабочего рвется к ней. Как бабочка на огонь, так рабочий льнет к нашей партии, берет на себя бремя партийных обязанностей и не только не уклоняется, а именно в этот трудный момент идет в наши ряды. Это как нельзя более характерно для рабочего, для класса пролетариата, для тех людей, которые ничего не могут потерять, кроме своих цепей.

Да, когда партии становится тяжело, и когда некоторые сомнительные друзья и попутчики начинают поглядывать на дверь, как бы во-время порвать партийный билет и унести ноги, тогда настоящий пролетарий идет в партию, тогда учащенно бьется его сердце. Он говорит: «*моей* Советской власти тяжело, и я именно теперь пойду в ее ряды».

И честь и слава тем товарищам, которые в Москве и в Петрограде пришли к нам в тяжелое время и показали, что жив рабочий класс России, жив революционер, что он готов на борьбу и будет грудью отстаивать наш город.

Вспомним другие моменты. Вспомним отправку на Южный фронт. Стало тяжело на Южном фронте, поколебалось положение там, и Петроград, разоренный, голодный, отправивший десятки, а может быть, и сотни тысяч своих сынов на разные фронты, этот Петроград опять бросается первый вперед и говорит: «на юге плохо, что же—пошлем туда наших лучших людей, дадим туда десятки и сотни лучших наших людей, поможем Москве и остальной России! Отправим туда лучших работников, пусть они вольют свежую кровь в нашу армию!» И мы отправляли сотни работников. И то же вслед за нами делает Москва и другие города.

И армия на юге пошла вперед, взяла Орел, Воронеж, подвигается к Курску. Петроград—великое слово. Мы слишком сами участвуем в будничных событиях и не сразу отдаем себе отчет в той грандиозной работе, какую мы выполняем. Без всякого преувеличения можно сказать, что Петроград—это любовь Советской России. Ни один город не пользуется такой любовью, как Питер.

Товарищи, когда нам было голодно несколько месяцев тому назад, Петроградский Совет послал телеграмму, с просьбой помочь хлебом. И для меня получилось затруднительное положение. Как только стала известна эта моя телеграмма, *все* поезда с хлебом, находившиеся в пути,

повернули в Петроград. И мне довелось по этому поводу выслушивать справедливые выговоры со стороны московских товарищей, которые говорили: «Петроград голоден, но ведь и другие города голодны».

Этот факт показал, что такое Петроград для Советской России. Петроград есть тот город, который любят рабочие и крестьяне даже часто полусознательно, сами того не соображая; и это по всей России. Товарищи, приехавшие с разных фронтов, рассказывали о том, как целые полки требовали обязательно отправить их на Петроградский фронт. Многие рвались сюда. Был случай такой: сормовские дезертиры, скрывавшиеся в лесах, прислали делегацию, которая говорила: «разрешите собрать всех сормовских дезертиров и идти защищать Красный Петроград».

Как только вопрос об опасности для Петрограда встал вплотную, все почувствовали, какой это удар был бы для нас. За эти три недели, когда французские биржевики писали аршинными буквами, что Питер взят, когда предвкушали, что в Питер войдут банды Юденича, в это время, можно сказать уверенно, лучшие рабочие всех стран, затаив дыхание, ждали и прислушивались: а что же будет под Питером? И лучшего подарка всему Интернационалу, рабочим всего мира, мы не можем сегодня поднести, чем короткое сообщение товарищам: французским, немецким, английским, итальянским, американским рабочим: *Петроград вне опасности!* Не верьте, товарищи иностранные рабочие, сказкам,—Петроград устоит, Петрограда не победит никто. Никто никогда не возьмет Красного Петрограда, пока в нем живет и борется питерский рабочий, пока хотя один десяток тысяч пролетариев останется в Петрограде.

Мы встречаем 2-ю годовщину при обстановке, можно сказать, открывающей самые радужные надежды в международном и общероссийском масштабах. В общероссийском масштабе вы видите, что главная карта реакции Колчака бита. Три месяца тому назад все кумушки шептали: «Колчак идет, Колчак приближается. Колчак придет». Все они надеялись, что Колчак спасет их. Он был признан «верховным правителем» всея Руси, звание, которым наградили его французские и английские короли, которое формально принадлежит ему и сейчас. Теперь Колчак «был да весь вышел». Мы идем в столицу Колчака Омск; до Омска

осталось 150 верст; ни одной укрепленной позиции нет; он бежит в Иркутск; ему не помогли ни танки, ни чехо-словаки, ни английские миллиарды, ни меньшевики, ни эс-эры, которые имели глупость и подлость его поддерживать. Этот палач разбит!

Второй противник, Деникин, месяц тому назад казался страшным. Все на ушко шептали друг другу, сообщая, что: вот Деникин едет, вот Деникин приехал. Этот Деникин теперь отступает, мы его бьем, наша конница берет его солдат в плен каждый день, он откатывается и скоро побежит, как побежал «верховный» покровитель его Колчак. То же самое случилось и с Юденичем. Близка минута, когда гражданская война кончится. На вопрос о том, когда она кончится у нас, у революционеров не может быть другого ответа, кроме как: *гражданская война кончится тогда, когда кончатся Юденич, Деникин и Колчак.* (Аплодисменты). Тогда, когда мы разобьем последнюю банду белогвардейских палачей, которые еще мечтают повернуть колесо истории назад, которые мечтают вернуть эполеты, власть, землю, доходы!

Советская Республика встречает 2-ю годовщину в обстановке благоприятной, когда положение на фронтах можно назвать блестящим, когда мы справляемся с разрухой. Рабочий класс, можно сказать, как *один человек*, сплотился вокруг Советской власти. Это показала партийная неделя, неделя защиты Петрограда. Крестьянство больше, чем когда-либо, сплотилось вокруг Советской власти, крестьянские бунты, как рукой, сняло, крестьянство в армии закаляется для того, чтобы под руководством передовых рабочих идти в последний бой.

Международные перспективы не хуже. Международная революция идет вперед быстрыми шагами. Мы за год потерпели некоторые неудачи. Погибла Венгерская советская республика. Наша младшая сестра, которая гнездилась на маленькой территории, которая окружена была со всех сторон врагами, на время погибла. Но венгерский рабочий класс поднимается снова так же, как и баварский, и устраивает новые стачки, восстания. В сегодняшний день мы шлем привет нашим братьям, венгерским коммунистам, во главе с их вождем Бэла-Кун. (Аплодисменты). Мы говорим: «товарищи, мужайтесь, и у нас были разгромы, у нас были июльские дни, но мы встали на ноги и теперь вместе с рабочими

говорим: «Венгерская советская республика на время погибла, да здравствует Венгерская советская республика!» (Аплодисменты).

Мы видим, как идет и крепнет международное пролетарское движение. Недавно состоялся съезд итальянской рабочей партии, на котором громадным большинством победили коммунисты, на котором открыто обсуждался вопрос о технической подготовке к восстанию, спорили по вопросу—сегодня или завтра, через неделю или через четыре недели назначить восстание в Италии. Италия полыхает в огне стачек и демонстраций.

Таково же положение в Париже. На громадных рабочих собраниях при слове «Совет» раздается взрыв аплодисментов. И всякого, кто смеет сказать хоть одно слово против Советов, того сгоняют с трибуны, объявляют изменником. Лучшие рабочие Франции гордятся нами. На всех празднествах и торжествах главный лозунг—это «*Советы*». Главное требование во Франции—поддержка Советской Республики.

В Америке, в Англии, в этих твердынях капитализма, вы видите миллионные стачки. Это события неслыханные, небывалые ни для Англии и Франции, ни для Америки. Останавливаются железные дороги. Вильсон почему-то периодически теряет рассудок и каким-то образом опять пытается его обресть. Всюду в самых некогда могучих странах капитализма мировая революция идет семимильными шагами. У нас всюду есть друзья.

Два года тому назад мы, действительно, были как-будто одиноки. Вокруг нас бурлил океан враждебных страстей. У нас был миллион врагов и не было, казалось, ни единого друга. За эти два года мы пережили многих врагов. Все эти господа гибли и погибнут окончательно, если не завтра, так послезавтра. Все эти правительства Скоропадских, Маннергеймов и многих других германских, французских, английских, американских правителей мы пережили и переживем последних буржуазных правителей, потому что на их стороне развращенный, умирающий, гнилой класс капиталистов, который обожрался прибылями, напился крови рабочих всех стран в течение четырехлетней империалистской бойни. А на нашей стороне весь народ, могучий молодой рабочий класс, который восходит к власти, как восходит звезда,

которая будет сиять всему человечеству. На нашей стороне десятки миллионов людей.

Вот почему мы победим. Мы полны веры в победу. Посмотрите на Петроград. Разве это не эмблема? Мы два дня тому назад строили баррикады, а сегодня мы покрываем Питер красными знаменами. Это символ: на баррикадах, с винтовкой в одной руке и с красным знаменем в другой руке, мы будем продолжать борьбу, окруженные симпатией рабочих всех стран, и доведем борьбу до конца.

Да здравствует великий город, Красный Петроград! (Продолжительные аплодисменты).

Да здравствует самый славный из городов мировой пролетарской революции—Красный Питер!

Да здравствует слава наша—петроградские рабочие! (Аплодисменты).

Да здравствует будущий владыка мира—Великий Коммунистический Интернационал! (Продолжительные аплодисменты. Крики: Ура!).

Товарищи, позвольте огласить вам полученное мною от тов. Ленина для передачи вам следующее приветствие:

«Первого привета заслуживают петроградские рабочие, как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира.

Петроградские рабочие первые отвергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма. Два года рабочие и трудящиеся крестьяне Советской Республики держат победно это знамя, вопреки всем трудностям и мучениям голода, холода, разрухи, разорения. Два года социалистического строительства дали нам, несмотря на бешеную злобу и сопротивление буржуазии, несмотря на военные нашествия всемирного империализма, дали нам большой опыт, дали укрепление Советской власти.

Сочувствие рабочих всего мира на нашей стороне. Медленно и трудно, но неуклонно зреет во всех странах пролетарская революция, и зверские насилия буржуазии только обостряют борьбу, только ускоряют победу пролетариата.

Как раз в последние дни английские реакционеры и империалисты поставили последнюю свою карту на взятие Петрограда. Буржуазия

всего мира, и русская особенно, уже предвкушала победу, но, вместо победы, они получили поражение. Под Петроградом войска Юденича разбиты и отступают. Товарищи рабочие, товарищи красноармейцы, напрягите все силы во что бы то ни стало, преследуйте отступающие войска. Бейте их. Не давайте им ни часа, ни минуты отдыха. Теперь больше всего мы можем и должны ударить, как можно сильнее, чтобы добить врага.

Да здравствует Красная армия, побеждающая царских генералов, белогвардейцев, капиталистов.

Да здравствует Международная Советская Республика!

5 ноября 1919 г. Н. Ленин.

Заседание закрывается в 23 ч. 35 м. под звуки всеобщего пения Интернационала. Все присутствующие выстраиваются стройными колоннами на площади Урицкого. Ровно в 24 часа с орудий Петропавловской крепости раздается пушечный салют. На площади зажигаются сотни факелов. Начинается торжественное шествие под звуки революционных гимнов через арку, Морскую улицу и далее, по Проспект 25-го октября — встреча второй годовщины великой социалистической революции.

Стеногр. отд. Петрогр.
Совета 6 ноября 1919 г.

Пролетариям всего мира.

Товарищи! В день второй годовщины нашей пролетарской революции первое наше слово привета обращено к вам.

В течение трех недель внимание всего мира было приковано к нашему городу—к тому городу, где родилась рабочая революция. Английские и французские империалисты вот уже два года организуют один за другим натиск на Красный Петроград. Нет той подлости, нет той интриги, нет того насилия, к которому не прибегли бы англо-французские империалисты, преследующие задачу захвата Петрограда. Английское правительство прислало в наши воды свой флот, который обстреливает наши берега. Те же английские империалисты прислали в Финляндию своих летчиков, которые десятки раз бросали бомбы в мирное население Кронштадта, убивая женщин и детей. Английские и французские капиталисты наводнили прилежащие к Петрограду места шпионами, сыщиками, взрывателями мостов. Английские и французские империалисты подкупили эстонскую и финскую буржуазию. Английские и французские империалисты добились того, что в Ревеле и в Нарве, в Гельсингфорсе и в Выборге русские черносотенные генералы и офицеры расположились, как у себя дома. В Финляндии и Эстляндии англо-французская буржуазия устроила базу для белогвардейских войск Юденича. Туда собрали черносотенных офицеров. На английские и французские деньги их одевали и обували. Английское и французское правительства дали войскам Юденича пушки, танки, пулеметы, снаряжение, и они бросили этих разбойников еще раз против Петрограда.

В течение трех недель вся желтая буржуазная печать, все биржевые акулы, все социал-предатели заранее ликовали, предвкушая падение Петрограда. В гнусных газетах вроде шейдемановского «Форвертса» уже пели отходную Советской власти. В лондонских и парижских газетах, находящихся на содержании у банкиров, уже отплясывали дикий танец по поводу ожидавшейся ими победы Юденича. Псы англо-фран-

цузской буржуазии готовились уже сделать последний прыжок, чтобы вцепиться зубами в горло рабочего класса Петрограда. Американская миссия ездила вслед за войсками Юденича до самой Гатчины. Эта миссия имела якобы задачей кормить голодных русских детей, а на деле она вместе с громилами Юденича разграбила наши детские приюты. Танками Юденича управляли английские офицеры. Среди банд Юденича было не малое количество английских и французских командиров.

Но планы англо-французских головорезов не удались. Наш славный Красный Петроград еще и еще раз вышел победителем из борьбы. Мы прогнали Юденича, который отступает так быстро, что наши войска не могут его догнать. Мы дадим отпор любым попыткам эстонской и финляндской буржуазии, подкупленной английскими и французскими банкирами. Красный Петроград навсегда останется Красным.

Петроградские рабочие и работницы не поколебались ни на одну минуту. Тысячи и тысячи петроградских рабочих отправились на фронт, чтобы защищать свой родной город. Оставшиеся в городе возводили баррикады, проволочные заграждения и другие укрепления, готовясь отстаивать каждый дом, каждый камень своей столицы. Нашествие врагов вызвало небывалый энтузиазм среди рабочих. В дни, когда Юденич ломился в Петроград, в члены нашей партийной организации в одном Петрограде записалось новых пять тысяч рабочих и работниц.

Во всей продажной европейской печати кричали о том, будто в Петрограде все умирают с голоду, будто в нашем Питере каждый день замерзают сотни людей и тому подобный вздор. Да, мы голодаем! Да, по милостям Антанты и русских грабителей-буржуа, мы терпим неслыханные лишения. Но все-таки мы снабжаем нашу доблестную Красную армию, защищающую Петроград, лучше, чем когда бы то ни было. Наша Красная армия не знает недостатка ни в чем, она прекрасно одета и обута и питается удовлетворительно. Продовольственное положение Петрограда, разумеется, не легкое, но оно лучше, чем было когда бы то ни было за последние два года. Ни голод, ни холод, ни Юденич, ни наемники Ллойд-Джорджа и Клемансо не победят петроградских рабочих.

Петроград стоит незыблемо. Петроград в любую секунду готов защищаться до последней капли крови против нападения буржуазии.

Пролетариат первого города пролетарской революции, как верный часовой, стоит на страже наших завоеваний.

Мы знаем, товарищи, что в то время, как буржуазия всех стран в течение этих трех недель, щелкая зубами, дожидалась нашей гибели, вы, рабочие и работницы всего мира, были душою с нами. Мы знаем, что вы с симпатией и любовью следите за нашей борьбой, мы знаем, что вы ненавидите буржуазных угнетателей так же, как и мы. Мы знаем, что недалек тот момент, когда вы восстанете против буржуазных палачей и лишите их возможности душить нас. Мы знаем, чем циничнее английская и французская буржуазия вмешивается в наши русские дела, чем подлей их нападения на Российскую Советскую Республику, тем скорее они погибнут. Ибо тем ярче разгорается ваш гнев против англо-французских палачей, тем быстрее сплачиваются ваши ряды, тем скорее ваши руки рвутся к мечам.

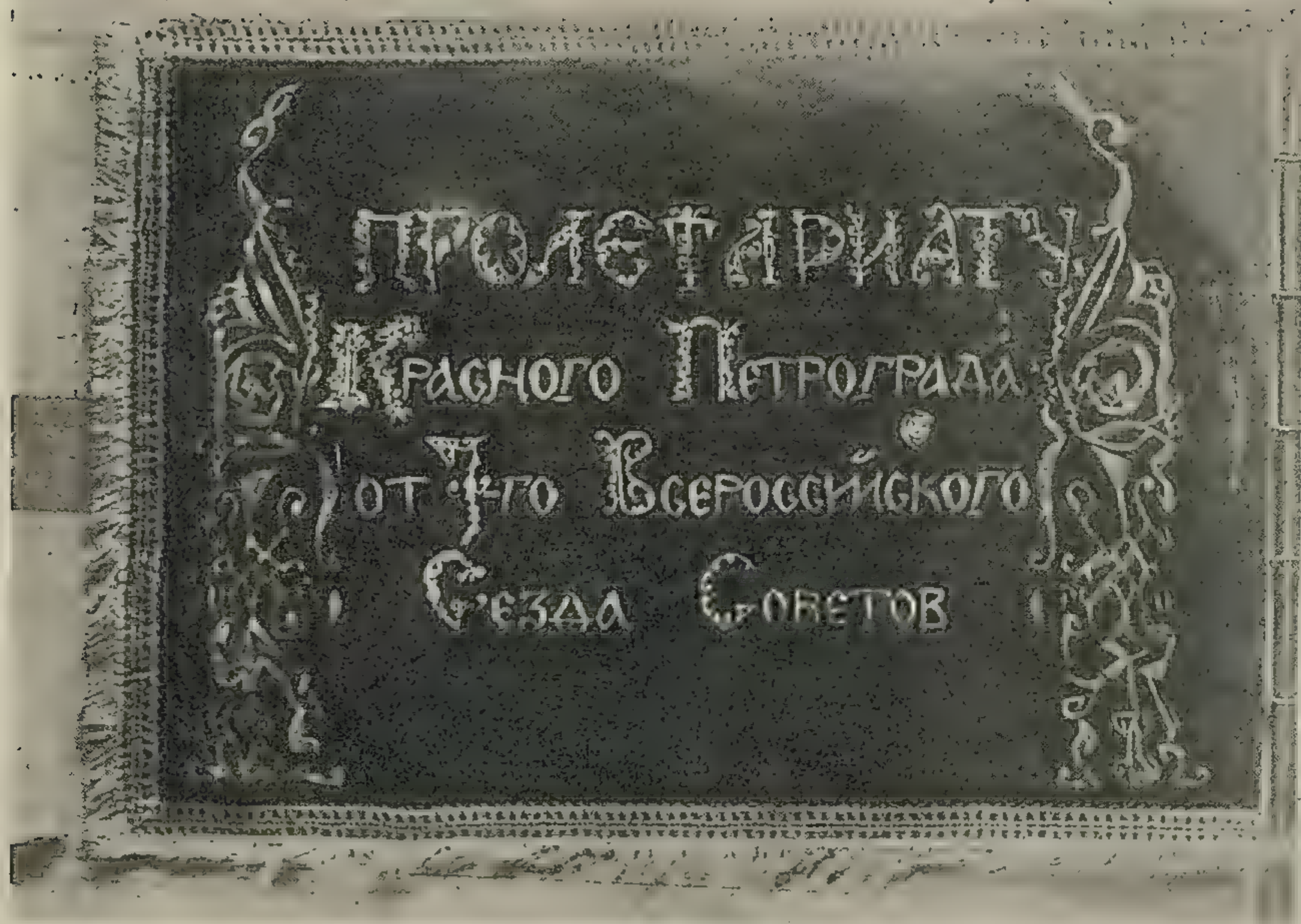
Ваше сочувствие, дорогие товарищи, является для нас величайшей поддержкой в нашей тяжелой борьбе. Никакой другой награды нам не нужно.

Да здравствует братская солидарность рабочих и работниц всего мира! Да сгинет буржуазный строй! Да здравствует Красный Петроград! И пусть все мировые столицы поскорее подымут красное знамя труда!

Да здравствует Международная Советская Республика! Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Предс. Петр. Сов. Раб. и Красноарм. Деп. *Г. Зиновьев.*

Стеногр. отч. Петрогр. Сов. 6 ноября 1919 года.

Почетное знамя, преподнесенное пролетариату Красного Петрограда.

Президиум Петроградского Совета и знамя, переданное Петрограду от 7-го Всероссийского С'езда Советов.

Речь тов. Троцкого во Вс. Центр. Исп. Ком.

Товарищи. Позвольте начать с сообщения, которое только что пришло к нам из Петрограда от т. Зиновьева: 7-я армия вместе с соседней 15 армией—эти две армии, которые ведут борьбу против белых банд Юденича — успешно продвигаясь вперед, передали в наши руки единственный в сущности город, который служил опорным пунктом Юденичу,—город *Гдов*. Если вспомните, товарищи, что недели 4 тому назад наше военное положение не только казалось, но и было весьма угрожающим, то можно сказать, что за последний месяц красная армия на всех фронтах сделала большие успехи.

Как раз к юбилейному нашему празднику, вчера и сегодня, красная армия вернула нам Чернигов, Севск и Гдов.

На важнейшем фронте, на Южном, мы еще не сделали главного дела, мы еще не сокрушили основного ядра деникинских войск, но мы уже сильно ущемили это ядро. Наступления противника более нет, если не считать отдельного продвижения на небольших участках; наоборот, отступление Деникина совершается на огромном протяжении, и о причинах этого, с естественной и законной тревогой, спрашивает себя англо-французская печать. Что стало с Деникиным? спрашивает себя английский и американский радио, кто его, так сказать, сглазил,—этого победоносного недавно Деникина? Они кое-чему научились в течение этих двух лет, эти господа, они видали, как Колчак, который был уже почти миропомазан всеми биржевиками и ростовщиками обоих полушарий, как этот Колчак, протягивавший руку к Москве, великолепно откатывается на восток и, по имеющимся у нас известиям, резиденцию свою перенес из Омска в Иркутск,—ближе к своим собратьям биржевикам Токио и Нью-Иорка.

Хороши наши дела и на северо-западе. Как раз у порога второй Советской годовщины разразился удар из того угла, откуда мы как бы

перестали ждать удара,—я говорю о северо-западной армии, армии Юденича, которого товарищ Демьян Бедный, с основанием ли или без основания, считает потомком Иуды. У Юденича почти не было тыла, этим он был слабее двух других кандидатов: Колчака и Деникина. Но у него была обильная помощь Антанты, он был наиболее близок, наиболее доступен с моря, он опирался на вновь образовавшиеся Прибалтийские страны. После своего майского наступления Юденич был нами отбит,—отбит, но не добит. В тиши, на эстонской территории, при поддержке в первую голову Англии, он восстановил свои силы и начал наступление. Работа у нас шла в высшей степени напряженная, мы были заняты Деникиным и вынуждены были, чтобы охранять пути на Тулу и Москву, ослабить 7-ю Петроградскую армию. Как раз к тому моменту, когда на юге наши дела стали лучше и непосредственная опасность Туле и Москве миновала, разразился удар Ямбурга на Петроград. Дело было поставлено так, что к вопросу о Петрограде как бы приковались все надежды, аппетиты и вожделения всех наших врагов. Как бы к этому вопросу приковался вопрос о судьбе Советской власти. На самом деле это не так, и сейчас, когда опасность Петрограду миновала, мы можем с уверенностью сказать, что если бы мы даже временно сдали Петроград, мы бы конечно, не погибли. Но буржуазные классы всех стран, которые боролись с нами в течение двух лет и с нетерпением дожидались нашего падения, они—в тот момент, когда им показалось, что Петроград будет в их руках—сказали себе: это начало гибели Советской власти—от Петрограда путь недалек на Москву. Они так много связали с походом на Петроград, так сильно приковали к этому походу внимание всего мира, что наша удача явилась для них подлинной катастрофой.

У меня под руками имеются интересные и поучительные свидетельства буржуазной, главным образом, скандинавской печати, и из этих свидетельств видно, как тщательно подготовлялся и с материальной и с идейной стороны—если могут быть названы идеями слова лжи, травли, клеветы,—как тщательно подготовлялся последний поход Юденича. Финляндская буржуазная газета в номере от 15 октября рассказывает о том, как долго и тщательно подготовлялся поход на Петроград, как велика была уверенность в успехе. Они мобилизовали все, что могли мобили-

зовать: эстонские и ингерманландские части, английский флот, армию Юденича, подкрепив его отборным батальоном «светлейшего князя» Ливена, как он именуется в приказах, а также и части, снятые с Архангельского фронта. Все эти отборные в своем роде части, во многих во главе каждого звена стоит офицер, т.-е. на семь-восемь человек солдат один офицер, при каждом шаге солдата назад, он немедленно убивается на месте.

Преимущества, которые были в борьбе против нас у войск буржуазной контр-революции, те, что они были превосходно обеспечены всем необходимым и разумеется, имели с технической стороны больше возможностей, чем мы. Кто привез эти легионы из-под Архангельска? Конечно, английский флот. У Юденича оказались танки. Кто привез эти танки? Англия. Кто управлял этими танками? Квалифицированные английские специалисты военного дела. Кто обстреливал из тяжелых орудий Красную Горку? Английские суда, мониторы, вооруженные 15-ти-дюймовой артиллерией—последнее слово морской артиллерийской техники, введенное только в 1916 году. Наши матросы отстаивали Красную Горку под этими страшными снарядами. У меня здесь под руками есть сообщение по радио о том, что Красная Горка должна быть взята сегодня или завтра, есть сообщение о том, что Кронштадт пал под ударами с английских мониторов. Они думали, что наши моряки не выдержат обстрела 15-ти-дюймовой артиллерии, но наши матросы выдержали, и Красная Горка и Кронштадт крепче в наших руках, чем когда бы то ни было.

Повторяю, они подготовлялись к этому походу, они ждали его, они жаждали этого решающего момента. В первых числах октября, еще до удара Юденича на Ямбург, одна из буржуазных английских газет писала, что на-днях *предстоит* наступление Юденича на Петроград, которое будет решающим—это до нас тогда не дошло, мы получили газету с запозданием. Разумеется, эта английская газета выдавала военную тайну, но им так не терпится обещать, предсказать ниспровержение Советской власти, что они делают это даже с нарушением собственных военных интересов. Английские империалисты типа Черчилля слишком связали свою судьбу с судьбой интервенции, и на Черчилля напирает отчаявшаяся буржуазия, говоря: ты ухлопал на походы русской бур-

жуазии два с лишком миллиарда франков—это чисто военные расходы английского империализма—и эти расходы ничего не дали, кроме укрепления военной мощи русской красной армии. Он, Черчилль, отвечал: «погодите еще, вот неделю, две недели, три недели, и генерал Юденич сделает то, что не сделал обманувший нас Колчак и чего не доделал Деникин. Он возьмет Петроград, и там в Петроград он первым делом начнет формировать могущественную армию для наступления в глубь России. Об этом плане говорит шведская газета до начала похода: решающий краткий удар на Петроград, захват Петрограда, обеспечение базы, формирование и затем удар из Петрограда на Москву. Все было тщательно подготовлено. Правда, Англия хотела, чтобы удар шел одновременно с двух сторон, со стороны Эстонии и со стороны Финляндии. И в течение октября вся английская печать науськивала Финляндию, например, английская газета «Таймс» писала в своей передовой статье о «нравственном долге» Финляндии участвовать в разбойничьем походе, о том, что это поднимет ее международный авторитет. Эта могущественная Англия, в руках у которой все милости и все кары, она применила всю силу материальных угроз и посулов для того, чтобы вовлечь Финляндию в авантюру на помощь Юденичу. Финляндия колебалась и шаталась все это время, она не решилась до сих пор, и разгадку этой нерешительности мы находим в финской буржуазной прессе. Здесь у меня есть интереснейшее свидетельство о росте и возрождении коммунистического движения Финляндии. Вот что говорит газета «Кариала». «До последних месяцев,—говорит газета,—большевистские газеты распространялись у нас подпольно, издания приходили из Петрограда, но за последние месяцы наша рабочая пресса взяла чисто большевистский тон. Есть целый ряд легальных изданий, которые прямо и открыто угрожают революцией в случае наступления на Советскую Россию!» Вот, товарищи, важнейшее обстоятельство, которое связывало финскую буржуазию по рукам и ногам. Мы, правда, читали радио о том, что вопрос «решен» и что генерал Маннергейм уже едет из Европы в Финляндию, и затем вдруг снова перемена. Генерал Маннергейм раздумал, финская погода вредно влияет на его подагру, он остается в Париже. (Смех). Так он и пребывает в Париже до настоящего момента. И то, что дал петроградский пролетариат и дала армия в эти критические дни, позво-

ляет нам с полной уверенностью сказать, что и при наступлении Финляндии мы удержали бы Петроград. Теперь, после того, как Юденич отброшен, тем более наступление маннергеймцев нас не страшит.

Но, разумеется, мы все глубоко заинтересованы в том, чтобы Финляндия не наступала. Те шаги, которые делала наша Советская дипломатия, конечно, диктовались реальными интересами и реальными соображениями, а не симпатиями к финляндской буржуазии. Никогда мы на этот счет не вводили в заблуждение никого,—ни друзей, ни врагов. Но поскольку интересы финляндской буржуазии требуют, если вообще история еще обеспечит за ней известную эпоху существования,—интересы финляндской буржуазии, говорю, требуют, чтобы страна, которая расстилается в расстоянии одного или двух переходов от такого важнейшего центра нашей страны, как Петроград, чтобы эта страна в лице своих правящих буржуазных классов сказала себе, что она не просунет своей головы в ту щель, куда ее пихает англо-французский империализм, ибо ясно для самого тупоголового выборгского мещанина, что мы не можем жить год за годом под постоянной угрозой того, не решится ли генерал Маннергейм или кто-другой «взять» у нас Петроград. Поскольку Финляндия самостоятельна, а мы открыто и честно, без задней мысли, ее самостоятельность признали,—постольку за эту самостоятельность, за ее существование, как страны, несет прямую ответственность стоящая сейчас у власти финляндская буржуазия. И мы, считаясь с тем, что история прокладывает свои ходы и в Финляндии, делаем свое собственное дело внутри нашей страны, и финский пролетариат не требует и не потребует от нас вооруженного вмешательства, ибо понимает, что такое вмешательство принесло бы только вред делу финляндской революции в настоящую эпоху. Вот чем объясняется возможность *мирных* отношений, мирного сосуществования между нами и Финляндией. Но, с другой стороны, повторяем, город, в котором сейчас еще есть не один десяток тысяч работников и работниц, город, который ослаблялся, обескровливался, но остается попрежнему превосходнейшим очагом революционной энергии, этот город не может жить под Дамокловым мечом наступления со стороны Финляндии, и если бы чаша весов склонилась в сторону вмешательства финляндской буржуазии, чего мы не хотим,—то мы на этот раз сказали бы себе, что дело нужно доделать до конца.

Итак, Юденич выбит даже из своего Гдова... а ведь счастье казалось так возможно и так близко. Министр Юденича, петроградский адвокат Маргулиес, министр снабжения и продовольствия бывшего Гдовского государства, в Финляндии заготовил все, вплоть до стеариновых свечей, для почти завоеванного Петрограда. Они торговались там по счетам с финляндскими поставщиками от имени разных правительственных учреждений. Вопрос казался предрешенным. И надо сказать, что кой-какие шансы у этих господ были. Наша армия откатилась до Пулковской высоты— в расстоянии однодневного нашего перехода от Петрограда. С Пулковской высоты он открывается как на ладони, ночью он кажется морем огня—даже теперь при недостатке освещения он представляет ночью большое и привлекательное световое пятно. Детское Село, которое называлось Царским Селом, и одним своим именем привлекало всю международную буржуазию. «Деникин уже в Царском Селе!» Там стоял ранее наш мощный радиотелеграф, разумеется, снятый нами заблаговременно,— и каждый мелкий мещанин, каждый лавочник Парижа знает, что Царское Село—летняя резиденция царя, почти Петроград,—и вот в этом Царском Селе Юденич и Родзянко! Какая победа! Рассказывают, что генерал Родзянко прибыл 20 числа в Царское Село и, когда ему предложили в бинокль посмотреть на Петроград, сказал: «не надо, завтра-послезавтра будем гулять по Невскому и без бинокля увидим». Теперь ему нужны сильные увеличительные стекла, товарищи. (Аплодисменты).

Чем объясняется наш откат? Он объясняется целым рядом причин. Война, товарищи,—это ясно для нас всех, которые на нее посмотрели поближе, а кто из нас не видел ее теперь более или менее близко?— война не столько процесс материальный, сколько психический процесс. В этом отношении положение нашей 7 армии сложилось крайне неблагоприятно. Юденич скрывал свой хвост в Эстонии и в Финляндии, а главной базой его были Британские острова. Мы против Финляндии не воюем, против Эстляндии не воюем,—наоборот, мы вели переговоры с этими странами. Эстляндия будто бы крайне интересовалась мирными переговорами с нами. Кто кого там обманывал, или они совместно и сознательно пытались обмануть Россию, чтобы обеспечить успех наступления Юденича, этого сразу не разберешь, потому что в мелкобуржуазной политике эстонских правителей страшно трудно понять, где их

обманывают, а где они обманывают, но факт таков, что эти переговоры, положительного значения которых никто из нас не может отрицать, ибо они оказывают свое влияние на эстонское население, показывая ему на деле, что мы насилия над Эстляндией не хотим,—эти переговоры воспринимались однако солдатами нашей 7 армии так, что дело закончено. Одни говорили, надо нас перебросить на Южный фронт. Другие просто отдыхали, внимание притуплялось, — не думали, что грозит такой удар. Я уже упомянул, что мы из 7-й армии взяли целый ряд работников и комиссаров на Южный фронт. И вот это состояние армии выжидательное, вялое, не напряженное, — с фронтом, упирающимся в Эстляндию и в Финляндию, с которыми мы не воюем, — и придало известную рыхлость армии и этим дало возможность Юденичу воспользоваться положением и применить с большим успехом новые механические орудия— танки. И здесь опять танки не сами по себе страшны. Танки в конце концов действуют только пулеметами и орудиями, и в полевой войне их значение не велико, но самая форма их, способ передвигаться, ореол, которым окружены эти танки, произвели сразу большое впечатление на наших солдат, вызывая нередко настоящую панику. Новое техническое средство, танки, умелый командный состав, офицер на каждое звено, особенно в баталионах «светлейшего князя» Ливена, в лучших ударных частях, — и все это при выжидательной расслабленности у нас — вот общие предпосылки этого похода, который дал основание контр-революции утверждать, что она войдет в Петроград не позже конца октября— начала ноября. Однако, они не учли того морального фактора, которым располагает наша армия в лице передовых рабочих, в лице коммунистов, нашей великой способности мобилизовать дух армии, поднять и напрячь ее волю в короткий срок.

Такой способности не имеет, — это мы можем сказать с уверенностью,—ни одна армия в мире. У нас есть много недостатков и недохваток, и мы стараемся их устранить. Мы теперь соорудили даже и танки, которые действовали против Юденича и действовали с большим успехом. Это произвело громадное впечатление на нашу красную армию. Наши красноармейцы с радостью говорили: «у нас есть теперь своя Танька на фронте». Но все же у нас очень много своих технических прорех, и бывают случаи, когда нам то там, то здесь приходится эти

прорехи затыкать мочалкой. Но зато у нас есть наш незаменимый, надежный, необманный аппарат пролетариев коммунистов: наших коммунистов—командиров и комиссаров—не могут заменить Юденичу те офицеры, которых так много в главных его частях. Эти офицеры, конечно, способны на героизм. Там было не мало истреблено их, таких офицеров Юденича, в жестоких боях,—но это все же представители мелкобуржуазной интеллигенции: они способны на порыв, легко окрыляются при успехе, но после первой же неудачи падают духом. Совсем другое дело московские и петроградские пролетарии: чем их больше бьют удары судьбы, тем они делаются крепче. (Аплодисменты).

Теперь мы это проверили снова. Каждый раз, когда такое испытание взваливается на нашу сторону, мы снова и снова убеждаемся в крепости пролетариата. Глядите на Петроград... Сколько мы выкачали работников из Петрограда, сколько их погибло на всех фронтах, но тем не менее Питер выдвинул новые тысячи в час опасности, которые не дали врагу опрокинуть себя. Задачу обороны Петрограда мы разделили на 3 части: противник находился под Пулковскими высотами, там боролась полевая армия, она, откатившись, пришла в небоеспособное состояние, и ее нужно было укрепить, перегруппировать, закалить. Но с другой стороны, если бы полевая армия сдала все же свои позиции и Юденич ворвался бы в Петроград, то мы решили весь Петроград превратить в один боевой лагерь, где каждый район, каждый сектор пришлось бы брать с боя. Петроградских работников разделили на две группы. Одни были привлечены на линию боя восстановлять части 7 армии, а другим было сказано: укрепляйте город, стройте окопы, создавайте дружины, собирайте пулеметчиков, гранатчиков, создавайте отряды, находите подходящие дома, устанавливайте там посты, занимайте подвалы, снабжайте работников или работниц оружием и гранатами, пусть они встретят достойно врага, если бы тот прорвался на несколько часов. В течение нескольких дней мы разделили город на районы, резделили районы на отсеки, организовали и распределили дружины, произвели необходимые укрепления,—и если бы белым пришлось ворваться в Петроград, то им пришлось бы грызть зубами каждый квартал, каждый сектор, каждый район. Если бы боевая армия и отступала, то это не значило бы, что Петроград сдан. Это значило бы только, что борьба переносится на

улицы Петрограда, и здесь, на улицах Петрограда—мы не сомневались в этом—мы истребили бы армию Юденича до конца.

Но до этого дело не дошло. Взятие Детского Села и Павловска было последним успехом Юденича. 21-го наступление его задержалось. 22 мы перешли в наступление. 23 мы взяли Детское и Павловск. Через несколько дней Красное. Уже взятие 2—3 первых деревень нами имело решающее значение. Оно показало, что 7 армия возродилась, что в ней появилась упругость и цепкость, что в ней нет того безволия, которое появилось, когда она была неожиданно отброшена от Ямбурга и отступала назад. Задача наша состояла в том, чтобы добиться перелома настроения. Гатчина была взята противником путем искусного ночного налета. Ничтожная часть, может быть одна рота,—это еще не выяснено,—пробралась в парк и открыла ночью стрельбу и этим создала панику. Искусством квалифицированных партизан враг использовал эффект неожиданности. Одна рота произвела величайшее замешательство... Надо было во что бы то ни стало заставить наши части встряхнуться, нужно было каждого солдата заставить понять, что враг слаб, а мы сильны, надо было показать красным белых, нужно было вдохнуть уверенность в своей силе в каждого члена армии,—и это произвел петроградский и московский рабочий. Нужно было показать, что танки это не больше, как железный ящик, в котором сидят несколько человек, вооруженных всеми теми средствами, которыми вооружены обыкновенные пулеметчики и артиллеристы, и в этом нам могли помочь только живые силы, вновь прибывшие из Москвы и Петрограда, которые, появившись, сделали сразу свое огромное дело. А когда они взяли две-три первые деревеньки, то вопрос был решен, потому что нас было больше, а вооружены мы были весьма недурно и хотели сокрушить врага.

Перелома мы добились. Через несколько дней уже из среды противника появились пленные, даже перебежчики,—а в дни нашего отступления их не было, именно потому, что 7 армия непрерывно отступала. Перелом совершился. Этот факт, товарищи, нам доводилось наблюдать не раз на наших фронтах, когда та или другая наша армия, импровизированная, то есть в короткий срок более или менее самодельным путем созданная, мало сколоченная, когда она теряет как будто свое боевое отличие, теряет самообладание—именно в силу того, что ей не

хватает сноровки, выучки, не хватает иногда надлежащего командного состава,—она как будто расшатывается, почва из-под ног ее уплывает, но в эту армию достаточно влить только известное количество мужественных пролетариев, которые твердо сговариваются: погибнуть, но не отступать, и перелом наступает. Это тот новый фактор войны, которого не знали старые армии империализма и которого до сих пор не поняла английская биржа — этот новый наш собственный революционный танк, — московский и питерский пролетарий,—делает чудеса. Этот танк преодолевает все затруднения. Нужно только, чтобы он ясно понял, что *опасность велика*. В этом вся суть. Когда, товарищи, у нас бывают неустойки на фронте, питерский и московский рабочие говорят о себе иной раз: «Ничего, справятся, не раз там справлялись»... И выходит нередко беда, но когда он сам понимает, что опасность велика, что опасность непосредственна, тогда он всегда найдет где-то под спудом у себя неизрасходованные силы, и эти силы оказываются каждый раз больше, чем все те силы, которые он расходовал предшествующий раз. И эта борьба под Петроградом имела для нас значение двойное: с одной стороны, биржа поставила на карту Юденича большую ставку, она обязалась, что это наступление будет иметь решающий характер,— сперва Питер, а потом Москва. Стало быть, не отдать Петрограда, значило, ударить крепко по европейской бирже, значило скомпрометировать ее, представить ее в смешном, жалком виде, перед широкими рабочими массами Европы и Америки, с другой стороны, вопрос о Петрограде имел характер внутреннего испытания, внутренней пробы. Есть ли еще порох в пороховницах русской революции и, в частности, у петроградского пролетариата после того, как мы этот революционный порох расходовали нещадно? Оказалось, что есть, что Петроград способен за себя постоять.

Тот факт, что мы Петрограда не дали, имеет огромное значение для отношения к нам европейского пролетариата и, рикошетом, для отношения к нам европейской буржуазии.

Европейский пролетариат не начинает своей революции именно потому, что европейская буржуазия представляет собой силу покрупнее нашей буржуазии. Есть известная инерция, косность классовых отношений, которая затрудняет старому рабочему классу поднять восстание

против старой могущественной буржуазии. Пролетариат Европы идет к этому, но более медленным путем. Это его буржуазия, пользуясь медленным развитием революции, борется с нами при помощи всех тех орудий и средств, которые она способна привести в движение. Правда, Англия на нашу территорию не бросала своих дивизий, а только свои 15-ти-дюймовые снаряды. Почему не бросала?—потому, что уже не может. Но если не могла, то тем более не сможет дальше бороться против английского рабочего. Лондонские пролетарии, которые угрожали буржуазии всеобщей стачкой в случае продолжения войны с Россией, эти английские рабочие, которые с осторожностью, с опаской спрашивают себя, будут ли они сильны поднять открытую борьбу против английской биржи, они скажут теперь этой бирже: «Что же, ты открыла борьбу против Петрограда, против России, обещала Балтийское море поджечь. Обещала взять Красный Петроград, но не взяла. Как был Петроград городом пролетарским, таким и остался». Вот что скажет английский рабочий. И чем больше мировая пресса поднимала интерес к вопросу о взятии Петрограда, тем сильнее, тем жесточе будет скомпрометирован мировой империализм в сознании мирового пролетариата, не только с моральной стороны (тут уже давно кредита нет), но и со стороны реальной военной силы. А что интерес к вопросу о судьбе Петрограда был в высокой степени напряженным, мы видим из той же буржуазной печати. Шведская газета прямо пишет: «Мировая неделя Петроградской лихорадки». Взять Петроград,—писали буржуазные газетчики,—значит открыть новую главу в мировой истории. Стало быть, под Пулковскими высотами, где мы боролись с Юденичем, там в этих небольших сравнительно армиях, были представлены два отряда, во имя двух величайших мировых сил: с одной стороны—мировая буржуазия, которая дала все, что могла дать в данный момент против нас; с другой стороны—европейский пролетариат, который в этот момент не мог дать ничего, кроме своих пламенных симпатий, ибо моря, пароходы, кабели и радио еще не в его руках. Эта борьба получила, следовательно, не только материальный, но и символический характер. Это была проба сил мировой революции и мировой буржуазии. Это произошло как раз накануне второго юбилея Советской власти. Как будто история попыталась ко дню нашего праздника испытать с одной сто-

роны нас, с другой—мировую биржу, этак пощупать, покачать обе стороны, крепко ли стоят на ногах. В боях под Петроградом Советская власть показала, что стоит на ногах крепко и несокрушимо. Поэтому петроградские бои получают огромное принципиальное и агитационное значение, которое скажется в ближайшие недели и месяцы.

Это не значит, что задача решена—нет, она не решена еще даже и на Петроградском фронте, она в основе своей решена, пожалуй, только на Восточном фронте—там противник разбит, и там вся задача состоит в том, чтобы пожирать пространства, эти необъятные пространства до Тихого океана—там нужно организовать и укреплять Советскую власть—это уже задача на девять десятых не военная. На юге военная задача не решена. Не решена она еще и на северо-западе. Петроград вне опасности, что—несомненно, враг надломлен, однако не сломлен еще, он отступает, но еще не бежит и, во всяком случае, еще не раздавлен. Эта задача должна быть нами выполнена, и армия Юденича должна быть раздавлена.

Войска с Петроградского фронта должны быть как можно скорее освобождены для других задач, прежде всего на Южном фронте, где перелом произошел вполне, но где нужно сосредоточить в ближайшие недели максимум сил, максимум воли и творческой энергии, ибо, как показал нам пример 7 армии, горе нам, когда мы после крупных успехов позволяем нашей организации замирать, распускаться, расшатываться. Нам приходится потом путем невероятных усилий и многих лишних жертв наверстывать то, что мы теряем при отсутствии выдержки. К счастью, опыт, чем дальше, тем больше, нас закаляет и делает более упорными и систематичными в работе.

Нет никакого сомнения после всего того, что мы пережили на наших фронтах, что нашу военную задачу мы разрешим вполне победоносно. У нас, товарищи, в нашей молодой армии, уже есть превосходные кадры, есть борцы, подобных которым мы не много найдем в мировой истории. Если мы, товарищи, открыто говорим об наших недочетах и промахах, о случаях паники, то я считаю, что мы имеем право и обязаны сказать о том героизме, о том из ряда вон выходящем подъеме, который наблюдался на Петроградском фронте. Читайте деникинские сводки, их заявления в печати, где они говорят о том, что

наши красноармейцы, наши курсанты, наши коммунисты дерутся, как они выражались, с безумной страстностью. И это верно. Там, где на небольших участках у врага на семь человек один офицер, где третья часть вооружена автоматическими оружиями, где танки и автомобили и где не теряют патронов зря, где стреляют только по живой силе, там с нашей стороны было меньше сноровки и встречались недочеты, но они с избытком восполнялись энтузиазмом и героизмом. Белые утверждали, что у нас больше жертв, чем у них, хотя они признаются, что жертв много и у них. Верно это или нет, проверить трудно. Но факт тот, что наша седьмая армия нанесла врагу непоправимый удар. Там было много жертв. Я видел там на деле молодых рабочих и крестьян, московских и питерских курсантов. Какие борцы! Полки, прибывшие с Восточного фронта, латышский полк—какие герои! Они бросались на танки с револьвером в руке. Ротный командир латышского полка вскочил на танк с криком: «танк наш».—Это всё факты, которые Юденич называет фактами героического безумия. Я верю, что при такой армии третий год Советской власти будет годом полного сокрушения наших врагов и твердого мира, обеспеченного вооруженной рукой пролетариата. (Аплодисменты).

Да, я верю, что третий год будет годом мира, к которому мы так стремимся, который нам так нужен. Мы не ищем победы для победы, мы воюем потому, что нас вынуждают воевать. Мы хотим мирного хозяйственного строительства, развития и расцвета культуры. В навязанной нам войне мы видим страшную помеху нашим самым великим и святым задачам. Первый день мира принесет нам демобилизацию армии, вернет в наши ряды многие сотни тысяч пролетариев и крестьян, которых Советская страна дала армии для защиты независимости и свободы Трудовой Республики. Они все вернутся, но они вернутся не вполне теми, какие ушли, они вернутся измененными, и в лучшую, а не в худшую сторону. То, что они там пережили, то напряжение оставит в их душах глубокие рубцы и даст их воле новый стальной закал. Этих наших курсантов и красноармейцев, куда бы их ни поставили в дальнейшем, они свою работу выполнят. Мы им говорим: «враг—Юденич, разбей», они его бьют. Завтра, когда разобьем Юденича и Деникина и вы вернете своих бойцов к себе в тыл и скажете,

враг—это холод, голод, разруха в стране,—разбей его!—и тогда вся эта энергия, тот энтузиазм, то самоотвержение, которое скопили в красной армии, все это пойдет на службу мирному труду, на благо нашим изголодавшимся рабочим, работницам, матерям и детям. И мы станем тогда подлинно непобедимыми, мы залечим раны нашей страны, мы обеспечим ей мир, довольствие, свободное развитие и станем свободной страной в ряду других счастливых стран. (Аплодисменты).

---

7 ноября 1919 г.

Внутренняя оборона.

§ 1. Враг на подступах Петрограда разбит. Красные войска перешли в наступление по всему фронту. Враг отступает. Красным полкам приказано окружить и уничтожить Юденича и его банды. Красные полки исполнят свой долг, но пока враг еще не уничтожен, Красная столица революции должна быть попрежнему настороже.

Петроградский пролетариат не должен оставить врагу никаких надежд застать город врасплох.

Рабочие и работницы ни на одну минуту не должны ослаблять своей работы по военному обучению и укреплению Петрограда.

Белогвардейские банды Юденича и Финляндии на каждом перекрестке улиц, за каждым углом должны встретить хороший окоп, в нем пулемет и обученных бойцов—рабочих и работниц Питера.

Совет Внутренней Обороны гор. Петрограда приказывает продолжать обучение всех рабочих, оставшихся на фабриках и заводах.

Из обучающихся должны быть сформированы особые партизанские отряды, обученные и приспособленные для борьбы на улицах города.

§ 2. Организация партизанских отрядов и распределение их по районам обороны возлагается на районных начальников обороны.

О ходе формирования доносить ежедневно в Штаб Обороны (в отдел дежурств).

§ 3. Районным начальникам обороны немедленно установить дежурства сформированных уже партизанских отрядов на случай отражения нечаянных нападений противника. По мере формирования отрядов установить очередь дежурств.

§ 4. Обучение, в первую очередь гранатному, вести на следующих основаниях:

а) обучение производится ежедневно 2 часа;

б) обучение производится в районах фабрик и заводов;

в) обучение производится инструкторами, командированными районными отделениями Всеобуча;

г) занятия ведутся по прилагаемой семидневной программе;

д) наблюдение за обучением и общее руководство возлагается на отдел Всеобуча Губвоенкомпета, которому два раза в неделю делать по сему доклад в Революционный Совет Обороны.

§ 5. Районным начальникам обороны обратить особое внимание на полное знакомство партизанских отрядов с участками, которые они займут по тревоге, для чего теперь же производить тактические учения и пробные тревоги: способ оповещения о тревоге устанавливается каждым районом в зависимости от местных условий.

О всех произведенных учебных и пробных тревогах, равно как и о результатах их доносить каждый раз в Штаб Внутренней Обороны города по оперативному отделу.

§ 6. При составлении заданий для тактических учений (маневров) не упускать из виду указывать следующие данные:

1) Сведения о противнике (откуда противник, примерная его численность, предполагаемые его намерения).

2) Сведения о своих соседних войсках.

3) Задача, порученная партизанскому отряду.

4) Состав партизанского отряда, его расположение (боевая часть и резервы), расположение артиллерии, пулеметов, места засад, если таковые намечены.

5) Организация доставки патронов на боевую линию.

6) Организация связи по фронту и в глубину.

7) Расположение перевязочных пунктов.

8) Места начальников и указание заместителей.

9) Пароль и пропуск.

§ 7. Маневры производить в начале односторонние, постепенно переходя к двухсторонним с обозначенным противником.

§ 8. При производстве маневров не ограничиваться первоначальными заданиями, вводить новые данные о противнике, получаемые путем разведки (например, появление противника с того или другого фланга, в тылу). Вводить также данные о выбытии начальников и вступлении в командование заместителей.

§ 9. Производя маневры, во всем руководствоваться требованиями устава полевой службы.

Нач. внутр. обор. г. Петрограда ***П. Исаков.***

Член Совета Обороны ***Иоффе.***

Начальник Штаба ***А. Бобрищев.***

---

7 ноября 1919 г.

К трудящимся ремонтных заводов и мастерских

Товарищи!

От вас зависит теперь помочь нашей армии, которая гонит банды царского генерала Юденича. От вас зависит оказать нашему Красному Петрограду и защищающим его армиям неоценимую услугу.

Армия наша продвинулась на 80 верст вперед. Она проходит в среднем 10—20 верст в день. Доставлять продовольствие и снаряжение становится все труднее. Нужен транспорт. Нужны грузовые и легковые автомобили. Без этого армия как без рук. Без этого наши красноармейцы могут остаться без хлеба и без патронов.

Нужно усилить работы по ремонту грузовых и легковых машин. Нужно работать день и ночь.

Рабочему и техническому персоналу авто-ремонтных заводов и мастерских обеспечен красноармейский паек. Количество рабочих рук для авто-ремонтных работ будет увеличено.

Но вы должны напрячь последний мускул.

Берите пример с путиловцев и ижорцев. Они дали нам много бронепоездов и бронемашин. Они за 4 часа делали такой ремонт, на который раньше тратилось 2 недели. И этим они помогли спасти Петроград.

Я обращаюсь к вам от имени Петроградского Совета. Надо принять самые спешные меры. Надо действовать по революционному. Я уверен, что вы сделаете все от вас зависящее.

Г. Зиновьев.

---

9 ноября 1919 г.

Приказ Красному флоту.

Возрожденному дружными усилиями лучших военно-морских работников, Балтийскому Флоту нанесен серьезный удар. Три миноносца выбыли из строя, наткнувшись на мины в отважном морском предприятии. Много прекрасных жизней уничтожено. Несмотря на скорбь, которая пронзила наши сердца при первой вести об этом ударе, каждый из нас с законной гордостью может воскликнуть: жива душа Красного Флота!

Предприятие, на какое шли миноносцы, таило в себе исключительный риск. Все моряки, отправлявшиеся на миноносцах, ясно сознавали, как велика опасность. И тем не менее они шли бодро и уверенно—на бой, как на праздник. Жива душа Балтийского Флота.

Опасность есть неизбежный спутник суровой войны. Доколе есть война, дотоле будет опасность, дотоле мужественно будут идти ей навстречу.

На смену выбывшим судам уже пришли новые. Молодые мужественные борцы идут на смену павшим героям. Жив Красный Флот, жива душа его.

Но память о павших будет жить неизменно в наших сердцах. От командира дивизиона и до самого молодого из матросов—они дали нам пример мужества и солидарности в борьбе и в самой гибели. Даже белогвардейские радио вынуждены признать мужество экипажа и верность командного состава Советскому знамени.

Пусть же память об этом ударе военной судьбы теснее сплотит семью красных военных моряков Балтийского моря! Пусть смоются волнами его последние остатки розни! Да будет флаг Балтийского Флота флагом братского единения в служении свободе и независимости трудового русского народа!

Слава павшим!

Да живет Балтийский Флот, да закалится в испытаниях душа его!

Предс. Рев. Военн. Сов. Респ. *Л. Троцкий.*

---

24 октября 1919 г.

Приказ Балтийскому флоту.

В тяжкие дни, пережитые Красным Петроградом, когда враг находился под его стенами, когда наши форты «Краснофлотский» и «Передовой» обстреливались 15-дюймовыми снарядами английских мониторов, а наши сухопутные передовые окопы обстреливались ураганным огнем крейсеров и миноносцев противника, Революционным Военным Советом Балтийского Флота для того, чтобы не оставить безнаказанными наглые действия противника, были высланы наши четыре эскадренные миноносца для исполнения оперативного задания в Копорском заливе, в район действия противника. Несмотря на то, что предприятие носило чрезвычайно опасный характер, без малейшего колебания, наоборот, с радостью в сердцах выходили красные командиры, комиссары и моряки для исполнения своего долга.

Из посланных четырех миноносцев, три миноносца—«Гавриил», «Свобода» и «Константин»—погибли на поставленных противником минных заграждениях, но, умирая, наши товарищи совместно с командным составом провозглашали громкое «ура» в честь Советской России и Красного Балтийского Флота.

Опубликовывая приказ Предреввоенсовета Республики, товарища Троцкого, за № 160, Революционный Военный Совет Балтийского Флота выражает уверенность в том, что взамен трех погибших миноносцев Красный Балтийский Флот в непродолжительном времени увидит в своих рядах новые миноносцы, которые будут не менее опасны мировой буржуазии. Красный Балтийский Флот понес значительную потерю, но велико мужество моряков Балтики. Эта потеря тесней спаяла ряды красных моряков, эта потеря закалила душу Красного Балтийского Флота.

Погибли три миноносца, но живет душа Балтийского Флота.

Революционный Военный Совет Балтийского Флота:

Члены Совета: ***В. Зоф, А. Баранов.***

Начальник Морских сил ***А. Зеленой 2.***

9 ноября 1919 г.

Героический флот.

В бурную осеннюю ночь при исполнении боевого революционного долга погибли три корабля Красного Балтийского Флота, три героических эсминца—«Гавриил», «Константин» и «Свобода». Погибли в момент грозной опасности, когда обнаглевший враг докатился до ворот Красного Питера, когда защитникам красного города надо было напрячь всю энергию и волю к победе для того, чтобы дать достойный отпор врагам трудового класса.

В те тяжелые грозные дни Красный Балтийский Флот встал, как один, на защиту Пролетарской Революции, встал, готовый кровью и жизнью своей совершить легендарное и невозможное во имя освобождения трудящихся. Две недели висела опасность, и за две недели были совершены красными моряками-балтийцами подвиги, которых хватило бы на десятки лет. Присягнувшие на вечную верность революции, бессменные часовые у ворот Красного Питера, моряки-балтийцы героически сражались и умирали на своих боевых постах так, как могут только сражаться и умирать истинные сыны трудового народа в борьбе с угнетателями. Но среди многих и многих имен, которые будут занесены красными буквами в историю защиты Пролетарской Революции, память о которых будут веками чтить поколения свободных трудящихся, вечной гордостью Красного Балтийского Флота останутся три священных имени: «Гавриил», «Константин» и «Свобода».

В борьбе с врагами рабочих и крестьян три пламенных сердца Красного Балтийского Флота перестали биться.

Мы понесли тяжкую утрату, но эта утрата, эта славная гибель наших храбрейших товарищей только закалила нашу непреклонную решимость довести до победного конца борьбу за свержение ига мирового капитала.

Командиры и комиссары, коммунары и беспартийные на погибших кораблях—все были в славных боях и в славной смерти одинаково героическими моряками Красного Балтийского Флота. Спаянные между

собой общей борьбой за освобождение трудящихся, общей опасностью и беззаветно горячей любовью к Красному Флоту, они и в момент гибели не покидали своих постов, умирая с возгласами: «Да здравствует Красный Балтийский Флот!»

И мы, оставшиеся и продолжающие борьбу, с гордостью вместе с пролетариями всего мира можем воскликнуть: «Воистину, да здравствует Красный Балтийский Флот, флот, имевший в своих рядах «Гавриила», «Константина» и «Свободу». И в дни тяжелых утрат пусть светлой радостью послужит нам сознание, что жертвы, принесенные нами, не прошли бесследно.

Враг под Питером разбит окончательно. Белый Гдов стал снова Красным Советским Гдовом. Мы разрушили осиное гнездо контр-революции, бесчинствовавшей под Питером, мы окружили Юденича. Третью годовщину Октябрьской Революции мы встретим вместе с пролетариями всего мира под боевыми знаменами III Коммунистического Интернационала.

И седое, бурное Балтийское море, принявшее в свои глубины наших братьев-героев, станет великим морем Международного Красного Флота!

Д. Гессен.

---

11 ноября 1919 г.

Часть пятая

Иустин Жук.

Сколько выдающихся борцов вырвала война из наших рядов за последние только дни и на одном только нашем участке фронта! Трубачев, Мазин, Чекалов, Жук...

Жук был одним из самых замечательных сынов рабочего класса, каких мне довелось встречать за последние два года великой борьбы.

Я встретил впервые тов. Жука весною 1917 года на первой конференции фабрично-заводских комитетов—на той конференции, которая впервые дала большинство сторонникам Советской власти. Впервые ребром поставлен был вопрос о передаче фабрик и заводов рабочим. И не было более пламенного сторонника этой меры, как тов. Жук. В своем Шлиссельбурге он давно уже сумел все взять в свои руки. Шлиссельбургские рабочие—не самые передовые по своему развитию—шли в первых рядах, вдохновляемые все время их признанным вожаком и любимцем Жуком.

На конференции фабрично-заводских комитетов Жук был выбран в президиум, а затем и в главную резолютивную комиссию. Соглашатели, «обиженные» этой пролетарской конференцией, обратили свое благосклонное внимание и на выделившегося Жука. Желтая пресса подняла травлю против Жука. Его объявили уголовным преступником, убийцей своей собственной матери. Не больше и не меньше.

Все это оказалось заведомой ложью. Мать Жука оказалась жива. К пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости Жук был приговорен по политическому делу. Но это не мешало буржуазным и соглашательским писакам продолжать травлю славного товарища.

Кто знал, кто хоть один раз видел тов. Жука, тот ни на секунду не мог поверить клевете. Человек богатырского сложения, великан, Жук

в то же время отличался необыкновенной добротой и детской мягкостью характера. В глазах светились ум и воля. Он был как бы олицетворением рабочего класса, подымающегося на борьбу.

Жук не был членом нашей партии. Но он принадлежал к числу тех немногих анархистов-синдикалистов, которые во всем существенном вот уже два года идут с нами рука об руку—и в счастьи, и в несчастьи—и на которых все мы смотрим, как на братьев. Жук не был формально членом нашей партии. Но он был горячим поборником коммунизма, и он знал, что наша партия—единственная рабочая партия в мире, которая поставила на очередь борьбу за коммунизм. И он отдал себя в распоряжение нашей партии. И он признал ее суровую дисциплину. И он погиб на посту, на который поставила его наша партия.

В лице Жука погиб несомненно один из крупнейших рабочих-организаторов. Это был организатор божией милостью, это был организаторский талант. Всей душой рвался он на работу по восстановлению нашего разоренного войной хозяйства.

И работа спорилась в его руках. В своем родном Шлиссельбурге он делал чудеса. В его крепких умелых руках все двигалось как машина—мягко, бесшумно и в то же время уверенно и правильно.

Благодаря его усилиям в Шлиссельбурге при пороховом заводе рабочие поставили выработку винного сахару из древесных опилок. Это было детище Жука. В это дело он вложил свою душу. И как велика была его радость, когда он увидел, наконец, результат своей работы, когда он смог принести нам первый выделанный им сахар. Он радовался этому, как ребенок. И он мечтал, как поэт, о том, как ему удастся подобные же сахарные заводы построить по всей России—всюду, где есть леса.

Помню, месяца два тому назад т. Жук зашел ко мне, чтобы поговорить по этому делу. По обыкновению Жук, заговорив о любимом деле, увлекся. И полился плавный, вдохновенный рассказ о том, как это все будет обстоять у нас лет через 10—20, как мы проведем в каждую деревню электричество, как шлиссельбургский опыт найдет себе распространение во всей России. У меня сидел в это время тов. Бухарин. Жук был настолько увлекателен, что Бухарин присел на корточки и как завороженный долго слушал этого замечательного пролетария...

На таких людях держится пролетарская диктатура. Такие люди—цемент рабоче-крестьянского государства. Про таких людей поистине можно сказать: природа-мать, когда б таких людей ты не давала миру, засохла б нива жизни...

Для шлиссельбургских рабочих Жук был—всё. Их политический вождь, руководитель их хозяйства, их продовольственный комиссар, организатор их отрядов. Это Жук провел на шлиссельбургском заводе уже несколько месяцев тому назад: шесть часов в день работать, а остальное время обучаться военному делу. И это благодаря Жуку шлиссельбуржцы могли нам дать теперь превосходный батальон на фронт. Жука тянуло к мирной хозяйственно-организаторской работе. Его призвание было в этой области. Но пролетарская революция призвала его под ружье. И он пошел комиссаром Карельского участка. Здесь он погиб с оружием в руках в первых рядах—верный, славный, твердый часовой революции...

Г. Зиновьев.

Тов. Жук.

На Карельском фронте в ночь на 25 октября пал в бою член военного совета Карельского сектора тов. Иустин Жук.

Смертью на красном фронте завершилась славная жизнь одного из самых чистых и преданных работников пролетарской революции. В политическом отношении расходясь несколько с коммунистами, тов. Жук все же оставался все время самым деятельным работником.

В дни Февральской революции он был освобожден из Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, где он отбывал бессрочную каторгу за вооруженное сопротивление. Десять лет каторги не убили в нем творческих сил, и он сейчас же, по выходе из крепости, с головой окунулся в работу. В последнее время тов. Жук был членом правления Шлиссельбургских пороховых заводов, на которых принимал деятельное участие в организации боевых отрядов. Со смертью Жука молодые шлиссельбуржцы потеряли лучшего и преданнейшего товарища, память о котором будет жить в сердцах тех, кто хоть немного соприкасался с этим лучших из лучших работников пролетарской революции.

Илья Ионов.

Тов. Чекалов.

В бою на Гатчинском секторе убит председатель Шлиссельбургского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов тов. Чекалов.

Душа Совета, тов. Чекалов в первые же дни наступления белогвардейцев отправился с шлиссельбургским отрядом на фронт. Первое красное крещение было для Чекалова роковым. Мягкий и добрый по натуре, он отличался большой прямолинейностью. В последний раз я видел его в Смольном, когда отряд прибыл из Шлиссельбурга.

Среди других товарищей по общей и долгой работе он шел на фронт, верный до конца долгу революционной дисциплины.

То, что мы теряем самых лучших, самых чистых и преданных революционеров, пусть это вольет мужество и уверенность в победе у остающихся в живых. Это будет лучшей наградой тем, кто остается жить в нашей памяти примером непреклонного революционного героизма.

Илья Ионов.

К смерти тов. Рейсбаума.

Тов. Рейсбаум вышел из бедной пролетарской семьи и всю свою жизнь посвятил делу победы пролетариата над буржуазией.

Еще до революции 1917 года он принимал активное участие в профессиональной работе и состоял организатором нескольких пропагандистских групп.

В июне 1918 года он вступает в ряды Росс. Комм. партии.

С первых дней своего вступления в партию он посвящает себя работе в Красной армии.

В работе его всегда чувствовалась решительность, бодрая свободная мысль и полное непризнание препятствий на пути поставленных пред ним задач.

Когда же пред Советской Россией встала грозная опасность наступления на Питер, он был один из тех, кто горячо, с полной верой в нашу победу, отправился немедленно на фронт.

Попав в полк рядовым красноармейцем, он постепенно выдвигается коллективами частей сначала батальонным комиссаром, затем полковым, а впоследствии уже и заместителем бригадного комиссара.

Его горячая, революционная натура на фронте была особенно отмечена красноармейцами.

Не один раз приходилось ему вместе с командиром своей части (тоже отважным и славным коммунистом) бросаться одному на врага, призывая этим дрогнувшие ряды смело и решительно идти вперед.

Так, еще незадолго до своей смерти ему пришлось одному при помощи командира занимать деревню и примером своим заставить свой отряд последовать за ним.

В краткие минуты отдыха он всегда старался организовать то общую лекцию по вопросам партии, программы, то краткие общие беседы в части на злободневные вопросы.

Так он и на фронте, как и в тылу, не признавал препятствий на своем пути и неустанно продолжал свое дело.

Известие о его славной смерти на боевом посту есть известие о последнем его решительном вызове врагу.

Так знай же, геройски павший коммунар, что под напором еще более грозной опасности мы, сплотившись сильнее, вызовы свои умножим и дело нашей победы доведем до конца!

Член Росс. Комм. партии *С. Шульга.*

В. О. Лихтенштадт-Мазин.

15-го октября, во время наступления белых пал в бою на красном Ямбургском фронте, при деревне Кипень, тов. В. О. Лихтенштадт-Мазин. Ему было около тридцати семи лет, но облик его казался совсем юношеским. Казалось, что вся жизнь у него еще впереди; что его глубокая, сложная натура, непрерывно обогащаемая умственным трудом, только еще ждет возможности по настоящему раскрыться в широкой ответственной деятельности. В прошлом у него были суровые испытания: присуждение к смертной казни, с заменою ее бессрочной каторгой, десять лет заточения в Шлиссельбургской крепости. Но его светлый дух преодолел всю тяжесть этих испытаний, и когда в начале марта 1917 года народ разбил двери его тюрьмы, он вышел оттуда как будто совсем даже не постаревшим. Все так же, как в годы его самой первой юности, умный, мягкий и застенчивый взгляд его темных глаз освещал его бледное лицо, а в чарующе-нежной, сдержанной улыбке чувствовалась та же, почти детская чистота души. Тем, кто мало знал его, он мог показаться с виду спокойным, уравновешенным, предназначенным для той научной, кабинетной работы, к которой он уже в ранние годы проявлял исключительные дарования. Но на самом деле в нем таился огромный, взрывчатый темперамент и готовность безоглядно отдаваться революционной борьбе. И тут его безусловная, нетронутая никакими жизненными соблазнами, нравственная честность и цельность, его способность жить и гореть в чистом кислороде захватившей его боевой идеи совершенно незаметно для него самого превращали его в изумительного практического работника, с легкостью бравшего на себя и с легкостью выполнявшего самые трудные, самые смелые организационные и технические задачи.

Впервые он был захвачен революционной войной в начале 1905 года. Незадолго перед тем он вернулся из Лейпцигского университета. Его увлекли научно-философские идеи Авенариуса, Маха, и можно было

думать, что в этом русле пойдет его дальнейшая работа. Но в воздухе уже чувствовалось приближение грозы, и он томился, был неспокоен, недоволен самим собой и своим существованием. 9-ое января—день боевого крещения петрограского пролетариата—был днем боевого крещения и для него. С самого утра до позднего вечера он ходил по улицам Петрограда взволнованный, возбужденный, поспевая в самые опасные места, где над головой его свистали пули. В ближайшие же дни он устроил у себя небольшой, превосходно действовавший множительный аппарат, на котором были отпечатаны для широкого распространения первые бюллетени о совершившемся. За этим последовала систематическая, продолжавшаяся изо дня в день работа по печатанию революционных листков и обращений к войскам. Огонь борьбы захватывал его все глубже. Через несколько месяцев он оказался в ряду максималистов. Со своим обычным ясным спокойствием во всем поведении и с сосредоточенной энергией он взял на себя исполнение ответственных задач в таких революционных предприятиях, как нападение на почту в Фонарном переулке и взрыв дачи Столыпина. Через некоторое время он был арестован вместе со своей юной женой и заключен в Петропавловскую крепость, где провел около десяти месяцев.

Ожидание суда он переносил со свойственным ему стоическим самообладанием. Он ушел в умственную жизнь, читал, писал своим близким удивительные по глубине и мудрости письма, переводил Вейнингера и Штирнера. День суда приближался; все ценившие и любившие его были охвачены тревогой, а он спешно и внимательно заканчивал свой труд. Ему предлагали лучших защитников, но он решительно отказался от какой-либо защиты и, представ пред военными судьями царского режима, не только не сделал попытки оправдаться в их глазах, но для того, чтобы спасти от наказания некоторых товарищей, взял на себя и их вину. Приговором ему была смертная казнь. Его нравственное обаяние коснулось, однако, и заматерелых в беспощадности военных судей: они сами постановили ходатайствовать о замене казни бессрочной каторгой. Он был закован в кандалы и отправлен в Шлиссельбургскую крепость.

Десять лет заключения в крепости, несмотря на все тяжести сурового тюремного режима, прошли для него в возбужденной внутренней

и внешней деятельности. Он учился и учил других, создавал Шлиссельбургскую библиотеку, переводил и писал, работал в огороде, в саду, в мастерских; он ободрял, поддерживал, защищал товарищей. Воспоминания товарища Ионова о нем, напечатанные в «Петроградской Правде» в день его погребения, ярко рисуют его облик с этой стороны: «Среди всех товарищей Владимир пользовался исключительной любовью,—говорится в этих воспоминаниях.—В какую бы камеру он ни попадал, всегда как-то незаметно вокруг создавалась атмосфера нежности и внимания. Среди восьмисот каторжан Владимир выделялся своей революционной непреклонностью, крепостью ума и души. Малейшая обида, нанесенная кому-либо из нас тюремными церберами, вызывала с его стороны самый горячий протест, за который он часто платился тридцатисуточным сидением в темном и зловонном карцере. На работах, на которые нас выгоняли по утрам, первым помощником в какой-нибудь беде являлся Владимир... Но не только в таких случаях проявлялась отзывчивая и самоотверженная натура Владимира. Чтения, занятия, уроки—за всем поспевал Владимир, неутомимый и добрый на самой черной каторжной работе и внимательный, как никто, к нуждам товарищей»... А рядом с этим шла у него и непрерывная умственная работа. Он изучал книгу за книгой, науку за наукой. Многочисленные толстые тетради—целые томы, исписанные его рукой—свидетельствуют о том, как широки были его умственные интересы. Здесь конспекты и заметки из области естествознания и социологии, истории, политической экономии и философии, здесь и перевод книги Чемберлена о Канте, и статья о Геббеле—предисловие к переведенной им «Юдифи», богатые, собранные им среди каторжан материалы по дополнению «Словаря великорусского языка» Даля, и подбор, в переводе, естественнонаучных статей и заметок Гете с вводной статьей—обширный труд, ожидающий в настоящее время своего появления в печати.

Когда февральская революция открыла ему возможность вернуться в жизнь и прошли первые горячечные дни в Шлиссельбургской крепости—вокруг разрушенной народом тюрьмы, откуда нужно было вывезти библиотеку и другие культурные ценности,—он вернулся в Петроград, к матери, к друзьям, словно несколько опьяненный свежим воздухом, взволнованный совершающимся вокруг кипением политических и социаль-

ных идей, но склонный более всего отдаться организационной работе в области народного просвещения. Ему грезился открытый для всех дворец науки, строгой и свободной от академической рутины, дисциплинирующей и просветляющей не только умы, но и души. За такое дело хотелось ему взяться. Но нельзя было ждать этой возможности посреди окружающего водоворота жизни,—и, откликаясь внутренно на все явления разрастающейся революции, разрешая для себя целый ряд встававших на очередь больших жизненных вопросов, он вместе с тем временно взял на себя скромную работу по обслуживанию культурно-просветительных нужд Рождественского городского района.

Весною 1918 года его увлекла организация летней земледельческой колонии для учащейся молодежи под Петроградом. Поэтическая любовь к природе толкала его за город; вынесенные из крепости навыки к работе на земле, в огороде и в саду, давали ему возможность взять на себя руководительство в этом новом для него практическом деле. Но планы его уже ширились, росли, окрашивались социальными идеями. Основанная им летняя трудовая колония должна была превратиться в обширное постоянное учреждение с школой для подрастающего поколения и земледельческой академией для местного крестьянского населения. Работа, выпавшая при этом на его долю, была огромна, и издали могло показаться, что он весь с головою ушел в нее. Но в нем уже назревала неудовлетворенность ею. Вновь пробуждалась в нем революционная стихия. Марксист по своим воззрениям, он все глубже захватывался центральной идеей коммунизма. События европейской жизни, ни на минуту не ускользавшие из поля его зрения, укрепляли в нем веру в то, что настал момент мировой пролетарской революции, и все более влекла его мысль целиком отдаться борьбе за коренное обновление социальной жизни.

В начале 1919 года он вступил в партию коммунистов. В нем продолжалось еще глубокое умственное брожение: его сложная интеллектуальная натура должна была многое заново пересмотреть, самостоятельно оформить для себя партийную идеологию. Но, совершая эту внутреннюю работу, он уже горел новым огнем. Когда в марте 1919 года ему было предложено взять на себя обязанности секретаря Петроградского отделения Бюро Коммунистического Интернационала — по организации

редакции журнала и его технической части,—он отдался этому делу с юношеской страстью. Днем в редакции, ночью в типографии, он работал без устали, торопя, подбодряя и увлекая всех окружающих. Какою радостью сияло его лицо, когда он принес из типографии только что отпечатанный первый номер «Коммунистического Интернационала», выпущенный, несмотря на все трудности, в определенный им срок!

Но и эта работа не могла вполне удовлетворить его охваченную революционным пожаром душу. Судьба пролетарской революции решается на фронте; нужны тысячи, может быть, миллионы жертв для торжества ее, но тот, кто посылает на смерть других, должен быть прежде всего сам готов к смерти, говорил он окружающим. И бесконечно далекий по всему складу своей натуры от военного дела, он стал учиться стрельбе из винтовки и пулемета. Неодолимая сила влекла его на фронт, товарищи по работе не могли удержать его, и в середине августа он был назначен комиссаром штаба 6-ой дивизии 7-ой армии.

Какова была его роль там? Об этом говорят посвященные ему строки товарища Флиора в некрологе, напечатанном 26 октября в «Петроградской Правде». Энергия, настойчивость в проведении намеченной работы соединялись у него с бережным отношением к людям. «Это был один из редких комиссаров, в отношениях как со «спецами», к которым он был приставлен, так и с другими сотрудниками и организациями дивизии». И при этом нужно представить себе и его обычную неутомимость, беспощадность к себе, и его ласковое внимание к окружащим, особенно к солдатам. Простые сердцем и разумом люди всегда тянулись к нему, как к источнику тепла и света, чувствуя вместе с тем какую-то особую значительность его разума и воли.

Он погиб от пули, мужественно выдерживая натиск неприятеля с небольшой горсточкой солдат. Но образ его будет всегда жить в памяти знавших его, а оставшиеся от него личные материалы—письма из Шлиссельбургской крепости и небольшие тетрадки-дневники—останутся замечательным памятником ему самому и драгоценным документом эпохи.

Коммунистический Интернационал.

Приложения

Два героя: Париж и Петроград.

В 1871 году Парижская Коммуна, этот первый всемирно-исторический опыт пролетарской диктатуры, в продолжение двух месяцев вела борьбу с силами французской буржуазии, собравшимися вокруг «помещичьей палаты», как называл Маркс собравшееся в Версале «национальное собрание». Как Советская Республика для русской буржуазии, так Коммуна для французской была не правительством народа, а насильственн ım захватом власти кучкой преступников (Маркс, «Гражданская война во Франции»).

Вождь французских рабовладельцев Тьер объявил, что он будет беспощадно мстить. «Когда, с одной стороны, армия его была уже готова к бою,—говорит Маркс,—а с другой, пруссаки запирали все выходы, он воскликнул: «Я буду беспощаден. Искупление должно быть полное, суд строгий».

И Тьер выполнил свою угрозу: его армия после своей победы «стояла перед задачей, куда девать массы трупов убитых ею людей» (Маркс).

Идущие на Петроград белые банды, сеющие на своем пути смерть и разрушение, грозят рабочему населению Петрограда «поголовным истреблением», как об этом писали их газеты. И рабочие Петрограда знают, что эти слова не пустой звук, ибо, если юденичская «армия» в таких маленьких городах, как Псков и Ямбург, вешала рабочих сотнями, то в таком центре, как Питер, она ознаменовала бы свой путь тысячами, если не десятками тысяч жертв—свежи еще в памяти зверства и мучительства деникинских палачей.

Соотношение сил между пролетариатом и буржуазией глубоко изменилось со времени Парижской Коммуны. На стороне Тьера было громадное превосходство в материальной силе,—он имел в своем распо-

ряжении регулярные войска, отпущенные ему из плена Бисмарком. В настоящее время огромный перевес находится на стороне рабоче-крестьянской власти. Немногочисленным офицерским бандам головорезов Юденича она может противопоставить помимо многочисленного гарнизона и крепкой полевой армии тысячи вооруженных рабочих, проникнутых твердой решимостью победить или умереть.

Два месяца вели борьбу героические парижские коммунары с регулярными войсками Тьера на подступах к Парижу. «Лишь после восьмидневной борьбы пали последние защитники Коммуны. Сопротивление рабочих становилось тем упорнее и сильнее, чем больше войска вдавались в восточную половину столицы, в рабочий город» (Энгельс, предисловие к работе Маркса).

Военное дело было самой слабой стороной Парижской Коммуны, она не сумела создать военного аппарата, основанного на централизации и дисциплине. Недостатки в военной организации Коммуны являлись одной из причин ее скорого крушения. Однако, несмотря на это, долго и упорно тянулась борьба коммунаров с во много раз превосходившими их по числу и организованности войсками французской буржуазии.

Могут ли быть теперь сомнения в том, что ждет Юденича в той поистине неравной борьбе, которую он начал с петроградским пролетариатом? Все говорит за то, что он найдет себе гибель еще до стен Питера. Но если бы он паче чаяния и прорвался на почву первого города революции, то здесь ни один участник разбойничьего набега не избежал бы смерти!

В. Быстрянский.

Парижский рабочий 1871 г.— Петроградский пролетариат 1917 г.

Одно из самых грубых, немотивированных и политически постыдных противопоставлений, какие делает Каутский между Коммуной и Советской Россией, касается характера парижского рабочего в 1871 г. и русского пролетария в 1917—1919 г.г. Первого Каутский изображает революционным энтузиастом, способным на высокое самоотвержение, второго—экоистом, шкурником, стихийным анархистом.

Парижский рабочий имеет за собой слишком определенное прошлое, чтоб нуждаться в революционной рекомендации—или в защите от похвал нынешнего Каутского. Тем не менее у петроградского пролетария нет и не может быть никаких мотивов уклоняться от сопоставления со своим героическим старшим братом. Непрерывная трехлетняя борьба петроградских рабочих—сперва за завоевание власти, затем за ее сохранение и упрочение — представляет собою исключительную летопись коллективного героизма и самоотвержения, среди небывалых мук голода, холода и вечных опасностей. Каутский, как это разъясняется нами в другой связи, для сопоставления с цветом коммунаров берет наиболее темные элементы русского пролетариата. Он и в этом отношении не отличается от буржуазных сикофантов, которым мертвые коммунары всегда представляются несравненно привлекательнее живых.

Петроградский пролетариат взял власть на четыре с половиною десятилетия позже парижского. Этот срок дал нам в руки огромные преимущества. Ремесленный мелкобуржуазный характер старого, отчасти и нового Парижа совершенно чужд Петрограду, средоточию самой концентрированной промышленности в мире. Последнее обстоятельство чрезвычайно облегчало нам задачи агитации и организации, как и установление советской системы.

Наш пролетариат не имеет и в отдаленной мере богатейших революционных традиций пролетариата Франции. Но зато в памяти старшего

поколения наших рабочих были к началу нынешней революции еще слишком свежи великий опыт 1905 г., его неудача и завещанный им долг мести.

Русские рабочие не проделали, подобно французским, долгой школы демократии и парламентаризма, которая в известную эпоху являлась важным фактором политической культуры пролетариата. Но, с другой стороны, у русского рабочего класса не успели отложиться в душе горечь разочарования и отрава скептицизма, которые до известного, надеемся, уже недалекого момента связывают революционную волю французского пролетариата.

Парижская Коммуна потерпела военное крушение, прежде чем перед нею во весь рост встали экономические вопросы. Несмотря на прекрасные боевые качества парижских рабочих, военная судьба Коммуны сразу определилась, как безнадежная: нерешительность и соглашательство наверху породили распад на низах.

Жалованье национальной гвардии выплачивалось по расчету на 162.000 рядовых и 6.500 офицеров; но число тех, которые действительно шли в бой, особенно после неудачной вылазки 3 апреля, колебалось между 20-ю и 30-ю тысячами.

Эти данные нисколько не компрометируют парижских рабочих и не дают права считать их трусами и дезертирами, хотя, конечно, и в дезертирстве недостатка не было. Для боеспособной армии необходим прежде всего централизованный и точный аппарат управления. Этого у Коммуны не было и в помине.

Военное ведомство Коммуны было, по выражению одного автора, как бы темной комнатой, где все сталкивались. Канцелярия министерства была наполнена офицерами, простыми гвардейцами, которые требовали военных припасов, продовольствия, жаловались, что их не сменяют. Их отсылали в комендантство...

«Одни батальоны оставались в траншеях по 20 и по 30 дней, тогда как другие были постоянно в резерве... Эта беззаботность убила скоро всякую дисциплину. Люди храбрые скоро захотели зависеть лишь от самих себя; другие уклонялись от службы. Так же поступали и офицеры; одни бросали свой пост, чтобы идти на помощь к соседу, выдер-

жившему огонь; другие уходили в город...» («Парижская Коммуна 1871 г.» П. Л. Лавров, 1919 г., стр. 100).

Такой режим не мог оставаться безнаказанным: Коммуна была утоплена в крови. Но на этот счет у Каутского имеется бесподобное утешение:

«Ведение войны,—говорит он, покачивая головой, — вообще, ведь, не сильная сторона пролетариата» (стр. 76).

Этот достойный Панглоса афоризм стоит вполне на уровне другого великого изречения Каутского,—именно, что Интернационал не является пригодным орудием во время войны, будучи по существу своему «инструментом мира».

В этих двух афоризмах, в сущности, нынешний Каутский — весь, целиком, т.-е. немногим больше круглого нуля. Ведение войны, видите ли, вообще не сильная сторона пролетариата, тем более, что и Интернационал создавался не для эпохи войны. Корабль Каутского строился для прудов и спокойных бухт, а вовсе не для открытого моря и не для бурной эпохи. Если этот корабль дал брешь, стал протекать и ныне благополучно идет на дно, то виной в этом буря, излишняя масса воды, чрезмерность волны и ряд других непредусмотренных обстоятельств, для которых Каутский не предназначал свой великолепный инструмент.

Международный пролетариат ставил своей задачей завоевание власти. Независимо от того, принадлежит ли гражданская война «вообще» к необходимым аттрибутам революции «вообще», остается несомненным тот факт, что движение пролетариата вперед, по крайней мере в России, в Германии, в частях бывшей Австро-Венгрии, приняло форму напряженной гражданской войны, при том не только на внутренних, но и на внешних фронтах. Если ведение войны не есть сильная сторона пролетариата, а рабочий Интернационал пригоден только для мирной эпохи, тогда нужно поставить крест на революции и на социализме, ибо ведение войны составляет довольно *сильную* сторону капиталистического государства, которое *без войны* не подпустит рабочих к управлению. Тогда остается так называемую «социалистическую» демократию просто объявить приживалкой капиталистического общества и буржуазного парламентаризма, т.-е. открыто санкционировать то, что делают в политике

Эберты, Шейдеманы, Ренодели и против чего на словах как будто все еще возражает Каутский.

Ведение войны не было сильной стороной Коммуны. Именно, поэтому она оказалась разгромлена. И как беспощадно разгромлена!

«Надо обратиться,—писал в свое время довольно умеренный либерал Фио,—к проскрипциям Суллы, Антония и Октавия, чтобы встретить такие убийства в истории цивилизованных наций; религиозные войны при последних Валуа, Варфоломеевская ночь, эпоха террора были в сравнении с ними детскими играми. В одну последнюю неделю мая в Париже поднято 17.000 трупов федерированных инсургентов... Убивали еще около 15 июня».

«Ведение войны вообще, ведь, не сильная сторона пролетариата».

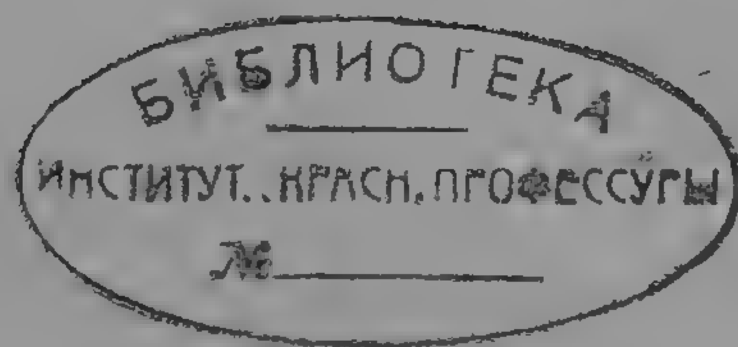
Неправда! Русские рабочие показали, что способны овладеть также и «инструментом войны». Мы видим здесь гигантский шаг вперед по сравнению с Коммуной. Это не отречение от Коммуны,—ибо традиции Коммуны вовсе не в ее беспомощности,—а продолжение ее дела. Коммуна была слаба. Чтоб довершить ее дело, мы стали сильны. Коммуну разбили. Мы наносим удар за ударом палачам Коммуны. Мы мстим за Коммуну, и мы отомстим за нее.

* * *

Из 167.000 тысяч национальных гвардейцев, получавших жалованье, в бой шли два-три десятка тысяч. Эти цифры служат интересным материалом для выводов о роли формальной демократии в революционную эпоху. Судьба Парижской Коммуны решалась не в голосованиях, а в боях с войсками Тьера. 167.000 национальных гвардейцев представляли главную массу избирателей. Но фактически, в боях, определяли судьбу Коммуны 20—30 тысяч человек, наиболее самоотверженное боевое меньшинство. Это меньшинство стояло не особняком,—оно лишь более мужественно и самоотверженно выражало волю большинства. Но это все же было меньшинство. Остальные, прятавшиеся в критические моменты, не были враждебны Коммуне; наоборот, они активно или пассивно поддерживали ее, но они были менее сознательны, менее решительны. На арене политической демократии их низшая сознательность открывала возможность обмана их авантюристами, проходимцами, ме-

щанскими шарлатанами и честными тупицами, которые обманывали самих себя. Но в момент открытой классовой войны они в большей или меньшей мере шли за самоотверженным меньшинством. Это и нашло свое выражение в организации национальной гвардии. Если бы существование Коммуны продлилось, это взаимоотношение между авангардом и толщей пролетариата закреплялось бы все больше и больше. Та организация, которая сложилась и упрочилась бы в процессе открытой борьбы, как организация трудящихся масс, стала бы организацией их диктатуры, Советом депутатов вооруженного пролетариата.

Л. Троцкий.

СОДЕРЖАНИЕ.

Часть четвертая.

ДОКУМЕНТЫ БОРЬБЫ.

Часть пятая.

В ГАЛЛЕРЕЕ БЕССМЕРТНЫХ.

Приложения.

